

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

e-ISSN 1816-8590

DOI 10.22394/1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2020. № 2(134)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2020
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург); председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Inter-regional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);
Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8** **От главного редактора. О конституционной реформе и задачах управления**

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10** **МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А.**
Современность и традиция в российской геополитике.
(Статья вторая)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 16** **АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 22** **КАРАНАТОВА Л. Г., КУЛЕВ А. Ю.**
Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам
- 32** **КУКЛИНА Е. А.**
К вопросу развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России (на примере регионов зоны Арктики)
- 42** **ГЕТМАН А. Г.**
Развитие государственных услуг, предоставляемых таможенными органами — участникам внешнеэкономической деятельности в сфере защиты прав интеллектуальной собственности на пространстве ЕАЭС
- 51** **ОРЛОВ Е. В.**
Теоретические и нормативные основы некоммерческой концессии
- 67** **ФЕДОТОВА Г. Ю.**
Единообразное толкование товарной номенклатуры как основа регулирования международной торговли

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 80** **КИМ М. Н.**
Операционный менеджмент в журналистике: от тематического моделирования издания до управления знаниями
- 90** **ГРИГОРЬЕВ В. Ю.**
Анализ региональной системы среднего профессионального образования через оценку ее устойчивости и сбалансированности
- 109** **СОСНОВСКАЯ А. М.**
Современные источники националистического самосознания в молодежной среде: анализ имплицитных установок опроса «гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде»

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 121 КОВАЛЕВ А. А.**
Мао Цзэдун и стратегия народной войны: уроки истории

A LINEA

- 134 ГИДЕ Ф.**
Геополитический анализ Крымского полуострова и Черного моря
в контексте турецко-российской энергетической политики

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 148 КАШКИН С. Ю.**
Свобода слова в период цифровой трансформации. Рецензия
на монографию «Свобода слова и медиабезопасность»

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor. On Constitutional Reform and Governance Tasks**

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10 NIKOLAY M. MEZHEVICH, VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (Second Article)

POLICY AND LAWFUL STATE

- 16 VLADIMIR B. ALEKSANDROV**
The Idea of the Digital State in the Face of the Russian Cultural Tradition of Understanding of Sense of the Government

POWER AND ECONOMY

- 22 LARISA G. KARANATOVA, ANTON Yu. KULEV**
Innovative Development of the Contract System: Transition to Smart Procurement
- 32 EVGENIA A. KUKLINA**
On the Development of the Tourism Industry through the Implementation of the Socio-Economic Potential of the Regions of Russia (On the Example of the Regions of the Arctic Zone)
- 42 ANASTASIA G. GETMAN**
Development of State Services Provided by Customs Authorities — Participants of Foreign Economic Activity in the Field of Intellectual Property Rights Protection in the EAEU
- 51 EVGENIY V. ORLOV**
Theoretical and Law Bases of Noncommercial Concession
- 67 GALINA Yu. FEDOTOVA**
Uniform Interpretation of the Commodity Nomenclature as the Basis for Regulation of International Trade

SOCIETY AND REFORMS

- 80 MAKSIM N. KIM**
Operational Management in Journalism: From Thematic Modeling Edition to Knowledge Management
- 90 VALERY Yu. GRIGOREV**
Analysis of the Regional Secondary Vocational Education System by Assessing its Sustainability and Balance
- 109 ANNA M. SOSNOVSKAYA**
Modern Sources of Nationalist Self-Awareness among Young People: Analysis of Implicit Guidelines of the Survey "Harmonization of Inter-Ethnic Relations and Prevention of Extremist Manifestations in the Educational Sphere and Young People"

HISTORY AND CULTURE

- 121 ANDREY A. KOVALEV**
Mao Zedong and the Strategy of the People's War: History Lessons

A LINEA

- 134 FATIH GIDE**
Geopolitical Analysis of the Crimean Peninsula and the Black Sea
in the Context of Turkish-Russian Energy Policy

SCIENTIFIC LIFE

- 148 SERGEY YU. KASHKIN**
Freedom of Speech in the Times of Digital Transformation. Review of the
monograph "Freedom of Speech and Media Security"

О конституционной реформе и задачах управления

Дискуссия о конституционной реформе идет с некоторой избыточной эмоциональностью, что, в общем-то, странно, — обсуждаются вопросы государственного устройства страны. Литературная активность охватила не только горе-блогеров, но и немолодых юристов со следами танковых порохов 1993 г. Они искренне считают реформу внезапной и уверены в том, что для настоящей Конституции лучшее оформление — дым пожаров гражданской войны. Доцент философского факультета МГУ политолог Борис Межуев пишет, например, что «ситуация напоминает невнятность ельцинской эпохи и дезорганизацию в Советах во время болезни Владимира Ленина»¹.

На самом деле дискуссия о реформе идет уже несколько лет, а еще в декабре 2019 года в ходе встречи парламентариев с Президентом спикер Госдумы Вячеслав Володин выступил с заявлением о необходимости нового

анализа положений Конституции РФ с позиций эффективности и адекватности современным реалиям.

Президент России Владимир Путин в своем выступлении 15 января 2020 года указал на то, что нет необходимости принимать новую Конституцию. Предложение заключается в том, что следует ограничиться рядом «вполне обоснованных и важных» конституционных поправок, значимая часть из которых была вынесена на обсуждение Президентом, а остальные предлагаются к обсуждению общественностью и членами Конституционной комиссии. Очевидно то, что основы Конституции, прежде всего, разделы, связанные с правами человека, защитой прав граждан, закономерно сохраняются и изменению не подлежат. Предлагаемые поправки связаны с развитием положений, закрепляющих основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина.

Каковы принципиально важные предлагаемые изменения в Конституцию.

- Дополнить Конституцию положением о Государственном совете.
- Дать право Государственной Думе утверждать Председателя Правительства, а также по его представлению всех его заместителей и федеральных министров.
- Ввести механизм назначения руководителей всех силовых ведомств и региональных прокуроров Президентом по итогам консультаций с Советом Федерации.

¹Конституционная реформа: Россия вступила в эпоху «непредсказуемого хаоса» [Электронный ресурс]. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/682433.html> 30.01.2020.

- Закрепить для Конституционного Суда возможность проверять по запросу Президента конституционность законопроектов до их подписания.
- Предоставить Совету Федерации по представлению Президента полномочия отрешать от должности судей Конституционного и Верховного Судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, и при невозможности сохранения статуса судьи.
- Окончательно закрепить приоритет Конституции Российской Федерации над международными договорами.

Одним из ключевых направлений конституционной реформы можно назвать выход из-под зависимости от так называемого международного права. Еще в 2015 г. в Постановлении № 21-П судьи Конституционного Суда пришли к выводу, что наша страна в исключительных случаях может ограниченно применять решения Страсбургского суда, если они противоречат Конституции. Отметим, что классическим обвинением России является указание на то, что страна состоит участником Венской конвенции о праве международных договоров. Этот документ действительно ограничивает право государств ссылаться на внутреннее законодательство при отступлении от международно-правовых обязательств. Однако это не исключает возможности выхода из этих «обязательств».

Таким образом, уже очевидно то, что оппоненты попытаются использовать ситуацию с изменением Конституции РФ в свою пользу, искажая суть поправок.

Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации может обеспечить эффективную увязку юридических задач и текущих практик их реализации. Задача Северо-Западного института — всемерно содействовать реализации поставленных академических и практических задач.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Современность и традиция в российской геополитике (Статья вторая)

Межевич Н. М.¹, Шамахов В. А.², *

¹Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Геополитические исследования отличаются от многих других в общественных науках тем, что к, казалось бы, изученным вопросам и темам приходится обращаться вновь и вновь. Россия как объект геополитических исследований уже традиция, но меняются внешние условия.

Эпоха глобализации, стремительной как половодье в Сибири, закончилась. Нарастают тенденции протекционизма и регионализации. В этих условиях традиционные представления, сложившиеся и, казалось бы, закрепившиеся за годы, требуют переоценки. Очевидно то, что Россия — самостоятельный игрок в глобальном евразийском пространстве. Однако какова должна быть модель поведения, какова должна быть степень нашей внешнеэкономической и внешнеполитической открытости с учетом новых веяний в глобальном мире? Попытка ответа на данные вопросы сделана в предлагаемой статье.

Ключевые слова: политика, геоэкономика, пространство России, протекционизм, изоляция, регионализм, Евразийская интеграция

Для цитирования: Межевич Н. М., Шамахов В. А. Современность и традиция в российской геополитике (Статья вторая) // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 10–15.

Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (Second Article)

Nikolay M. Mezhevich¹, Vladimir A. Shamakhov², *

¹Institute of Europe of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru

ABSTRACT

Geopolitical studies differ from many others in the social sciences in that the seemingly studied issues and topics must be addressed repeatedly. Russia, as an object of geopolitical research, is already a tradition, but the external conditions are changing.

The era of globalization, rapid as a flood water in Siberia, is over. Trends of protectionism and regionalization are increasing. In these circumstances, traditional perceptions, established and seemingly stayed over the years, require reassessment. It is obvious that Russia is an independent player in the global Eurasian space. But what should be the pattern of behavior, what should be the extent of our foreign economic and foreign policy openness, considering new developments in the global world? An attempt to answer these questions is made in the proposed article.

Keywords: politics, geoeconomics, Russian space, protectionism, isolation, regionalism, Eurasian integration

For citing: Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (Second Article) // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 10–15.

В последние десятилетия существенно меняется внимание к геополитике. Ее роль и статус в научном знании остаются предметом для дискуссии. Обнаруживается

интересная тенденция — ведущие ученые, используя де-факто геополитические подходы, не всегда их признают де-юре.

С начала XX в. обращение к роли пространственных факторов в международных и внутригосударственных отношениях продолжает оставаться популярным. Причины этого явления очевидны: помимо глобализации мировых процессов нарастает регионализация и многополярность и даже хаос в международных отношениях. «В любой политической системе, и международные отношения не исключение, отсутствие эффективной власти ведет к анархии и хаосу, но чрезмерная ее концентрация подавляет личные и коллективные свободы»¹.

Внимание к геополитике предопределено также тем, что становление единого и взаимозависимого мира как минимум откладывается. Интерес к геополитике во многом оказался связанным с возможностью ее использования в качестве универсального средства объяснения сложнейших вопросов мировой и национальной политики. Особо следует отметить прогностический характер современной геополитики. В условиях, когда иные методы и подходы доказали свою ограниченность, в условиях глобальной неопределенности, надежды связывают с геополитикой [4].

Укажем на некоторые теоретические положения, показывающие актуальность геополитических концепций для современной России.

Современное экономическое пространство развивается по своим законам и правилам, одно из которых связано с тем, что глобальный рынок всегда выгоднее национального или регионального — в силу его масштабов. Границы экономического или экономико-географического пространства или какого-то отраслевого рынка уже давно не совпадают с территорией отдельного государства. Сказанное относится и к России. Произошел необратимый переход от системы «рынок — государство» к системе «много государств — один рынок». Иными словами, проблемы ведущих государств становятся проблемами всех. Однако на самом деле эта зависимость лидеров от аутсайдеров привела к попыткам сброса балласта и росту протекционизма. Только ли к США и Китаю относится новое увлечение протекционизмом? Конечно же, нет. Нарастает понимание того, что «регионализация мировой экономики была отчасти продиктована противодействием государств разрушительным последствиям глобализации», при этом сама постановка вопроса известна с середины 90-х гг. прошлого века [14, р. 26].

Российская Федерация не могла остаться в стороне от «новой» мировой тенденции. Иными словами, подтвердился прогноз Генри Киссинджера, предположившего, что «Международная система XXI в. будет характеризоваться кажущимся противоречием: фрагментацией, с одной стороны, и растущей глобализацией, с другой. ...международные отношения впервые обретут истинно глобальный характер. Передача информации происходит мгновенно; мировая экономика функционирует на всех континентах синхронно» [5, с. 14–15]. Данный тезис требует конкретизации применительно к России. Пространство России изначально фрагментировано, обладает разными свойствами в контексте как национальной, так и мировой экономики. В одних случаях пространство России становится действительно идеальным проводником, в других замедляет и искажает экономические процессы, замедляет транзит информации и грузов.

Объективно Россия находится в особых географических условиях, эти условия существенно отличаются от «среднеевропейских». По мнению историка А. В. Дулова, «Европа в целом отличается большой расчлененностью, изрезанностью береговой линии. На долю островов и полуостровов приходится треть (34%) всей территории. Однако подавляющее большинство островов и полуостровов находится в Западной

¹ Мюллерсон Р. Нет права без баланса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Net-prava-bez-balansa-18228>. 15.06.2016.

Европе. Континентальность является характернейшей чертой Восточной Европы, особенно резко контрастирующей с остальной Европой, большинство стран которой имеют выход к морю и значительную береговую линию. Если больше половины всей территории Европы (51%) расположено менее чем в 250 км от моря, то для Европейской России соответствующая цифра составляет не более 15%.

В Восточной Европе есть точки поверхности, отстоящие от моря на 1 тыс. км. В Западной же Европе самое большое расстояние до морского берега — 600 км» [3, с. 6]. Естественно, что «континентальность» азиатской части России на порядок выше, а масштабы Сибири не исключают ее позиционирования как государства в государстве [13]. Возникает известный парадокс: географический масштаб не только становится фактором богатства, но и определенным ограничителем. Прав историк и философ И. Солоневич, который указывал: «Американская свобода, как и американское богатство, определяются американской географией; наша свобода и наше богатство ограничены русской географией. <...> История России есть преодоление ее географии» [8, с. 48].

Рассматривая концепции нового протекционизма и рост регионализма, следует по-новому оценить геополитические концепции недавнего прошлого. Концепция «Острова России» В. Л. Цымбурского — материал интересный и многоплановый, во многом спорный, особенно применительно к дискуссии о евразийстве. Для нас является важным то, что В. Л. Цымбурский предполагал определенную изоляцию, сбалансированный автономизм России. Укажем на три ключевых тезиса автора.

- Россия — это целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы.
- В России есть много трудных для освоения земель к востоку от Урала, она никогда не знала реальной угрозы с этой части света, но, возможно, ощущает эту угрозу сейчас от одного из государств Востока.
- Россия далека от либеральной цивилизации на Западе и отделена так называемыми «территориями-проливами»¹.

По Цымбурскому, главной задачей следует считать интенсивное саморазвитие на «острове» и освоение восточных территорий. В. Л. Цымбурский выступает за признание нынешних границ нашей страны, отказ от внешней экспансии и вступление России в мировое сообщество: «Россия исторически не только „сердцевина Земли“, но и „остров среди континента“. Органическая сейчас внешняя политика для нее — „островная“, консервативная, с поддержанием по возможности спокойствия на окаймляющих ее территориях-„проливах“, с наведением связей-„мостов“ поверх и в обход конфликтных очагов, вспыхивающих у ее границ» [10, с. 7].

Концепция Цымбурского, по сути, оборонительная и изоляционистская. В период увлечения безграничной глобализацией она воспринималась как академическое упражнение, однако в настоящее время санкции, протекционизм и регионализация заставляют нас по-новому взглянуть на ее содержание.

Обширность внутреннего рынка России создала предпосылки замкнутости на собственное экономическое пространство. Торговая политика правительства если и носила упорядоченный характер, то была направлена на развитие внутреннего, а не внешнего рынка. Обширность и малая заселенность территории препятствовали созданию круглогодичных регулярных путей сообщения. К примеру, характеризуя роль транспорта в экономическом развитии России, профессор А. Чупров писал еще в середине XIX в.: «Россия, вследствие обширности ее территории

¹ Звощик Е. «Остров Россия» в современных геополитических условиях [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/articles/print/7183>. 30.10.2016. (По работе [11]).

и отдаленности мест производства важнейших продуктов от мест их потребления и вывоза, едва ли не более нуждалась в улучшенных путях, нежели остальные европейские страны» [12, с. 10]. История подтвердила истинность предположения А. Чупрова. До настоящего времени транспортно-географический фактор сдерживает развитие значительных территорий на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. С другой стороны, железнодорожный транспорт в начале XXI в. продолжает играть роль кровеносной системы, связывающей части страны в единое целое, сохраняя свое значение уже третий век.

Приведем один пример. Ярослав Лисоволик, отталкиваясь от собственных расчетов и работ зарубежных авторов, указывает на то, что главный отрицательный фактор в развитии для внутриконтинентальных стран по сравнению с прибрежными районами состоит в более высоких транспортных издержках. Доставка грузов по суше стоит гораздо дороже, чем морские перевозки. Транспортные расходы внутриматериковых стран превышают аналогичные затраты прибрежных экономик на 50%. В других исследованиях указывается на то, что доля транспортных издержек в общей стоимости импорта у стран, не имеющих выхода к морю, может достигать 10–20%, тогда как у развитых стран и США этот показатель равен 4,7% и 2,2% соответственно¹. Эти позиции полностью подтверждены нами в работе, посвященной транзитной политике Беларуси [2].

Следующий важный вопрос — роль акторов глобализации в пространственном развитии России. Высокая континентальность, т. е. географическая изоляция России, дополняется изоляцией политической, которая формируется европейскими и американскими санкционными программами. Сочетание объективных географических предпосылок и политико-экономической ситуации меняет даже качество действия таких агентов глобализации, как транснациональные корпорации (ТНК). Роль ТНК в мировой экономике по-прежнему велика, при этом за последние 30 лет на территорию России пришли иностранные ТНК и возникли российские.

Транснациональные структуры, далекие по своей сущности от идей любого суверенитета, в том числе российского, основывают свою деятельность на экономическом расчете. «Ни один проект реформы, не получившей поддержки транснациональной индустрии, до сих пор не прошел. Осмысленные экологические и социальные реформы уже не разрабатываются на европейском уровне, но и национальные парламенты больше не в состоянии справиться с дестабилизирующей силой рынков» [6, с. 289].

Транснациональные компании играли центральную роль в глобализации образца второй половины XX — начала XXI в. и, конечно же, являлись ее выгодоприобретателями. Стратегия развития ТНК была направлена на поиск мест с самой низкой стоимостью производства (как конкурентного производства). В СССР это положение рассматривалось как аксиома и воспринималось как системный признак капиталистической экономики еще в 1970—1980-х гг. Приход в новую Россию мощных мировых ТНК означал то, что российские конкурентные преимущества признаны на глобальном уровне и на определенном этапе преодолели факторы изоляции политического и экономического пространства страны.

В этом контексте важно уточнить, что конкурентные преимущества любого государства не вечны. Ряд советских исследователей указывали на то, что в кризисных ситуациях расширение интернационализации ТНК наносит ущерб их рентабельности в связи с усилением рисков и при качественном росте издержек адаптации к новым экономическим и политическим условиям. И ТНК уходят,

¹ Лисоволик Я. Географические доводы в пользу евразийских инициатив [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/geograficheskie-dovody-evraziyskie-initsiativy/> 29.05.2017.

свертывают свою деятельность [9]. Иными словами, безграничная экспансия ТНК имеет вполне определенные границы.

Экономика в современном мире становится все более глобальной, социальная же сфера остается локальной [1, с. 189]. В связи с этим встает сложный комплекс проблем, связанных с отрывом экономики, подвергающейся процессам глобализации, от социальной сферы, и с невозможностью решения данных проблем усилиями только лишь надгосударственных образований. Во всех случаях экологических, социальных, политических, экономических вызовов требуется активное участие государства. Эффективность последнего в российских условиях неизбежно выводит на первый план вопросы оптимизации территориально-политического устройства, обеспечения его адекватности всем внешним и внутренним вызовам.

Подведем итоги. Новым пространством сотрудничества становится в большей степени Евразия, но не Европа, вступившая на путь ограничения сотрудничества с Россией. Именно здесь, в Евразии, находится центр конкуренции для одних и сотрудничества для других мощных геополитических игроков.

Огромная, богатая ресурсами Россия способна не только связать Восток и Запад, став поистине исполинским мостом, но и выступить новым игроком в новом качестве. Но как, на каких и на чьих условиях это будет происходить? Да, интерес крупнейшей держав огромен, но могут ли они, как о том мечтали многие теоретики и политики-идеалисты последней четверти века, найти общий язык, построить «общий дом» в условиях общей же политической и экономической турбулентности, которая лишь усиливается?

Как увязать действие противоположных сил и определить результирующую их действия? Ответ на эти вопросы требует специального рассмотрения и выходит за узкие рамки данной статьи. Отметим лишь то, что подходы традиционной геополитики предполагают, что ключевые свойства российского пространства не постоянны, и к изначальной географической данности добавляются такие характеристики, которые позволяют тому или иному актору распространять свое влияние (но именно влияние, а не вульгарный территориальный контроль) на прилегающие регионы или Россию в целом.

Не следует преуменьшать значение того или иного инструмента научного анализа. «Вне зависимости от выбранного ученым масштаба исследования или фактора, влияющего на политику государства, геополитика должна быть естественной частью научного экономико-географического мейнстрима, а не его андеграундом» [7]. Все логично, но почему только частью географического мейнстрима? Необходимо уточнить позиционирование современных геополитических исследований пространства России в общенаучной системе знаний с учетом текущей ситуации в сфере международных отношений и мировой экономики.

Литература

1. Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002.
2. Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая : научный доклад / Н. М. Межевич, В. А. Шамахов. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 54 с.
3. Дулов А. В. Географическая среда и история России, конец XV — середина XIX в. М. : Наука, 1983.
4. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М. : Азбука-Аттикус, 2015.
5. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
6. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001.
7. Потоцкая Т. И., Сильничайя А. В. Состояние географических геополитических исследований в современной России // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 2. С. 112–135.
8. Солоневич И. Л. Народная империя. М., 1991.

9. Хмельницкая Е. Л. Монополистический капитализм Западной Германии. М. : Изд-во ИМО, 1959.
10. Цымбурский В. Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–23.
11. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы: 1993–2006. М., 2007.
12. Чупров А. Железнодорожное хозяйство, его экономические особенности и его отношение к интересам страны. М., 1875.
13. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1892.
14. Fawcett L. Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics. Ed. by Fawcett L. and Hurrell A. Oxford University Press, 1995.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru
Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Azroyantz E. Globalization: a disaster or a path to development? M., 2002. (In rus)
2. Belarus and Baltic states in the system of transport policy of Russia and China: scientific report / N. M. Mezhevich, V. A. Shamakhov. SPb. : NWIM of RANEPa, 2019. 54 p. (In rus)
3. Dulov A. V. Geographical environment and history Russia end of XV — middle of XIX century M. : Science, 1983. (In rus)
4. Kaplan R. The Revenge of Geography. What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. M. : Azbuka-Atticus, 2015. (In rus)
5. Kissinger G. Diplomacy. M., 1997. (In rus)
6. Martin G.-P., Schumann H. Western Globalization. Attack on prosperity and democracy. M., 2001. (In rus)
7. Pototskaya T. I., Silnichaya A. V. State of geographical geopolitical research in modern Russia // Baltic region [Baltiiskii region]. 2019. V. 11. No. 2. P. 112–135. (In rus)
8. Solonevich I. L. People 's Empire. M., 1991. (In rus)
9. Khmelnitskaya E. L. Monopolistic capitalism of West Germany. M. : IMO, 1959. (In rus)
10. Tsybursky V. L. Island Russia (Perspectives of Russian Geopolitical) // Political researches [Politicheskie issledovaniya]. 1993. No. 5. P. 6–23. (In rus)
11. Tsybursky V. L. Island Russia. Geopolitical and chronopolitical works: 1993–2006. M., 2007. (In rus)
12. Chuprov A. Railway economy, its economic features and its attitude to the interests of the country. M., 1875. (In rus)
13. Yadrintsev N. M. Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. 2nd edition. SPb. : Publishing house of I. M. Sibiyaikov, 1892. (In rus)
14. Fawcett L. Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics. Ed. by Fawcett L. and Hurrell A. Oxford University Press, 1995.

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru
Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится сравнение идеи цифрового государства, понимаемого как платформа, на которой создается система сервисов, с пониманием государства в русской культурной традиции. Полагается, что адекватное отражение на философском уровне этой традиции представлено в трудах русских мыслителей, утверждавших, что задачей государственной власти должно стать утверждение духовного единства народа, и что решение этой задачи предполагает взаимное признание духовного достоинства власти и человека, находящегося перед ее лицом. В статье обращается внимание на необходимость избегать «цифровой эйфории» и важность постоянной постановки решений, принимаемых на основе «хороших» технологий, перед судом тех ценностей, с которыми связано духовное достоинство человека.

Ключевые слова: цифровое государство, русская традиция, духовное достоинство, доверие к власти

Для цитирования: Александров В. Б. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 16–21.

The Idea of the Digital State in the Face of the Russian Cultural Tradition of Understanding of Sense of the Government

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article comparison of the idea of the digital state understood as the platform on which the system of services, with understanding of the state in the Russian cultural tradition is created is carried out. It is believed that an adequate reflection at the philosophical level of this tradition is represented in the works of Russian thinkers who argued that the task of state power should be to assert the spiritual unity of the people, and that the solution of this task implies mutual recognition of the spiritual dignity of the power and the person before it. In article the attention to need to avoid “digital euphoria” and importance of constant statement of the decisions made on the basis of “good” technologies before court of those values with which the spiritual dignity of the person is connected is paid.

Keywords: The Digital state, the Russian tradition, spiritual advantage, trust to the power

For citing: Aleksandrov V. B. The Idea of the Digital State in the Face of the Russian Cultural Tradition of Understanding of Sense of the Government // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 16–21.

Словесная конструкция «цифровое государство» в последнее время получила широкое распространение как в публицистике, так и в работах, претендующих на

статус научных исследований. Ее востребованность обусловлена вполне очевидными перспективами и уже имеющимися результатами применения электронных технологий в документообороте, осуществляемом во многих государственных институтах. Вместе с тем данная конструкция явно или неявно формирует ментальную тенденцию нового взгляда на само государство, смыслы его существования, принципы взаимоотношения власти и рядовых граждан. Это обстоятельство делает, на наш взгляд, актуальным определение мировоззренческих следствий, вытекающих из идеологии «цифрового государства», с которыми могут быть связаны неоднозначные процессы в самых различных сторонах общественной жизни. Влияние этих следствий на общественную жизнь во многом будет зависеть от того, как они «ложатся» на отечественную культурную традицию понимания государства и задач, которые оно призвано решать в обществе.

В данной статье мы попытаемся соотнести представление о «цифровом государстве», получающее распространение в публикациях последних лет, и принципиальные положения о природе государственной власти, сформулированные русскими философами, выразившими отечественную традицию понимания сущности государства и его роли в общественной жизни.

В своем рассмотрении мы оттолкнемся от достаточно характерной расшифровки смысла идеи «цифрового государства», которая содержится в докладе Центра стратегических разработок А. Л. Кудрина. Здесь государство понимается как платформа, на которой создается система сервисов («цифровая экосистема»), призванная обеспечить удовлетворение всех востребованных услуг в электронной форме.

В свете такого подхода меняется представление о способах взаимоотношения человека и государства. Человек будет вступать в отношения с государством не как живой, физический субъект, а через посредство своего «цифрового двойника».

Общий смысл аргументации в пользу предлагаемой модификации государства — это снижение затрат на общегосударственные расходы, скорость принятия решений, снижение нагрузки по представлению отчетности (для бизнеса). Для граждан это должно обернуться повышением качества и скорости предоставления услуг, минимизацией контактов с государственными органами и т. п.

Нельзя не согласиться, что развитие взаимоотношения человека и государства в такой форме выводит это взаимоотношение на новый уровень, облегчая человеку решение многих «бумажных» проблем.

Однако есть опасение, что увлеченность подобного рода совершенствованиями, еще раз подчеркнем весьма важными и соответствующими духу времени, приведет к изъятию из сферы государственной жизни человеческого измерения, наполнявшего смыслом отношение человека к государству на всем протяжении его истории, не говоря уже о теме государственной власти.

Очевидно, что роль государства нельзя свести исключительно к сервисной деятельности. Существует целый ряд ситуаций, в которых «оцифровка» взаимоотношений человека, общества и государства является недопустимой и разрушающей само понимание государства как особого общественного института, укорененного в истории и культурной традиции. Это прежде всего касается выработки и принятия стратегических решений, экстремальных ситуаций, возникающих в сфере международных отношений, экономике, изменений в социальной политике, решений в условиях разного рода природных катаклизмов, да и попросту жизненных проблем конкретных людей. К числу таковых, в частности, относится целый ряд проблем из числа тех, с которыми люди обращаются к В. В. Путину во время прямых линий.

Кроме того, следует также иметь в виду отмеченное выше обстоятельство, согласно которому «приживаемость» разного рода организационных новаций зависит

от степени их адекватности культурной традиции, ментальности тех социальных категорий, которых данные новации касаются.

Если говорить о России, то здесь существует особая традиция понимания смысла государства и государственной власти. Эта традиция нашла свое глубокое и всестороннее выражение в русской религиозной философии.

Основные черты понимания государства русскими мыслителями могут быть сведены к следующим положениям.

Первое и основополагающее, из чего исходят русские мыслители при ответе на данный вопрос, заключалось в понимании государства как объединяющего общество начала, как носителя высших смыслов и ценностей, являющихся основой целостности общественной жизни. По словам И. А. Ильина, «Сущность государства состоит в том, что *все его граждане* имеют помимо многих различных, противоположных или одинаковых интересов и целей, *одну, единую цель и один, общий интерес*» [2, с. 268].

Второе положение касается истоков легитимности государства, его права на статус источника и защитника ценностей, призванных объединить общество. Такие истоки видятся русским мыслителям в истории народа, где оно обретает себя, свой сакральный и даже мистический характер. Эту мысль отчетливо формулирует Бердяев: «Государство есть особого рода реальность, неразложимая на элементы чисто человеческие и на чисто человеческие интересы. Бытие государства есть факт мистического порядка. Государство не выводимо ни из каких человеческих интересов и расчетов...» [1, с. 54]. История государства, по Бердяеву, неразрывно связана с судьбой народа; оно формулирует и реализует тот план, который эту судьбу определяет. «Государство есть некая ценность, и оно преследует какие-то большие цели в исторической судьбе народов и человечества» [Там же, с. 63].

Третье положение касается содержания того единства, на которое в первую очередь должна быть направлена консолидирующая деятельность государства. В качестве такового ими рассматриваются не технические условия обеспечения частных интересов и удобства в их удовлетворении, а некоторое духовное единство, связанное с чувством причастности к своей истории. Согласно Ильину, «Объективная природа государства определяется его высшей целью, его единым и неизменным заданием. Это задание состоит в *ограждении и организации духовной жизни людей, принадлежащих к данному политическому союзу*» [2, с. 267]. Развивая эту мысль, философ отмечает, что «государство есть разновидность организованного сожительства; а в основе всякого сожительства людей, если оно не унижительно для них и не эфемерно, лежит *духовная однородность* и общность *духовной культуры*» [Там же, с. 269].

Четвертое положение касается содержания духовного единства, тех ценностей, которые должны в первую очередь культивировать государство. Согласно русским философам, духовное единство — есть условие духа патриотизма, укрепление которого важнейшая задача государства, которая как бы отодвигается на второй план процессами технологического совершенствования отношений гражданина и государства. По Ильину, «государство есть *положительно-правовая форма родины, а отечество составляет истинное содержание политики*» [Там же, с. 270]. Погруженность в технологические, конкретные жизненные проблемы вуалирует основной смысл государственной власти. По словам Бердяева, «государство не есть способ устройства ватерклозетов... сила государства имеет не утилитарную цель, не для мещанского благополучия людей она существует, а для выполнения более высокой миссии» [1, с. 63]. Бердяев выступает против буржуазного экономического, забывающего о священной сущности государства, «столь непохожего по стилю своему на современный торгово-промышленный империализм» [Там же, с. 64].

Отмеченные выше черты представлений русских философов о природе государства подводят к заключению о необходимости видеть опасность потери в погоне за технологическими совершенствованиями главного смысла существования государства — объединения граждан вокруг некоторых фундаментальных ценностей, «наработанных» историческим опытом народа и составляющих основу его идентичности. Отсутствие такого единства превращает общество в конгломерат индивидов, успешно удовлетворяющих свои потребности в государственных услугах, оно «разрушает политический союз и превращает народ во множество разъединенных атомов... и в конце концов духовный атомизм и своекорыстие остаются последним словом этого противополитического разброда» [2, с. 268]. Думается, что аналогичный результат можно получить и при абсолютизации возможностей «цифрового государства».

В этой связи нам представляется, что возможность подобной трансформации образа государства заключена в самом термине «цифровое государство». Это, казалось бы, удобное выражение, ставшее по сути дела мемом, подводит к мысли о том, что цифра исчерпывает суть государства. Хочется думать, что наиболее ответственные энтузиасты данного концепта не доводят идею до такого логического заключения, но никуда не деться от того, что данный термин сводит образ государства к своеобразной электронной машине, переводящей всю деятельность государства, государственную деятельность в цифровой формат.

Цифровые технологии, формализуя отношение человека и власти, могут маскировать ее особый интерес, не совпадающий и даже противостоящий как интересам граждан, так и задаче сохранения целостности общества, на пути культивирования общих духовных смыслов. Конечно, упрощение получения государственных услуг формирует определенную атмосферу благоприятного восприятия власти, ощущение уменьшения пресса бюрократических проволочек. Однако эта практика еще не выводит на восприятие государства как чего-то такого «за что можно было бы стоять на смерть». Как бы то ни было, оборотной стороной введения универсальных форм, поддающихся компьютерной обработке, оказывается обезчеловечивание отношения рядового гражданина с государством. В этих условиях естественным представлением о власти будет понимание ее как чуждой силы, имеющей свой собственный интерес.

В трудах русских философов содержится указание на то, как преодолевается подобное отчуждение. Согласно И.А. Ильину, принципиальной установкой, из которой нужно исходить на этом пути, является рассмотрение в качестве основы взаимоотношения человека и власти правосознания, выражающего «душу народа» и побуждающего человека следовать нормам права. Оно формируется веками и отражает исторический опыт народа.

Правосознание не сводимо к некоторому соглашению по поводу полезности тех или иных норм взаимоотношения людей для сохранения целостности и гармонии общественной системы, удобств, необходимых для комфортного существования людей в обществе. Главным мотивом, побуждающим человека следовать нормам права, выступает духовное самоутверждение, предполагающее признание духовного достоинства другой стороны «правоотношения». «Правоотношение покоится на *взаимном духовном признании людей...* признать за кем-нибудь правовую обязанность, значит утвердить его правоспособность, т.е. признать его *духовную природу*» [2, с. 363].

Принципиальное значение для концепции русского мыслителя является понимание истока, через обращение к которому происходит утверждение духовного достоинства. Таковым выступает способность «...к восприятию и осуществлению *объективной высшей ценности*». Для Ильина это означает, что «человек должен пережить *реальную встречу с божественными содержаниями*, испытать и признать их *сродство со своею личною природою* и утвердить их в себе и себя через них» [Там же, с. 311–312].

Эта принципиальная позиция имеет значение не только для человека, принимающего религиозное мировоззрение. Атеистически мыслящий человек может остановиться на первой части приведенной выше мысли о том, что правовое поведение, ориентированное на другого человека, как субъекта духовного достоинства, предполагает способность к восприятию и осуществлению высшей ценности.

Именно этой установки не хватает составителям упомянутого выше доклада о государстве как цифровой платформе. В нем речь идет, прежде всего, о технической стороне дела, о возможности учесть максимальное число данных для принятия решения, для максимально полной оптимизации этого процесса. Вот характерные установки этого документа. «Качественно изменится принятие решений — в отрыве от медленного человекозависимого сбора и обработки данных из разных источников принятие решений в большой степени станет быстрым, системным, будет основываться на достоверных и надежных данных и человеконезависимых алгоритмах, включая искусственный интеллект. В системе государственного управления, как и в других управленческих системах, приходится принимать стратегические, тактические и операционные решения. Доступ к достоверным данным и технологиям их анализа изменит все типы решений (Изменение качества принимаемых решений), несмотря на то, что алгоритмизировать будет возможно, скорее всего, только операционные решения» [3, с. 20].

Такая оптимизация решений не учитывает того фактора, который Ильин определяет как душу народа, предполагающую духовное достоинство тех, к кому обращается государство со своими решениями.

Правда, в определенной степени ограниченность такого чисто технологического подхода осознается и самими авторами, когда они утверждают, что «алгоритмизировать будет возможно, скорее всего, только операционные решения». Однако эта оговорка не стала поводом для более глубокого понимания оснований принятия решений в системе государственного управления.

Надо сказать, что в настоящее время появляются высказывания, отражающие эту сторону дела. В этой связи представляет интерес вызвавшая большой резонанс статья В. Суркова «Долгое государство Путина». В ней справедливо отмечается, что упование на тонкие социальные технологии, которые становятся делом западного государства, проходит мимо той реальности, которую автор называет «глубинным народом». «Глубинный народ» живет своей жизнью и является почвой, в которой укоренена национально-культурная традиция. Несмотря на весьма общую характеристику данного понятия, ход размышления автора представляется справедливым, поскольку ориентирует на критический поиск тех границ, за которыми осмысленность идеи цифрового государства утрачивается. На первый план выходит доверие к власти, связанное с ощущением собственной духовной состоятельности и, что особенно важно, духовной состоятельности тех, кто представляет власть. Последнего обычно не хватает на самых разных уровнях управления, в том числе тех, которые непосредственно не включены в структуру государства или даже органа муниципальной власти, но от кого зависит решение жизненных проблем людей. Кстати говоря, отношения, складывающиеся на этом уровне, выступают своеобразной «моделью», по которой человек судит о справедливости и правомочности государственной власти. Отношение доверия должно быть присуще всем уровням управленческих отношений, существующих в обществе. Как отмечает В. Сурков, «современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие и критику»¹.

Все вышесказанное не означает призыва к отказу от перевода в электронный

¹ Владислав Сурков: Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019.

формат многих функций, выполняемых государством. Речь идет лишь об опасности «цифровой эйфории» и необходимости постоянной постановки решений, принимаемых на основе «хороших» технологий, перед судом тех ценностей, с которыми связано духовное достоинство человека.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли / Н. А. Бердяев, С. Л. Франк. Л. : Лениздат, 1991.
2. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М. : Русская книга, 1994.
3. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М. : Центр стратегических разработок, апрель 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Berdyaev N. A. Philosophy of Inequality. Letters to foes on social philosophy // Russian abroad. From the history of social and legal thought / N. A. Berdyaev, S. L. Frank. L. : Lenizdat, 1991. (In rus)
2. Ilin I. A. Collection of works : in 10 vol. Vol. 4. M. : Russian Book, 1994. (In rus)
3. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. State as a platform: (cyber) state for digital economy. Digital Transformation [Electronic Resource]. M. : Center for Strategic Development, April 2018. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам

Каранатова Л. Г. *, Кулев А. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *karanatova-lg@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цифровая трансформация затрагивает практически все сферы государственного управления, в том числе сферу государственных закупок. Мировой опыт показывает, что сфера закупок выступает драйвером цифровой трансформации корпораций. По мнению авторов, цифровизация госзакупок не должна быть самоцелью, необходим взвешенный подход, позволяющий сделать контрактную систему более открытой, подотчетной для граждан, удобной для бизнеса, экономически эффективной и антикоррупционной. В настоящее время произошли существенные изменения системы государственных закупок в направлении ее электронизации, появились электронные платформы, электронные магазины для малых закупок, все конкурентные способы закупок перешли в электронный формат. Следующий этап развития контрактной системы — цифровизация за счет перехода к умным технологиям, в их числе блокчейн, смарт-контракты, облачные сервисы, искусственный интеллект, большие данные. Цель этой статьи — показать, как цифровые технологии, в том числе успешно используемые в корпоративной закупочной деятельности, помогут перейти к государственным «закупкам 4.0» и привести к формированию интеллектуальной контрактной системы, в том числе максимально исключив влияние субъективного «человеческого» фактора, передав функцию обеспечения принятия управленческих решений искусственному интеллекту.

Ключевые слова: инновации, контрактная система, смарт-контракты, цифровизация, государственные закупки, цифровая трансформация, нейросети, облачные сервисы

Для цитирования: Каранатова Л. Г., Кулев А. Ю. Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 22–31.

Innovative Development of the Contract System: Transition to Smart Procurement

Larisa G. Karanatova*, Anton Yu. Kulev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *karanatova-lg@ranepa.ru

ABSTRACT

Digital transformation affects almost all areas of government management, including public procurement. World experience shows that the procurement sector acts as a driver of digital transformation of corporations. According to the authors, digitalization of public procurement should not be an end in itself, a balanced approach is needed to make the contract system more open, accountable to citizens, convenient for business, cost-effective and anti-corruption. Currently, there have been significant changes in the public procurement system in the direction of its electronicization, electronic platforms, electronic stores for small purchases have appeared, all competitive procurement methods have switched to electronic format. The next stage in the development of the contract system is digitalization due to the transition to smart technologies, including blockchain, smart contracts, cloud services, artificial intelligence, big-data. The purpose of this article is to show how digital technologies, including those successfully used in corporate procurement, will help move to state “procurement 4.0” and lead to the formation of an intellectual contract system, including eliminating the influence of the subjective “human” factor as much as possible, by transferring the collateral function making managerial decisions to artificial intelligence.

Keywords: innovation, contract system, smart contracts, digitalization, government procurement, digital transformation, neural networks, cloud services

For citing: Karanatova L. G., Kulev A. Yu. Innovative Development of the Contract System: Transition to Smart Procurement // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 22–31

Современный этап развития российской контрактной системы связан с электронизацией закупок, прежде всего, за счет перехода всех видов конкурентных способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя) в электронную форму. Если ранее в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в электронной форме проводился только аукцион, то, начиная с 1 июля 2018 г. у заказчиков, а также уполномоченных органов и уполномоченных учреждений, появилось право осуществлять все конкурентные закупки в электронной форме, а с 1 января 2019 г. это стало их обязанностью, за исключением случаев, установленных законом о контрактной системе.

В результате, по данным Минфина РФ, по итогам I квартала 2019 г. по количеству размещенных извещений в ЕИС (включая конкурентные способы и закупку у единственного поставщика) на электронные закупки приходилось 432 920 извещений, что составило 56,51% от общего их количества. Общий объем закупок в электронной форме составил 1,2 трлн руб. (79,2%). Наибольший удельный вес приходился на электронные аукционы — 50,7% по количеству извещений и 69,4% по объему (выраженному в НМЦК)¹.

Электронизация, а в дальнейшем цифровизация публичных закупок, является мировым трендом в XXI веке. Так, еще в 2011 г. Комиссия ООН по праву международной торговли ЮНСИТРАЛ пересмотрела ранее действующий Типовой закон «О закупках товаров, работ и услуг», принятый ЮНСИТРАЛ в 1994 г., ввиду вызовов современных технологий, возможности использования электронных сообщений при осуществлении госзакупок. В результате резолюцией от 9 декабря 2011 г. был принят Типовой закон ЮНСИТРАЛ «О публичных закупках», представляющий собой обновленную версию Типового закона ЮНСИТРАЛ «О закупках товаров (работ) и услуг» 1994 г.² Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2011 г. предусматривает электронные закупки (электронная публикация, электронная подача документов, электронные встречи, электронные открытые тендеры, электронная оценка, электронные обратные аукционы и электронные рамочные соглашения).

В ЕС одним из основных направлений программы «Европа-2020: Стратегия для умного, устойчивого и всестороннего роста» стало реформирование системы государственных закупок. Новые регуляторные механизмы ЕС направлены на то, чтобы государственные закупки стали более простыми и эффективными для заказчиков и поставщиков, обеспечивали лучшее соотношение цены и качества при соблюдении принципов прозрачности и конкуренции. В частности, Директива 2014/24/ЕС закрепляет постепенный переход к обязательному проведению тендера в электронной

¹ Минфин РФ. Аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам I квартала 2019 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=127941 (дата обращения: 14.11.2019).

² О публичных закупках: Типовой закон ЮНСИТРАЛ 2011 г. // Сайт Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/procurement/ml-procurement/2011-Model-Law-on-Public-Procurement-r.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

форме, в то время как ранее действующая Директива 2004/18/ЕС предусматривала равный режим как для электронных, так и для традиционных средств.

Кроме того, значительно упростились все административные процедуры, связанные с подачей заявок, опубликованием уведомлений и пр., сократились сроки проведения процедур. Особое значение в новой Директиве было уделено поддержке малого и среднего бизнеса путем создания для таких предприятий более благоприятного режима, а также вопросам противодействия коррупции, конфликту интересов и мошенничеству при проведении государственных закупок¹. В действующей Стратегии «Европа 2020» определены четкие количественные показатели для инноваций в экономике, в том числе в сфере государственных закупок. Основное внимание уделяется цифровой повестке дня для Европы: развитие ИКТ для ускоренного экономического роста.

Путь к цифровой трансформации публичные закупки начали с внедрения электронных государственных платформ (e-GP). В России такой платформой является Единая информационная система (ЕИС). На ранних этапах оцифровки Procurement 2.0 перешел от традиционных закупок, основанных на ценах, к записи данных и транзакций с использованием e-GP и управления цифровыми процессами. В Procurement 3.0 был сделан еще один шаг в процессе оцифровки, когда системы e-GP начали работать и взаимодействовать с информацией, находящейся за пределами их собственной экосистемы данных, а деловые решения были основаны не только на транзакциях, а на интеллектуальных возможностях и управлении контентом.

Следующим шагом на пути в этом направлении является Procurement 4.0: революция, вызванная растущей цифровизацией и использованием таких технологий, как искусственный интеллект (AI), когнитивная автоматизация процессов, которые преобразуют организации и саму функцию закупок. Это создает ценность за счет использования анализа больших данных для более эффективного принятия решений, стимулирования инноваций и интеграции данных для улучшения взаимодействия с пользователем.

Иными словами, в современном мире государственные службы, осуществляющие закупки, начали использовать технологии, выходящие за рамки автоматизации процессов, и разработали ноу-хау, чтобы предлагать новые услуги и общаться с гражданами. Все более широкое применение находит интернет вещей для создания городских сервисов мобильности. Облако повышает координацию между администрациями, создавая платформу обмена, которая затем может служить для разработки аналитических услуг с использованием больших данных.

В 2017 г. Европейская комиссия приняла «Стратегию государственных закупок», которая фокусируется на шести стратегических приоритетах. В числе этих приоритетов ускорение цифровой трансформации государственных закупок. Комиссия полагает, что «существует уникальная возможность изменить соответствующие системы и добиться цифровой трансформации». Соответственно, Комиссия призвала к процессу трансформации в направлении современных, инновационных и устойчивых систем закупок, подходящих для XXI в. [4].

Влияние цифровых технологий на будущее закупок находится в центре внимания мировой общественности и деловых кругов, так участники круглого стола «Закупки 4.0», проходившего в Вене и собравшего представителей СРО ключевых отраслей австрийской промышленности, отметили, что будущее закупок будет определяться такими мегатрендами, как растущий уровень цифровизации, дальнейшее увеличе-

¹ Эволюция законодательства Европейского союза о государственных закупках [Электронный ресурс]. URL: <http://inter-legal.ru/evolyutsiya-zakonodatelstva-evropejskogo-soyuzao-gosudarstvennyh-zakupkah-the-evolution-of-the-eu-public-procurement-law> (дата обращения: 01.12.2019).

ние глобализации, разделение экономики и глобальные демографические сдвиги. Закупки должны будут адаптироваться к этим новым изменениям парадигмы. В недалекой перспективе дигитализация будет оказывать влияние не только на функцию закупок, но и на все основные виды деятельности компаний в конкурентной среде. В этом контексте будущее закупок связано не только с развитием их цифровых возможностей, но и с цифровой трансформацией всей корпорации, причем драйвером инновационного развития будут выступать именно закупки. Особо было отмечено, что закупки в XXI в. фокусируются на добавленной стоимости, создании дополнительной ценности, а не просто на сокращении расходов [3].

Таким образом, совершенно очевидно, что в условиях цифровой трансформации электронизация государственных закупок является лишь промежуточным этапом в достижении главной цели — обеспечить формирование умной (интеллектуальной) контрактной системы.

Еще в декабре 2016 г. в ежегодном Послании Федеральному собранию Президент РФ, отметив высокий потенциал развития отечественной ИТ-отрасли, указал на необходимость формирования в нашей стране цифровой экономики. Были определены срок разработки программы «Цифровая экономика» и федеральные ведомства, которым поручена разработка программы. К ним относились Экспертный совет и Аналитический центр при Правительстве РФ. В программе были разработаны правовые, финансовые, технические, организационные мероприятия по развитию цифровой экономики в Российской Федерации. Поставлена задача по интеграции цифровых экономик РФ и стран, входящих в Евразийский экономический союз.

9 мая 2017 г. был издан Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Правительством РФ в 2017–2018 гг. была проделана большая работа по исполнению обозначенных в Послании Президента от 2016 г. и Указе Президента № 203 мероприятий по развитию цифровой экономики. Одним из результатов этой работы стало создание национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Программа была подготовлена с участием Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минкомсвязь РФ). По итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Паспорт нацпрограммы включает в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление».

Многолетний опыт развития инноваций показывает, что прорывные инновационные проекты зарождаются зачастую в корпоративной среде и лишь со временем находят применение в сфере государственного управления. Не исключением является и цифровая трансформация сферы закупок. Сегодня крупные отечественные коммерческие компании являются драйверами развития информационных технологий в сфере закупок. Большинство этих технологий применимы в государственных закупках. Рассмотрим практические примеры. Новый этап развития корпоративных и государственных закупок связан с использованием прогрессивных информационных технологий для создания умной системы закупок, основанной на применении блокчейна, умных контрактов (smart contract) и нейросетей.

Новые технологии приводят не только к повышению эффективности, но и к перестройке бизнес-процессов закупок. На фоне цифровой трансформации появились новые технологии, которые открывают широкие возможности для публичных покупателей. Примером могут служить интеллектуальные контракты на основе блокчей-

на (smart contract), основанные на так называемой технологии распределенного реестра (DLT). Эта передовая технология характеризуется безопасностью, прозрачностью, целостностью, децентрализацией и создает возможности для управления информацией совершенно новыми способами.

Принимая во внимание, что использование этой технологии может применяться практически во всех областях государственного сектора, считается, что ее внедрение в области государственных закупок открывает такие возможности, как сокращение циклов закупок, уменьшение количества случаев мошенничества, ошибок и затрат на обработку документов, обеспечение соответствия требованиям и обеспечение полной прозрачности и отслеживаемости данных, используемых в ходе конкурентной процедуры. Внедрение DLT в государственном секторе является шагом вперед от «электронного управления» к «цифровому управлению», поскольку первое — это просто цифровое преобразование государственного управления, а второе — создание и предоставление новых государственных услуг, модель, которая использует цифровые технологии и интеллектуальные информационные активы.

Основное различие между этой системой, основанной на блокчейне, и ее предшественником, так называемой «электронной закупкой», заключается в том, что последняя все еще требует централизованного управления, которое контролирует информацию в течение всей закупочной процедуры. В системе, основанной на блокчейне, централизованное управление существенно сокращается. Именно децентрализация является главной особенностью этой технологии, поскольку все пользователи, подключенные к сети Blockchain, хранят копию полной книги, и любое обновление распространяется по всей сети мгновенно. Это позволяет в первую очередь предотвращать потенциальные кибератаки, поскольку информация распределяется между компьютерами всех участников, а не концентрируется в централизованной базе данных, таким образом сводя к минимуму риски подверженности взлому.

Тот факт, что информация несимметрично распределяется по регистру, повышает доверие между всеми участниками, поскольку информация хранится не только в государственном органе, но и на компьютерах всех участников, что предотвращает любые односторонние изменения со стороны первого. Любая транзакция просматривается и проверяется большинством узлов, участвующих в сети, прежде чем ее можно будет проверить и записать (так называемый согласованный процесс). Этот согласованный процесс обеспечивает точность распределенной бухгалтерской книги и принимает или отклоняет изменения в сети блоков, гарантируя, что новые данные, добавленные в бухгалтерскую книгу, соответствуют правилам и стандартам данной распределенной бухгалтерской книги и что существующие данные сохраняют целостность.

Другая особенность этой технологии заключается в том, что она изменчива. Это означает, что операция транзакции, добавленная в бухгалтерскую книгу (посредством процесса, известного как майнинг), не может быть отменена. И наоборот, в традиционной централизованной базе данных все данные хранятся в централизованном сервере/облачном хранилище, что, в свою очередь, может вызвать проблемы безопасности или отсутствия доверия со стороны участников, подключенных к сети. Следовательно, все участники, подключенные к сети, могут получать одинаковое количество информации (информационная симметрия), и регистр не может быть изменен без разрешения всех узлов. Кроме того, эта технология также допускает определенную степень анонимности в зависимости от типа распределенной книги, выбранной: общедоступный (без разрешения / разрешенный) или частный (без разрешения/разрешенный) распределенный агент [4].

Смарт-контракты в настоящее время используются в ряде российских компаний в качестве пилотных проектов. Примером может служить «Сервис гарантированных расчетов», который является частью цифровой корпоративной платформы Сбербан-

ка. Он представляет собой онлайн-инструмент для защиты взаиморасчетов между покупателями и поставщиками товаров и услуг. Данный сервис гарантирует продавцу получение оплаты, а покупателю — получение товара или услуги. В качестве оператора и гаранта расчетов между контрагентами выступает «Сбербанк-АСТ»¹.

О возможности применения смарт-контрактов в госзакупках, в частности, речь шла на ежегодном Всероссийском форуме-выставке «Госзаказ — За честные закупки», который в 2018 г. проходил под новым девизом «Госзаказ: За цифровые закупки». На форуме было отмечено, что целью цифровизации системы государственных закупок является сокращение коррупционных рисков, издержек как заказчика, так и поставщика, повышение конкуренции на рынке и эффективности закупок за счет снижения влияния «человеческого фактора», или, иными словами, субъективных оценок при принятии решений. В качестве механизма бизнес-процессов при проведении закупок также назывались смарт-контракты. Было, однако, отмечено, что в настоящее время переход на смарт-контракты затруднен, что связано как с несовершенством правовой базы государственных закупок, так и недостатками информационного обеспечения².

Другим направлением совершенствования контрактной системы в условиях цифровой трансформации может стать использование нейросетей и алгоритмов искусственного интеллекта, которые уже нашли применение в бизнесе. Так, в ПАО «Газпром» на основе этой технологии проведена каталогизация закупок с помощью системы «Антирутина Корпорация», что дало возможность не только повысить прозрачность и управляемость в сфере материальных затрат, но и свести к минимуму риски ошибочного прогноза.

Данный продукт позволяет анализировать исторические данные и формировать прогноз по корпоративным закупкам, создавать и модифицировать кластеры объектов закупок, сравнивать цены в различных подразделениях и источниках, включая госзакупки, вычислять рекомендованные диапазоны цен для текущих и будущих сделок, планировать и управлять материальными затратами корпораций. Использование системы не требует установки новых программ и закупки оборудования. Все расчеты ведутся на собственных серверах компании «Антирутина», а для интерфейса используется обычный интернет-браузер. Конечным пользователем продукта являются специалисты по корпоративным закупкам. Для ПАО «Газпром» автоматически был сформирован «Естественный каталог объектов закупок» корпорации. Его создание и поддержка осуществляются с использованием методов обработки больших данных.

Сервис позволяет исключительно в автоматическом режиме проводить анализ порядка 10 000 планируемых или исторических закупок в час, при этом все закупки распределяются по отдельным, непересекающимся группам взаимозаменяемых объектов. Система, используя в качестве источников цен базу данных прайс-листов и открытые данные госзакупок, определяет оптимальные цены на каждую закупку, кроме того, определяется географическое распределение, тренды и даже потенциальное превышение цен³.

¹ Сбербанк поможет клиентам защитить сделки от непредвиденных рисков // ИА «Банки.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10217533> (дата обращения: 11.11.2019).

² Автоматизация закупок: опыт крупнейших заказчиков, структура рынка, тренды. Исследование TAdviser [Электронный ресурс]. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Автоматизация_закупок:_опыт_крупнейших_заказчиков,_структура_рынка,_тренды._Исследование_TAdviser (дата обращения: 11.11.2019).

³ В «Газпроме» создан «Естественный каталог закупок и цен» [Электронный ресурс]. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Газпром_\(Антирутина_Корпорация\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Газпром_(Антирутина_Корпорация)) (дата обращения: 11.11.2019).

Нейросети также нашли применение в прогнозировании закупок торговыми организациями (см. например [2, с. 149]). Чтобы спрогнозировать объем закупок, торговому предприятию нужно располагать информацией об объемах закупок и продаж за предыдущие периоды; о количестве нереализованных товаров; изменении цен у поставщиков; тенденциях появления на рынке новинок по товарным группам; сезонности реализации товаров и др.

Данный опыт может найти применение в системе государственных закупок. Государственные заказчики, имея доступ к информации, размещенной в ЕИС, а также к информации по собственным закупкам, могут за счет применения нейросетей составить точный прогноз объема будущих закупок. Таким образом, использование нейросетей и алгоритмов искусственного интеллекта может найти применение при планировании государственных закупок.

Одним из инновационных способов осуществления корпоративных закупок являются облачные вычисления. В корпоративном секторе облачные сервисы уже доказали свою эффективность благодаря существенному снижению нагрузки на инфраструктуру предприятия и значительной экономии. Известны три основные типа моделей в информационном обеспечении закупок:

- IaaS — Infrastructure as a Service — инфраструктура как услуга, например, виртуальные серверы и виртуальная сеть; клиент может устанавливать любое программное обеспечение и приложения;
- PaaS — Platform as a Service — платформа как услуга, например, веб-сервер или база данных; клиент управляет приложениями, операционной системой управляет провайдер;
- SaaS — Software as a Service — программное обеспечение как услуга, например, электронная почта или иное офисное приложение; клиент пользуется приложением, базовыми настройками приложения управляет провайдер.

По итогам 2018 г. в России общий уровень проникновения IaaS/PaaS составляет менее 2% от общего количества хозяйствующих субъектов, имеющих широкополосный доступ в интернет, при этом этот показатель почти в 10 раз выше среднего в сегменте крупных и средних предприятий. Отчасти это объясняется ростом потребления корпоративных приложений в формате SaaS, которые ориентированы на малый бизнес. Иными словами, малые предприятия вместо покупки IaaS/PaaS предпочитают использовать готовые облачные бизнес-приложения. Сервисы IaaS/PaaS используют провайдеры SaaS и крупные компании не ИТ-сектора. По прогнозам в 2019 г. рынок IaaS составит 12,5 млрд руб. в сопоставимых ценах, а общий объем корпоративного потребления облачных серверных мощностей, включая услуги, предоставляемые на основе инфраструктуры за пределами РФ, достигнет 18 млрд руб., что составит около 40% от суммарного потребления виртуальных и физических серверов в России¹.

В качестве практического примера использования интернет-сервисов можно привести создание первого в России интернет-сервиса управления торговлей и складом «МойСклад». Официальный запуск проекта состоялся в 2008 г., когда отечественная компания ООО «Логнекс» предоставила предприятиям программу «МойСклад» (www.moysklad.ru) в качестве интернет-сервиса. Эта компания стала одним из первых российских разработчиков программного обеспечения для автоматизации бизнеса, распространяемого по модели SaaS («Программное обеспечение как услуга»), а в 2011 г. инвестором и совладельцем сервиса стала компания 1С. Около половины пользователей ресурса «МойСклад» — интернет-магазины, которым нужно четко отслеживать

¹ Infrastructure as a Service, IaaS (рынок России) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Infrastructure_as_a_Service,_IaaS_\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Infrastructure_as_a_Service,_IaaS_(рынок_России)) (дата обращения: 15.12.2019).

движение товара, чтобы не держать на складе лишнего, но и не остаться без товара. На сегодняшний день «МойСклад» входит в число лидеров российского рынка SaaS-приложений, сервисом уже воспользовались более 1 000 000 компаний¹.

Для обработки непрерывно увеличивающегося объема данных в последние годы разработаны специальные аппаратные и программные решения. Они получили название BigData. Технология BigData сегодня в первую очередь ориентирована на бизнес, в частности, она позволяет не только наращивать клиентскую базу, но и формировать и анализировать информацию о клиентах, об особенностях их мотивации. Анализ этой информации выступает механизмом оптимизации взаимодействий с клиентами, позволяет создавать дополнительную ценность, строить прочные отношения на долговременной основе. В свою очередь за счет интеграции технологии BigData с инструментами бизнес-аналитики (Business Intelligence) появляются новые возможности по улучшению прогнозирования покупательского спроса, определению оптимальной величины товарных запасов, управлению ассортиментом и ассортиментным планированием, формированию программы стимулирования продвижения товаров, распределению остатков товарных запасов с наименьшими потерями [1].

Следующий пример использования цифровых технологий в сфере закупок — появление функции юридического цифрового интерфейса. В частности, речь идет о сервисе по проверке документации госзакупок «Анализ закупки за час», разработанном сотовым оператором «МегаФон». Цель проекта состоит в предоставлении возможности клиентам участвовать в торгах без юриста, осуществлять проверку документации и даже сформировать жалобу в ФАС. Автоматизированная система анализа, используемая в решении «Анализ закупки за час», проверяет более 20 важнейших показателей, в их числе — соответствие документации обязательным требованиям законодательства, способ закупки, сроки подачи заявок и обеспечение контракта. В случае, если документы не соответствуют законодательству, специалисты «МегаФона» предоставят готовый проект жалобы в ФАС, что может также стать основой для запроса разъяснений².

Интересен опыт компании «Ростех» в части разрабатываемой платформы, которая позволит в автоматизированном режиме формировать предмет закупки и начальную цену до объявления закупок на основе имеющихся данных (в том числе о проведенных ранее аналогичных закупках), что позволит предотвращать ошибки при осуществлении закупок³. Стратегическая цель внедрения данной платформы состоит в формировании полноценной интеллектуальной информационной системы.

Представляют практический интерес комплексные решения для мобильной торговли RetailMobileSuite (RMS) и «ОмниЛинк», которые созданы ведущим системным интегратором в области розничной торговли — компанией «Пилот» (www.pilot.ru). RMS реализуется с помощью локальной сети стандарта Ethernet. Подключение мобильных пользователей осуществляется с помощью точки доступа (AccessPoint), управление работой такой сети осуществляется с использованием сервера. «ОмниЛинк» представляет собой пакет программ, предназначенных для создания мобильных приложений на терминалах сбора данных (ТСД).

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/predprinimateli/57495-sklad-v-oblakah> (дата обращения: 15.12.2019).

² «МегаФон» проверит документы. Оператор запускает юридический сервис // Газета «Коммерсантъ», 27.11.2017, № 220 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3479797> (дата обращения: 10.11.2019).

³ ФАС и «Ростех» разработают интеллектуальную информсистему госзакупок // Интернет-газета «Реальное время» [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/news/83359-fas-i-rosteh-razrabotayut-intellektualnuyu-informsistemu-goszakupok> (дата обращения: 10.02.2018).

Программный комплекс отличает простота настройки — мобильные приложения создаются без программирования. Они формируются в «Генераторе проектов» — среде для разработки приложений для ТСД. Он имеет вид конструктора, интерфейс которого интуитивно понятен, поэтому реализовать задачу может даже технически неподготовленный человек. Внедрение таких систем на предприятиях розничной торговли позволяет оптимизировать процессы торгового зала, увеличить скорость сбора и обработки данных за счет работы в онлайн-режиме, сократить время обучения персонала и т.д. Оба решения «Пилота» пользуются популярностью на рынке систем сбора данных. Среди ритейлеров, успешно внедривших в собственные бизнес-процессы «ОмниЛинк», можно назвать «Ашан», «Детский мир», «Леруа-Мерлен», Bershka, Mango, MassimoDutti, Tervolina, Zara. А возможностями RMS воспользовались «Атак», «Крона Груп», «ЛеруаМерлен», Оптоклуб «Ряды», «Центр-обувь», Центробанк РФ, «Юлмарт» и др.

Таким образом, нами были рассмотрены основные направления формирования интеллектуальной умной контрактной системы на основе изучения, анализа возможности применения новейших цифровых технологий в сфере корпоративного управления закупочной деятельностью, где все большее применение находят предиктивная аналитика по закупкам, когнитивные системы поддержки принятия решений, виртуальные помощники по закупкам, роботизация в транзакциях, кибернетическое отслеживание, виртуальная реальность, краудсорсинг, совместные платформы и др.

Главное помнить, что цифровая трансформация — это не дань моде, не самоцель, а необходимость, продиктованная глобальными вызовами XXI в.

Литература

1. Гаврилов Л. П. Организация коммерческой деятельности: электронная коммерция. 2-е изд., доп. М. : Юрайт, 2019.
2. Лебедев А. Н., Тынченко В. С. О применении искусственных нейронных сетей к прогнозированию закупок на торговом предприятии // Решетневские чтения. 2013. С. 148–150.
3. Arthur D. Little. Procurement 4.0 in the digital world [Электронный ресурс]. URL: https://www.adlittle.com/sites/default/files/events/adl_executive_event_procurement_4.0_in_the_digital_world.pdf (accessed: 15.12.2019).
4. Sánchez S. N. (2019). 'The Implementation of Decentralised Ledger Technologies for Public Procurement Blockchain-based Smart Public Contracts', European procurement & public private partnership law review. P. 180 world [Электронный ресурс]. URL: <http://idp.nwipa.ru:2230/login.aspx?direct=true&db=edsbl&AN=RN621975418&lang=ru&site=eds-live> (accessed: 15.12.2019).

Об авторах:

Каранатова Лариса Геннадиевна, декан факультета дополнительного профессионального образования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; karanatova-lg@ranepa.ru

Кулев Антон Юрьевич, Директор Учебно-консультационного центра управления государственными, муниципальными и регламентированными закупками Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; kulev-ay@ranepa.ru

References

1. Gavrilov L. P. Organization of commercial activity: e-commerce. 2nd ed. Moscow : Urait, 2019. (In rus)
2. Lebedev A. N., Tynchenko V S. On the Application of Artificial Neural Networks to the Forecasting of Purchases at the Trading Enterprise // Reshetnevsky Readings. 2013. P. 148–150. (In rus)
3. Arthur D. Little. Procurement 4.0 in the digital world [Электронный ресурс]. URL: https://www.adlittle.com/sites/default/files/events/adl_executive_event_procurement_4.0_in_the_digital_world.pdf

adlittle.com/sites/default/files/events/adl_executive_event_procurement_4.0_in_the_digital_world.pdf (accessed: 15.12.2019).

4. Sánchez S.N. (2019). 'The Implementation of Decentralised Ledger Technologies for Public Procurement Blockchain-based Smart Public Contracts', European procurement & public private partnership law review. P. 180 world [Электронный ресурс]. URL: <http://idp.nwipa.ru:2230/login.aspx?direct=true&db=edsbl&AN=RN621975418&lang=ru&site=eds-live> (accessed: 15.12.2019).

About the authors:

Larisa G. Karanatova, Dean of the Faculty of Additional Professional Education of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics) Professor; karanatova-lg@ranepa.ru

Anton Yu. Kulev, Director of Educational Consulting Center of the Government, Municipal and Regulated Procurement Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; kulev-ay@ranepa.ru

К вопросу развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России

(на примере регионов зоны Арктики)

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kuklina-ea@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Туристическая отрасль относится к числу наиболее динамично развивающихся и перспективных отраслей мировой экономики, но в настоящее время вклад туристической отрасли в ВВП России составляет менее 3,5%, что нельзя признать соответствующим огромному туристско-рекреационному потенциалу. В «Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года» сформулированы задачи повышения эффективности функционирования этой отрасли. Важность поставленных задач актуализирует исследования всех научных и прикладных аспектов развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов РФ, одним из ключевых элементов которого и является туристско-рекреационный потенциал. В статье управление туристско-рекреационной деятельностью рассматривается в контексте социально-экономического развития субъекта РФ. Представлены результаты изучения мирового опыта в сфере туризма и исследованы возможности использования передовых практик в России. Обоснован механизм интеграции туристско-рекреационных зон страны в единую экономическую систему и предложена модель виртуального туристско-рекреационного кластера. Рассмотрены возможности реализации проектов государственно-частного партнерства как источника финансирования туристической отрасли на примере арктического туризма. Сформулированы направления развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России.

Ключевые слова: туризм, туристско-рекреационный потенциал, туристско-рекреационная зона, туристско-рекреационный кластер, государственно-частное партнерство, арктический туризм

Для цитирования: Куклина Е. А. К вопросу развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России (на примере регионов зоны Арктики) // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 32–41.

On the Development of the Tourism Industry through the Implementation of the Socio-Economic Potential of the Regions of Russia (On the Example of the Regions of the Arctic Zone)

Evgenia A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; kuklina-ea@ranepa.ru

ABSTRACT

The tourism industry is one of the most dynamically developing and promising sectors of the global economy, but currently the tourism industry contributes less than 3.5% to Russia's GDP, which cannot be recognized as corresponding to the huge tourist and recreational potential. The "Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation until 2035" formulates the tasks of increasing the efficiency of functioning. The importance of the tasks actualizes the study of all scientific and applied aspects of the development of

the tourism industry through the implementation of the socio-economic potential of the regions of the Russian Federation, one of the key elements of which is the tourist and recreational potential. The article considers the management of tourist and recreational activities in the context of the socio-economic development of the subject of the Russian Federation. The results of studying world experience in the field of tourism are presented and the possibilities of using best practices in Russia are investigated. The mechanism of integration of tourist and recreational zones of the country into a single economic system is substantiated and a model of a virtual tourist and recreational cluster is proposed. The possibilities of implementing public-private partnership projects as a source of financing the tourism industry on the example of Arctic tourism are considered. The directions of development of the tourism industry through the implementation of the socio-economic potential of the regions of Russia are formulated.

Keywords: tourism, tourism and recreation potential, tourism and recreation zone, tourism and recreation cluster, public-private partnership, Arctic tourism

For citing: Kuklina E. A. On the Development of the Tourism Industry through the Implementation of the Socio-Economic Potential of the Regions of Russia (On the Example of the Regions of the Arctic Zone) // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 32–41.

Введение

В настоящее время туристическая отрасль относится к числу наиболее динамично развивающихся и перспективных отраслей мировой экономики, устойчиво удерживая позиции в тройке лидеров по уровню получаемых доходов. Туристический бизнес также один из самых доходных видов предпринимательской деятельности; по оценкам, вклад отрасли в мировую экономику превышает 10% ВВП мира, что вполне сопоставимо с доходами от продажи углеводородов.

На мировом рынке туристических услуг Россия с долей 1,4% мирового туристского потока занимает пока достаточно скромное место, и в настоящее время вклад туристической отрасли в ВВП составляет менее 3,5%. К 2026 г. за счет реализации ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2019–2025 годы» долю туризма в ВВП планируется довести до 5,0%, что также нельзя признать соответствующим высокому туристско-рекреационному потенциалу (ТРП) нашей страны.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24. 11. 1996 г. № 132-ФЗ деятельность в сфере туризма и рекреации признается одной из приоритетных отраслей экономики; государственное регулирование этой сферы осуществляется на следующих основных принципах¹: содействия туристской деятельности и создания благоприятных условий для ее развития; поддержки приоритетных направлений туристской деятельности; формирования представления о Российской Федерации как о стране, благоприятной для туризма.

В соответствии с принятой «Стратегией развития туризма в Российской Федерации до 2035 года» (распоряжение Правительства РФ № 2129-р от 20.09.2019), развивать туристическую отрасль предполагается за счет: создания и развития туристских территорий; введения специальных преференциальных (льготных) режимов; реализации комплексных проектов по созданию туристской и обеспечивающей инфраструктуры; формирования и продвижения качественного и конкурентоспособного туристского продукта как на внутреннем, так и международном рын-

¹ Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (редакция, действующая с 1 июля 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9032907> (дата обращения: 10.10.2019).

ках; увеличения доступности туристских и рекреационных услуг для российских граждан¹.

Так, предусматривается комплексное развитие и благоустройство туристических территорий, включая развитие туристской, коммунальной и транспортной инфраструктуры, строительство и реконструкция объектов магистральной инфраструктуры, формирование туристского продукта с учетом природного, культурного и этнического разнообразия регионов России. Важность поставленных стратегических задач актуализирует исследования всех научных и прикладных аспектов развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов РФ, одним из ключевых элементов которого и является ТРП.

Материалы и методы

Целью настоящего исследования является изучение вопросов развития туристической отрасли Российской Федерации посредством реализации социально-экономического потенциала регионов (на примере субъектов РФ Арктической зоны).

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть управление туристско-рекреационной деятельностью в контексте социально-экономического развития субъекта РФ;
- изучить мировой опыт в сфере туризма и возможности использования передовых практик в реалиях России;
- обосновать механизм интеграции туристско-рекреационных зон (ТРЗ) страны в единую экономическую систему;
- предложить модель виртуального туристско-рекреационного кластера (ВТРК);
- рассмотреть возможности реализации проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) как источника финансирования туристической отрасли.

Для решения поставленных задач были использованы методы сравнительного и логического анализа, метод экспертных оценок, которые позволили обосновать предложения по направлениям развития туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России.

В качестве гипотезы выступает предположение о необходимости разработки механизма интеграции регионов, обладающих конкурентным ТРП в единую экономическую систему с целью эффективного использования совокупного ТРП и обеспечения экономически эффективного функционирования каждого региона.

Для обеспечения максимально интенсивного взаимодействия между ТРЗ целесообразно создание ВТРК, объединяющего ТРЗ субъектов РФ или, как альтернативный вариант — создание ВТРК, объединяющего ТРЗ с аналогичным видом туризма. Для повышения привлекательности туристско-рекреационной деятельности в России необходимо дополнительное привлечение денежных средств и организационных ресурсов, одним из источников которых должны стать проекты ГЧП.

Результаты

ТРП региона представляет собой потенциальную возможность использования конкретной территории в целях достижения устойчивого развития [1]. Таким образом, туристско-рекреационные ресурсы региона являются одним из элементов ресурсного обеспечения его устойчивого развития. В настоящее время на территории России выделяются пять основных ТРЗ (Европейский Север, Центр России, Европейский Юг России, Юг Сибири и Дальнего Востока, Азиатский Север), специали-

¹ Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/37906/> (дата обращения: 27.09.2019).

зирующихся на определенных видах туризма, что может быть важным фактором как регионального развития, так и социально-экономического развития страны в целом [5].

Ранее было установлено [2], что формирование ТРЗ в регионе происходит при одновременном соблюдении двух условий, которые являются необходимыми и достаточными: наличие территории, примечательной по своим историческим или географическим характеристикам, которую можно рассматривать в качестве объекта рекреации и туризма; наличие благоприятных условий для функционирования хозяйствующих субъектов туристического бизнеса.

Эффективность управления развитием ТРЗ зависит от степени соответствия Стратегии социально-экономического развития территории, обязательным элементом которой должен быть раздел, посвященный вопросам управления развитием туризма и рекреации в регионе. В Рейтинге-2018 самых популярных у туристов стран мира¹ лидирует Франция, поступления от туризма в которой формируют 9,5% ВВП. В Топ-5 входят также Италия (13,2%), Испания (12%), Китай (11%) и США (7,8%). Эти страны, а также Греция (20,6%), Турция (12,1%), Болгария (11,7%) и др. имеют существенные устойчивые доходы от туризма, что позволяет рассматривать эту сферу как надежный источник пополнения доходной части государственного бюджета.

Прямое заимствование передового опыта стран, являющихся хэдлайнерами в развитии индустрии туризма, без адаптации соответствующих инструментов к российским реалиям представляется невозможным, но конструктивными представляются следующие направления его использования [3]:

- осуществление научно-исследовательских работ в сфере туризма и рекреации с использованием современных маркетинговых технологий;
- закрепление на законодательном уровне необходимости разработки и реализации государственной туристической «имиджевой» стратегии;
- создание зарубежных офисов Ростуризма с целью продвижения и отечественного туристического продукта;
- разработка региональных программ поддержки предпринимательства в сфере туризма и рекреации.

Особенности развития регионов РФ, в которых локализованы рекреационные районы, обуславливают необходимость разработки механизмов их интеграции в единую экономическую систему. Разработка системы взаимосвязанных механизмов, способов и приемов с целью эффективного использования совокупного ТРП позволит обеспечить экономически эффективное функционирование каждого региона и формирование его конкурентного преимущества в долгосрочной перспективе.

Критерием эффективности интеграции рекреационных районов ТРЗ в единую экономическую систему является максимизация целевой прибыли от уставной деятельности хозяйствующих субъектов ТРЗ, функционирующих в рамках единого экономического пространства (1):

$$p = \left\{ \begin{array}{l} x_1(a_1, a_2, \dots, a_i, \dots, a_n) \\ x_2(a_1, a_2, \dots, a_i, \dots, a_n) \\ x_3(a_1, a_2, \dots, a_i, \dots, a_n) \end{array} \right\} \rightarrow \max \quad (1)$$

где p — целевая прибыль от уставной деятельности хозяйствующих субъектов в ТРЗ, функционирующих в рамках единого экономического пространства; $x_1(a_i)$ —

¹ Составлен рейтинг самых популярных у туристов стран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.m24.ru/news/turizm/30052019/78099> (дата обращения: 27.09.2019).

комплекс организационных элементов; $x_2(a_i)$ — набор механизмов оценки и управления; $x_3(a_i)$ — инструменты обеспечения туристско-рекреационной деятельности; a_i — ограничения по ресурсам (финансовым, кадровым, информационным и др.).

Прорыв в развитии информационно-коммуникационных технологий изменил условия функционирования экономических систем, при которых в разы увеличивается скорость передачи информации, что позволяет значительно сократить длительность циклов разработки и производства продукции, в том числе и туристического продукта. В целях увеличения эффективности всех протекающих процессов и повышения конкурентоспособности на внешних рынках, важным представляется обеспечение максимально интенсивного взаимодействия между регионами, а также увеличение скорости коммуникации между ними.

Для успешного решения этой задачи представляется целесообразным создание виртуального туристско-рекреационного кластера (ВТРК), объединяющего ТРЗ субъектов РФ. Альтернативным вариантом может быть создание ВТРК, объединяющего ТРЗ с аналогичным видом туризма — например, «Арктического ВТРК», реализующего программы арктического туризма в приполярных регионах страны, и сопряженного с межрегиональным туристским проектом «Серебряное ожерелье России», который объединяет 11 регионов СЗФО: Санкт-Петербург, Ленинградскую, Архангельскую, Вологодскую, Калининградскую, Мурманскую, Псковскую, Новгородскую области, Республики Карелия и Коми и Ненецкий автономный округ.

Взаимодействие элементов в рамках ВТРК осуществляется в виртуальном пространстве в информационно-коммуникационной сети Интернет. ВТРК состоит из внутреннего контура, предназначенного для закрытого обмена информацией между участниками кластера, и внешнего контура, представляющего Интернет-портал, основной целью которого является продвижение туристического продукта, созданного участниками ВТРК. Функционирование ВТРК по описанной модели позволяет преодолеть географические ограничения между участниками кластера, ее можно использовать для расширения межрегионального взаимодействия.

Эффективность деятельности хозяйствующих субъектов в сфере туризма и рекреации зависит от надежного финансирования. В структуре финансирования туризма в России, в соответствии с ЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011–2018 годы», преобладают внебюджетные источники (63,6%); средства федерального бюджета составляют 28,9%; средства бюджета субъектов РФ и муниципальных образований — 7,5%.

В качестве источника финансирования туристической отрасли правомерно, по нашему мнению, рассматривать проекты государственно-частного партнерства (ГЧП). В данном случае наиболее приемлемой является ГЧП в форме концессионного соглашения (концессии), обуславливающего право представителю бизнеса, данное государством, на выполнение функций, определенных в договоре, а также наделение его полномочиями, необходимыми для того, чтобы обеспечить эффективное функционирование объекта.

Концессия как форма ГЧП базируется на реализации технической, юридической и финансово-экономической моделей. В качестве технической модели проекта выступают техническая документация, которая определяет технико-экономические параметры объекта концессионного соглашения. Юридическая модель является базовой организационно-правовой схемой реализации отношений между бизнесом и государством, которая строится для выявления рисков, нуждающихся в оценке, чтобы в процессе реализации проекта исключить сложности, связанные с его приостановкой или оспариванием. Финансово-экономическая модель — это результат, полученный в процессе юридического и технического структурирования проекта концессии, который определяется денежными инвестиционными потоками (государства, инвестора, населения и финансирующих институтов).

Активно растущим сегментом мирового туристического рынка является арктический туризм. Немногим странам повезло обладать исключительным суверенитетом в отношении арктических территорий, и речь идет не столько о факторах производства, сколько об уникальных рекреационных ресурсах; именно на природно-климатические факторы опирается природный туризм [1].

Российская Федерация является членом Арктического совета, в который входят семь приарктических стран (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия) и Швеция. Арктический совет¹ — это международная организация, цель которой заключается в содействии сотрудничеству в области охраны окружающей среды и обеспечению устойчивого развития приполярных районов в Арктике. В Арктическую зону России полностью или частично входят восемь субъектов РФ: Мурманская область и Архангельская области; Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа; Республики Коми и Якутия (Саха), а также северные районы Красноярского края; по сути, это две ТРЗ — Европейский Север и Азиатский Север.

Как правило, каждая арктическая страна стремится создавать и развивать собственный уникальный туристский продукт. Так, например, Исландия предлагает туристам катание на лыжах, походы, каякинг и другие путешествия по дикой природе Исландии, Гренландии и Ян-Майене. Финляндия предлагает гостям катание на горных велосипедах, каякинг на реке Тено, традиционную ловлю лосося в реке Утсйоки, а также рыбалку в Северном Ледовитом океане. В полярных регионах зарубежных стран развитие туризма осуществляется посредством использования так называемых «опорных точек». Зачастую маршруты создаются по следам путешествий известных людей, прокладываются по сюжетам книг и фильмов [4]. Представляется, что это достаточно перспективная практика, которую можно использовать для развития проектов арктического туризма в России.

Визитной карточкой арктического туризма в России является круиз на Северный полюс. Вместе с тем, далеко не в полной мере используются рекреационные возможности регионов Арктической зоны России — Архангельской области, Мурманской области, Ненецкого АО, Республики Коми, Красноярского края, Чукотского АО, Республики Саха (Якутия) и Ямало-Ненецкого АО. Чрезвычайно перспективной для развития арктического туризма в России является инициатива создания Ледового Шелкового пути как сопряжения российского Северного морского пути с китайским проектом «Морской Шелковый путь XXI века».

Для повышения привлекательности арктического туризма в России необходимо дополнительное привлечение денежных средств и организационных ресурсов; одним из источников финансирования могут и должны стать проекты ГЧП. Согласно статье 4 Федерального закона «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ, в перечень объектов, в отношении которых могут быть заключены концессионные соглашения, входят «объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социально-культурного назначения»².

Главными проблемами развития данного направления туризма являются недостаточно развитая туристическая инфраструктура и низкий уровень сервисных услуг. Выполненный анализ результатов экономической деятельности российских компаний в рыночном сегменте «Арктический туризм» позволил выявить проблемы с организацией и координацией деятельности (неудовлетворительная выстроен-

¹ Дата основания — 19 сентября 1996 г. (Оттава, Канада); штаб-квартира — Тромсе, Норвегия.

² Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/22649> (дата обращения: 26.09.2019).

ность ключевых бизнес-процессов, малая степень цифровизации отрасли, низкий уровень комфортности проживания и др.).

Так, например, в Ненецком АО (НАО) услуги по арктическому туризму предоставляют ООО «Красный город» и ГБУ «Центр арктического туризма НАО». Обе компании имеют незначительный прирост потока туристов (максимальное число туристов отмечалось в 2017 г. — 34 тыс. чел.). Возможность осуществлять деятельность в форме реализации концессионного проекта будет способствовать повышению эффективности туристско-рекреационной деятельности в НАО, имеющим огромный потенциал в этой сфере.

Ненецкий АО (НАО) расположен на северо-востоке европейской части России и большая его часть находится за Северным полярным кругом. Площадь НАО составляет 176,81 тыс. км², что соответствует половине площади Германии или Норвегии. На севере и северо-западе территория НАО омывается морями Северного Ледовитого океана: Белым, Баренцевым и Карским. Ненецкий АО может предложить туристам много уникальных объектов туризма и рекреации (табл.).

Таблица

Объекты туризма и рекреации Ненецкого АО
Table. Objects of tourism and recreation of Nenets Autonomous Okrug

Объект туризма	Описание объекта туризма
Остров Вайгач	Это самое северное, покрытое тайнами сакральное место ненецкого народа. Возле древних святилищ можно увидеть многочисленные родовые идолы, прикоснуться к таинству шаманизма, ощутить энергетику мест камлания шаманов и почувствовать уникальные эмоции — чувство духовного обогащения, познание тайны происхождения цивилизации
Северный Тиман	На Северном Тимане находятся уникальные памятники природы — Каньон «Большие Ворота» и Каменный город. Многочисленные водопады и нерукотворные каменные скульптуры с вкраплениями полудрагоценных камней: Тиманский кряж — одно из самых красивых мест НАО
Горячие источники Пым-Ва-Шор	У ненцев и коми вода из термального урочища считается целебной, излечивающей от многих болезней. Комплекс горячих источников Пым-Ва-Шор, вытекающих из трещин в скалах, — единственный, расположенный за Полярным кругом; температура воды зимой и летом колеблется от 18 до 28°
Город Пустозерск	Первый русский город за Полярным кругом, основанный в 1499 г. по указу царя Ивана III находится в нижнем течении Печоры в 20 км от Нарьян-Мара. Именно отсюда пошло освоение Севера и Сибири. Пустозерск — святилище, место ссылки и последнее пристанище лидера церковного раскола протопопа Аввакума, который был сожжен здесь в 1682 г. «за великие хулы на царский дом»
Город-призрак Амдерма	Город-призрак Амдерма, по улицам которого гуляют белые медведи, а количество домов в разы больше, чем число жителей, относится к заброшенным городам мира. Население поселка резко сократилось в связи с отъездом жителей из-за расформированной войсковой части после распада СССР

Кроме этого, туристы могут пробудить в себе азарт добытчика в процессе охоты и рыбалки за Полярным кругом; переночевать в настоящем ненецком чуме и понаблюдать за птицами в заповеднике «Ненецкий»; прокататься на снегоходе; увидеть северных оленей, характерных только для Арктики, зимнюю радугу, северное сияние и т. д.

Проекты по развитию арктического туризма во всех субъектах РФ могут быть успешно реализованы через механизм концессии, что позволит развивать и осуществлять эффективное управление объектом концессионного соглашения за счет средств частных инвесторов. При этом интересы и права государства будут в полной мере защищены. Арктический туризм соединит в себе коммерческую деятельность и государственное регулирование.

Использование механизма концессии, объединяющей в себе деловой подход в организации деятельности и реализацию социально-экономических функций государства, будет генерировать положительный эффект для всех заинтересованных сторон:

- государство получит дополнительные налоги в бюджет, за счет которых можно будет в полной мере развивать бизнес-туризм (что весьма актуально для нефтедобывающих регионов России);
- частные партнеры проектов, в свою очередь, будут освобождены от части налоговых выплат за счет выплат в бюджеты концессий; кроме того, бизнес получит новых частных и государственных потребителей товаров и услуг;
- потребители услуг арктического туризма могут получать качественные услуги и более широкий спектр путевок для выбора.

Эффект при использовании концессионного подхода формируется за счет двух составляющих:

- бюджетный эффект — дополнительные налоговые поступления в местные, региональные и федеральный бюджеты;
- социально-экономический эффект — создание новых рабочих мест и мультипликации для смежных отраслей (транспорт, логистика, культура и др.), гуманизация контактов и распространение культурных традиций этносов Российской Федерации в других странах.

Обсуждение

Развитие туристической отрасли посредством реализации социально-экономического потенциала регионов России должно осуществляться по следующим направлениям:

- развитие НИР в сфере туризма и рекреации с использованием современных маркетинговых технологий;
- закрепление на законодательном уровне необходимости разработки и реализации государственной туристической «имиджевой» стратегии;
- создание зарубежных офисов Ростуризма для продвижения отечественного туристического продукта;
- разработка специальных региональных программ поддержки предпринимательства в сфере туризма и рекреации.

В целях эффективного использования совокупного ТРП и обеспечения экономически эффективного функционирования каждого региона рекомендуется разработать механизм их интеграции в единую экономическую систему. Критерием эффективности интеграции рекреационных районов ТРЗ в единую экономическую систему является максимизация целевой прибыли от уставной деятельности хозяйствующих субъектов ТРЗ, функционирующих в рамках единого экономического пространства.

Для обеспечения максимально интенсивного взаимодействия между регионами с ТРЗ целесообразно создание ВТРК, объединяющего ТРЗ субъектов РФ или, как альтернативный вариант — создание ВТРК, объединяющего ТРЗ с аналогичным видом туризма. Для повышения привлекательности туристско-рекреационной деятельности в России необходимо дополнительное привлечение денежных средств и организационных ресурсов, одним из источников которых должны стать проекты ГЧП.

Заключение

В докладе генерального директора Института экономических стратегий Отделения общественных наук РАН, академика РАН профессора А. И. Агеева на заседании Изборского клуба 26.02.2015 «Об оценке природного капитала России»¹ были приведены экономические оценки природного капитала Российской Федерации (24 трлн долл.), США (4,6 трлн долл.), Саудовской Аравии (1,4 трлн долл.), а также Великобритании, Германии и Японии (по 0,3 трлн долл.). Как следует из приведенных данных, оценка природного капитала России более чем в 5 раз превышает величину природного капитала США — государства, имеющего статус великой державы современности, как и наша страна. Даже если учесть, что площадь территории России в два раза превышает площадь территории США, то можно утверждать, что природный капитал России более чем в 2,5 раза превышает природный капитал США.

По оценкам, всего на Россию приходится 15–17% мирового минерально-сырьевого потенциала; доля России в подтвержденных мировых запасах нефти — 10%; газа — 30%; угля — 16%. Первое место у России в мире по запасам газа, железных руд, никеля, серебра, алмазов, по многим другим — одно из первых. По нашему мнению, экономическая оценка природного капитала страны, помимо стоимостной оценки ее минерально-сырьевого потенциала, объективно должна включать оценку туристско-рекреационного потенциала, которая существенно увеличит существующие оценки природного капитала Российской Федерации.

Литература

1. Куikliна Е. А. Рекреационный потенциал как важный элемент потенциала устойчивого развития региона // *Управленческое консультирование*. 2016. № 4. С. 116–124.
2. Куikliна Е. А., Десятниченко Д. Ю. Управление развитием туризма и рекреации в регионе: теоретические основы и практические направления деятельности // *Управленческое консультирование*. 2016. № 5. С. 68–74.
3. Куikliна Е. А., Десятниченко Д. Ю. О государственной политике в сфере туризма и рекреации (в контексте лучших мировых практик) // *Управленческое консультирование*. 2017. № 10. С. 15–30.
4. Саранча М. А., Мосалев А. И. Опыт организации развития туристской сферы в полярных регионах зарубежных стран // *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2015. № 4. Т. 9. С. 28–37.
5. *Управление социально-экономическим развитием и туристско-рекреационной деятельностью на федеральном, региональном и местном уровнях: типологический подход* : монография / под ред. В. А. Шамахова (отв. ред.), В. М. Ходачека, М. Ю. Елсуков. СПб. : ИПЦ СЗИУ — Фил. РАНХиГС, 2016. С. 167–170.

Об авторе:

Куikliна Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; kuklina-ea@ranepa.ru

¹ Об оценках природного капитала России [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/4864> (дата обращения: 16.10.2019).

References

1. Kuklina E. A. Recreational potential as an important element of the region «s sustainable development potential // Administrative counseling [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 4. P. 116–124. (In rus)
2. Kuklina E. A., Desyatnichenko D. Yu. Management of Tourism and Recreation Development in the Region: Theoretical Bases and Practical Directions of Activity // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 5. P. 68–74. (In rus)
3. Kuklina E. A., Desyatnichenko D. Yu. On State Policy in the Field of Tourism and Recreation (in the Context of Best World Practices) // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 10. P. 15–30. (In rus)
4. Sarancha M. A., Mosalev A. I. Experience of organization of development of tourism sphere in polar regions of foreign countries // Journal of association of universities of tourism and service [Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa]. 2015. N 4. V. 9. P. 28–37. (In rus)
5. Management of Social and Economic Development and Tourism and Recreation Activities at Federal, Regional and Local Levels: Typological Approach: Monograph / Editors: V. A. Shamakhov (ex. ed.), V. M. Khodachek, M. Yu. Elsukov. SPb.: NWIM of RANEPa, 2016. P. 167–170. (In rus)

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Full Professor; kuklina-ea@ranepa.ru

Развитие государственных услуг, предоставляемых таможенными органами — участникам внешнеэкономической деятельности в сфере защиты прав интеллектуальной собственности на пространстве ЕАЭС

Гетман А. Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; agetman@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье затронуты проблемы предоставления государственной услуги таможенными органами по ведению единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности в электронном виде.

Цель: выделить особенности таможенных услуг, предоставляемых участникам внешнеэкономической деятельности, и рассмотреть основные возможности по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности в электронном виде.

Материалы и методы: действующее таможенное законодательство ЕАЭС и национальное законодательство в отношении включения объектов интеллектуальной собственности в таможенный реестр, системный анализ.

Результаты: отмечены имеющиеся нерешенные вопросы, в части предоставления таможенных услуг по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности в электронном виде.

Заключение: обоснованы основные направления совершенствования в процедуре ведения таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности в электронном виде.

Ключевые слова: электронные государственные услуги, таможенные услуги, таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, ЕАЭС

Для цитирования: Гетман А. Г. Развитие государственных услуг, предоставляемых таможенными органами — участникам внешнеэкономической деятельности в сфере защиты прав интеллектуальной собственности на пространстве ЕАЭС // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 42–50.

Development of State Services Provided by Customs Authorities — Participants of Foreign Economic Activity in the Field of Intellectual Property Rights Protection in the EAEU

Anastasia G. Getman

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; agetman@mail.ru

ABSTRACT

This article is about problems of providing state services by customs authorities for maintaining a unified customs register of intellectual property in electronic form.

The purpose: to highlight the features of customs services provided to participants in foreign economic activity and to consider the main opportunities for maintaining a customs register of intellectual property in electronic form.

Materials and methods: theoretical foundations of public services provided by customs authorities, the current customs legislation of the EAEU and national legislation regarding the inclusion of intellectual property in the customs registry, system analysis.

The results: Using the synthesis method, outstanding unresolved issues are noted in terms of the provision of customs services for maintaining the customs register of intellectual property in electronic form.

Conclusion: substantiated the main areas of improvement in the procedure for maintaining the customs register of intellectual property in electronic form.

Keywords: e-government service, customs service, customs register of intellectual property, unified customs register of intellectual property, EAEU

For citing: Getman A. G. Development of State Services Provided by Customs Authorities — Participants of Foreign Economic Activity in the Field of Intellectual Property Rights Protection in the EAEU // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 42–50.

Введение

Тенденции развития современного мирового сообщества создают новые условия функционирования государства, ориентируясь по-прежнему на повышение качества жизни общества в целом и каждого гражданина в частности, прежде всего, за счет цифровизации многих процессов. Так, оказание государственных услуг и их эффективность в полной мере может послужить главным инструментом осуществления вышеупомянутой цели [12].

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.02.2010 № 210-ФЗ¹ (далее — Закон), под государственной услугой понимается деятельность по реализации функций федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий. Эта функция осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

Среди государственных услуг отдельную нишу занимают государственные услуги в сфере таможенного дела. Это государственные таможенные услуги, оказываемые непосредственно таможенными органами. На данный момент понятие «государственная таможенная услуга» нормативно не закреплено. Отсюда представляется возможным проанализировать наиболее полные и корректные варианты трактовки данного термина.

Рассмотреть определение «государственной таможенной услуги» необходимо в широком и в узком контекстах. Под государственной таможенной услугой в широком контексте можно понимать общественно-экономическое благо в форме таможенной деятельности. В узком контексте — это действия или последовательность действий, реализуемые специальными таможенными инструментами (включая таможенные процедуры, технологии, операции и т.п.) с целью повышения потребительской полезности сферы внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД) для государства и участников внешнеэкономической деятельности [8].

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в области таможенного дела, является Федеральная таможенная служба (далее — ФТС России). В рамках своей деятельности ФТС России оказывает государственные таможенные услуги. Одной из особенностей таможенных услуг является предоставление их на безвозмездной основе, то есть бесплатно.

Однако, если говорить о главной идее введения Закона, то речь идет исключительно о разработке перечня государственных функций, которые могут предоставляться для граждан нашей страны. В настоящее время важным моментом являет-

¹ Федеральный закон от 27.02.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

ся качество информации и качество систем, используемых при предоставлении государственных функций, которые напрямую влияют на степень доверия со стороны общества [14].

Актуальность рассматриваемых вопросов подтверждается положениями Стратегии развития ФТС России до 2020 г., обязывающими таможенные органы при исполнении своих полномочий использовать цифровые технологии. Постановлением Правительства Российской Федерации¹ утвержден порядок предоставления государственных услуг в электронном виде. Участники внешнеэкономической деятельности могут подать заявление на оказание таможенной услуги посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг либо через Личный кабинет участника внешнеэкономической деятельности, предварительно пройдя процедуру регистрации.

Электронные государственные услуги являются частью федеральной целевой программы «Электронная Россия», принятой еще в 2002 г. Реализация системы электронного управления связана со структурными реформами государственного управления, в частности с изменениями количества и характера функций государственных органов, внедрением административных электронных регламентов деятельности [1; 11].

В связи с созданием Таможенного союза, а позднее — ЕАЭС, многие процессы таможенного администрирования необходимо рассматривать во взаимосвязи и взаимодействии государств — членов ЕАЭС. Учеными отмечается, что среди государств — членов ЕАЭС в настоящее время лидером цифровизации в таможенной сфере является Российская Федерация. Рассмотрим ключевые перспективные технологии в цифровой сфере, внедренные Федеральной таможенной службой.

Интересен факт, что в настоящее время эксперты и ученые начали исследовать вопросы взаимосвязи использования информационно-коммуникационных технологий и доверия к электронному правительству, а также поддержки электронного правительства, инвестиций и развития. И в ряде случаев такая взаимосвязь не установлена, то есть доверие к правительству не коррелирует с доверием к различным аспектам предоставления услуг электронного правительства [13]. Вместе с тем одна из целей электронного правительства — предоставление гражданам РФ доступных способов пользования государственными услугами, «не выходя из дома», минуя очереди, в том числе. Государственные услуги, предоставляемые таможенными органами в электронном виде, направлены на сокращение времени и затрат заинтересованных лиц.

Методы

Исследованию таможенных услуг и их влиянию на макропроцессы (развитие внешней торговли, обеспечение экономической безопасности), с одной стороны, и на микропроцессы (деятельность участников ВЭД), с другой стороны, посвящены многие работы (Е. Комиссарова, Е. В. Шишмарева, О. В. Ковальчук, М. Б. Батурина, В. А. Ениватова, Е. М. Ксенофонтова).

Помимо адресности, которой обладают все государственные услуги, таможенная услуга имеет ряд особенностей [2, с. 20]:

- это единственный орган, который может предоставлять такую услугу — ФТС России (центральный аппарат), то есть выступать субъектом услуги может только таможенный орган;
- таможенные услуги предоставляются исходя из положений стандартов и в соответствии с порядком, который закреплен в административном регламенте.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 марта 2016 г. № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг».

Для каждой отдельной категории государственных услуг, предоставляемых таможенными органами, ФТС России своим приказом устанавливает административный регламент. Административный регламент — нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги;

- государственная таможенная услуга предоставляется на добровольной основе, в отличие от таможенных операций, которые носят обязательный характер.

Большое внимание в настоящее время уделяется исследованию качества услуг, предоставляемых таможенными органами [3–7; 9; 10]. Если ранжировать долю предоставляемых таможенных услуг¹ по убыванию, то самыми востребованными услугами в области таможенного дела из предоставленных ФТС России за 2018 г. (12 видов услуг), можно назвать консультирование (73%), принятие предварительных классификационных решений (9,5%) и ведение таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности (далее — ТРОИС) (6,8%). На последней услуге остановимся более подробно.

Отдельными авторами исследуется вопрос повышения качества таможенной услуги по ведению ТРОИС (Ворона А. А., Агамагомедова С. А.). Вместе с тем, в условиях постоянно меняющейся нормативно-правовой базы в сфере таможенного дела, в связи с развитием интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, с 1 июля 2019 г. принят новый Административный регламент по ведению таможенного реестра². Данный документ закрепляет электронную форму подачи и рассмотрения документов, в том числе, используя портал www.gosuslugi.ru. Однако вопросы предоставления услуг на пространстве ЕАЭС в настоящее время являются дискуссионными по многим направлениям.

В структуре административного аппарата ФТС России обязанность предоставления рассматриваемой услуги входит в полномочия Управления торговых ограничений, валютного и экспортного контроля (далее — УТОВиЭК). Различные эксперты выделяют несколько отличительных признаков ТРОИС. Во-первых, это инструмент таможенного контроля, то есть он предназначен для осуществления таможенного контроля за соблюдением прав правообладателей интеллектуальной собственности. Во-вторых, это электронная, постоянно обновляемая база зарегистрированных товарных знаков, авторских и смежных прав, наименований места происхождения товаров, которая формируется на основании заявлений правообладателей о включении в нее объектов интеллектуальной собственности (далее — ОИС). И в-третьих, применение ТРОИС таможенными органами несет правовое последствие в виде принятия мер, связанных с приостановлением выпуска товаров.

Если рассматривать таможенное регулирование перемещения товаров, содержащих ОИС через таможенную границу, то порядок контроля представлен в виде двухступенчатой системы таможенного контроля, состоящей из наднационального законодательного уровня и национального законодательного уровня. Регистрация ОИС — это только одна из операций, связанных с ведением таможенного реестра. Ведение ТРОИС включает в себя три этапа.

1. Прием и рассмотрение заявления о включении ОИС в ТРОИС, о продлении срока включения ОИС в ТРОИС, об исключении ОИС из ТРОИС, а также обращения об изменении сведений, указанных в заявлении о включении ОИС в ТРОИС, либо в прилагаемых к нему документах.

¹ www.customs.ru

² Приказ ФТС России от 28.01.2019 № 131 «Об утверждении административного регламента ФТС по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности».

2. Вынесение решения о включении ОИС в ТРОИС, предварительного решения о включении ОИС в ТРОИС, решения об отказе во включении ОИС в ТРОИС, решения о внесении изменений (об отказе во внесении изменений) в ТРОИС, решения о продлении срока включения ОИС в ТРОИС, решения об исключении ОИС из ТРОИС, решения о проведении проверки информации, содержащейся в обращении о внесении изменений в заявление о включении ОИС в ТРОИС, либо прилагаемых к нему документов.
3. Внесение сведений в ТРОИС.

Рассмотренный алгоритм предоставления государственной услуги по ведению таможенного реестра ОИС таможенными органами РФ является лишь частью общего инструментария, заложенного в таможенном законодательстве ЕАЭС. Вместе с тем основной принцип интеграционных элементов ЕАЭС заключается в формировании единых: механизмов таможенного контроля; объектов таможенного контроля; инструментов таможенного контроля; баз данных (списков) для выбора объектов таможенного контроля.

Для систематизации категорий товаров, в отношении которых таможенные органы вправе и должны принимать меры, связанные с обеспечением защиты прав интеллектуальной собственности, предусмотрены ТРОИС. С 2010 г. на уровне Таможенного союза было заключено Соглашение о Едином таможенном реестре ОИС¹. В развитие данного Соглашения был принят регламент взаимодействия между странами Таможенного союза по ведению единого ТРОИС². Решением коллегии ЕЭК³ принят Регламент ведения единого ТРОИС государств — членов Евразийского экономического союза. Цель подписания указанного документа — дать возможность правообладателям своих ОИС в едином таможенном реестре подавать в Комиссию только одно заявление. Данный регламент предусмотрел использование информационных технологий при формировании и подаче документов в таможенные органы.

Кроме того, утверждение ряда нормативных документов привело в соответствие законодательство о ЕАЭС, раскрыв все основные элементы, связанные с ведением единого ТРОИС:

- 1) правила реализации общего и использование единого ТРОИС государств — членов Евразийского экономического союза, утвержденные Решением Коллегии Комиссии от 30 октября 2018 г. № 174;
- 2) технологические документы, регламентирующие информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы Союза общего процесса «Формирование, ведение и использование единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза», утвержденные Решением Коллегии от 2 сентября 2019 г. № 148.

Однако на сегодняшний день в едином ТРОИС не зарегистрировано ни одного ОИС⁴. Таким образом, несмотря на имеющиеся определенные качественные изменения в законодательном плане, на сегодняшний день единый ТРОИС не зара-

¹ Соглашение о Едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств-членов Таможенного союза. Заключено в Санкт-Петербурге 21.05.2010, ред. от 08.05.2015.

² Решение Комиссии Таможенного союза от 18.06.2010 № 290 «О регламенте взаимодействия таможенных органов государств — членов Таможенного союза по вопросам ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности».

³ Решение коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.03.2018 № 35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза».

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/Pages/intellectual.aspx> (дата обращения: 13.10.2019).

ботал. Каковы же возможные причины? Как нам представляется, сложившееся положение дел можно объяснить следующим:

- 1) недостаточная популяризация функции по ведению единого ТРОИС;
- 2) слабая информированность правообладателей о функционировании единого ТРОИС и механизме включения в него ОИС. Многие, преимущественно иностранные, правообладатели не видят возможной эффективности его применения. Вместе с тем, официальная статистика является объективно-подтверждающим аргументом в пользу функционирования ТРОИС в целях борьбы с контрафактом (табл.). Так, согласно официальной информации отчета ЕЭК за 2018 г. таможенными органами Союза было выявлено более 50 млн единиц контрафактной продукции¹;
- 3) недостаточная автоматизация процессов по ведению единого ТРОИС. В связи со сложностью структурного взаимодействия между странами — членами ЕАЭС в электронном виде и неприведения формата единого ТРОИС в вид базы данных, использование ТРОИС представляется достаточно проблематичным. Как показала практика первых 8 лет действия регламента взаимодействия между таможенными администрациями государств-членов ЕАЭС, вопрос пока еще не решен;
- 4) подача одного заявления на каждый ОИС при внесении в единый ТРОИС. Это является нецелесообразным и затратным для правообладателей. В порядке, определенном на национальном уровне, возможна подача одного заявления с несколькими ОИС, права на которые принадлежат одному правообладателю.

Таблица

**Статистика выявления контрафактных товаров таможенными органами
в 2016–2018 гг.**

Table. Statistics of detection of counterfeit goods by customs authorities in 2016–2018

Год	Кол-во выявленных единиц контрафактной продукции (млн ед.)	Возбуждено дел об административных правонарушениях в сфере интеллектуальной собственности	Сумма выявленного ущерба (млрд руб.)
2018	16,2	1255	6,8
2017	10,1	1072	4,5
2016	20,4	1027	7,7

Источник: www.customs.ru.

Результаты

Таким образом, выполненные исследования показали, что для начала функционирования единого ТРОИС необходимо рассмотреть изменения для внесения их в законодательство ЕАЭС.

1. Проводить популяризацию деятельности со стороны ФТС России на предмет освещения принципов функционирования единого ТРОИС.
2. Разработать программное средство, которое будет включать в себя семантическую обработку ОИС при их включении в единый ТРОИС.
3. Предусмотреть ведение единого ТРОИС в формате, соответствующем формату ведения реестров регистрации ОИС на территории ЕАЭС.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Годовой%20отчет%202018.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

4. Внести изменения в порядок ведения единого ТРОИС, в части отсутствия ограничений количества ОИС, права на которые принадлежат одному правообладателю, в одном заявлении.

На национальном уровне с 2017 г. ФТС России начата работа по совершенствованию программных средств таможенных органов в части интеграции информации из электронного сервиса «Личный кабинет участника ВЭД» в ТРОИС КПС «Тарифы — ТРОИС», которая свидетельствует о реальных перспективах работы в этом направлении со стороны ФТС России. На уровне ЕАЭС на сегодняшний день работа с ОИС в электронном виде практически не ведется.

Выводы

Выполненные исследования позволяют констатировать, что предоставление государственных, в том числе, таможенных услуг, динамично развивается. Рассмотренные предложения позволят повысить надежность цепей поставки товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, уменьшить возможные риски, связанные с их перемещением через таможенную границу со стороны участников внешнеторговой деятельности и создадут более удобные условия для российских и иностранных правообладателей при желании защитить свои права на ОИС. Однако достичь положительного результата возможно только при условии постоянной планомерной работы, требующей в дальнейшем разработки новых подходов, инструментов, документов и совершенствования программных продуктов.

Литература

1. Волошина М. А. О проблеме повышения качества предоставления электронных государственных услуг и формирования электронного правительства в РФ // Проблемы права. 2015. № 6 (54). С. 85–88.
2. Гречкина О. В., Агагомедова С. А. Государственные таможенные услуги: понятие, базовые характеристики, виды // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 17–30.
3. Гупанова Ю. Е. Современное состояние качества таможенных услуг и проблемы его повышения в условиях развития интеграционных процессов РФ // Совершенствование образования, теории и практики таможенного дела. Сборник научных трудов. Федеральная таможенная служба. ГКОУВПО Российская таможенная академия, Владивостокский филиал / под общ. ред. В. И. Дьякова. Владивосток, 2012. С. 73–82.
4. Гупанова Ю. Е. Управление качеством таможенных услуг: особенности, проблемы, перспективы развития // Управление экономическими системами : коллективная монография / под общ. ред. Б. Н. Герасимова. Пенза, 2010. С. 96–110.
5. Гупанова Ю. Е., Юнчик А. С., Полова М. А. Анализ качества таможенных услуг, оказываемых таможенными органами // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. 2017. С. 80–84.
6. Додорова А. Д. Исследование механизма управления качеством таможенных услуг: проблемы реализации и перспективы развития // Форум молодых ученых. 2018. № 4(20). С. 438–442.
7. Комиссарова Е., Шишмарева Е. Актуальные вопросы взаимодействия таможни и бизнеса по развитию таможенных услуг // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2014. № 1. С. 146–150.
8. Макрусев В. В. Государственные таможенные услуги : монография. Российская таможенная академия, 2011.
9. Матвеева О. П., Прушковская Е. Е. Повышение качества предоставления государственных таможенных услуг на основе применения электронного декларирования // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2013. № 3 (47). С. 217–224.
10. Ткаченко М. Ф., Лесняков А. А. Таможенная услуга: проблема определения и оценки качества о состоянии и перспективах развития // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 1 (17). С. 177–181.

11. Трегунова В. М. Электронное правительство как средство автоматизации процесса предоставления государственных услуг // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3–4 (25–26). С. 279–284.
12. Dobrolyubova E., Alexandrov O. E-government in Russia: Meeting Growing Demand In the Era of Budget Constraints. Communications in Computer and Information Science? 2016. V. 674. P. 247–257.
13. Horsburgh S., Gauld R., Goldfinch S. Is Public trust in Government associated with trust in E-Government? Journal of Psychoeducational Assessment. 2011. N 2. P. 232–241.
14. Nulnusa R., Sandhyaduhita P. I., Hidayanto A. N., Phusavat K. The relations of E-government quality on Public trust and it's Impact on Public Participation, Transforming Government People, Process and Police. 2017. V. 11. N 36. P. 393–418.

Об авторе:

Гетман Анастасия Геннадьевна, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; agetman@mail.ru

References

1. Voloshina M. A. On the Problem of Improving the Quality of Provision of Electronic Public Services and Formation of Electronic Government in the Russian Federation // Problems of Law [Problemy prava]. 2015. N 6 (54). P. 85–88. (In rus)
2. Grechkina O. V., Agamagomedova S. A. State customs services: concept, basic characteristics, types // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki]. 2016. N 3. P. 17–30. (In rus)
3. Gupanova Yu. E. Modern state of quality of customs services and problems of its improvement in conditions of development of integration processes of the Russian Federation // Improvement of education, theory and practice of customs affairs. Collection of scientific works. Federal Customs Service. Russian Customs Academy, Vladivostok Branch/under ed. of V. I. Dyakov. Vladivostok, 2012. P. 73–82. (In rus)
4. Gupanova Yu. E. Quality Management of Customs Services: Features, Problems, Development Prospects // Management of Economic Systems: Collective Monograph / under ed. of B. N. Gerasimov. Penza, 2010. P. 96–110. (In rus)
5. Gupanova Yu. E., Yunchik A. S., Popova M. A. Analysis of the quality of customs services provided by customs authorities // Topical issues of law, economy and management. Compilation of articles of the IXth International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 80–84. (In rus)
6. Dodorova A. D. Research of the Mechanism of Quality Management of Customs Services: Implementation Problems and Development Prospects // Forum of Young Scientists [Forum molodykh uchenykh]. 2018. N 4(20). P. 438–442. (In rus)
7. Komissarova E., Shishmareva E. V. Topical issues of interaction between customs and business on the development of customs services // Economic development of the region: management, innovation, training [Ekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov]. 2014. N 1. P. 146–150. (In rus)
8. Makrusev V. V. State Customs Services : monograph. Russian Customs Academy, 2011. (In rus)
9. Matveeva O. P., Prushkovskaya E. E. Improving the quality of the provision of state customs services on the basis of the application of electronic declaration // Journal of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law [Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava]. 2013. N 3 (47). P. 217–224. (In rus)
10. Tkachenko M. F., Lesniakov A. A. Customs Service: Problem of Quality Determination and Assessment on the State and Prospects of Development // Journal of the North Caucasus Humanitarian Institute [Vestnik Severo-Kavkazskogo humanitarnogo instituta.]. 2016. N 1 (17). P. 177–181. (In rus)
11. Tregubova V. M. Electronic government as a means of automating the process of providing public services // Socio-economic phenomena and processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]. 2011. N 3-4 (25-26). P. 279–284. (In rus)
12. Dobrolyubova E., Alexandrov O. E-government in Russia: Meeting Growing Demand In the Era of Budget Constraints. Communications in Computer and Information Science? 2016. V. 674. P. 247–257.

13. Horsburgh S., Gauld R., Goldfinch S. Is Public trust in Government associated with trust in E-Government? *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2011. N 2. P. 232–241.
14. Nulnusna R., Sandhyaduhita P. I., Hidayanto A. N., Phusavat K. The relations of E-government quality on Public trust and it's Impact on Public Participation, Transforming Government People, Process and Police. 2017. V. 11. N 36. P. 393–418.

About the author:

Anastasia G. Getman, Associate Professor of the Chair of Customs Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; agetman@mail.ru

Теоретические и нормативные основы некоммерческой концессии

Орлов Е. В.

Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация; ev_orlov@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье, продолжающей ряд публикаций автора о некоммерческой концессии, рассмотрены теоретические аспекты использования этого инструмента регионального развития. Предполагается, что его применение позволит существенно повысить эффективность взаимодействия региональных и местных органов управления в целях повышения уровня жизни населения, проживающего во всех муниципальных образованиях субъекта Российской Федерации. Акцент сделан на регулировании некоммерческих концессионных отношений с помощью договора, заключаемого в рамках, определенных региональным законом, а также прочих элементах механизма применения некоммерческой концессии для регионального развития. Рассмотрены основные составляющие договоров некоммерческой концессии, приоритетное внимание уделено новым правам и обязанностям сторон, возникающим в связи с заключением соответствующих договоров и отражающим новизну данного инструмента развития регионов. Целостный механизм использования некоммерческой концессии для ускорения социально-экономического развития муниципалитетов и регионов, отдельные элементы которого рассмотрены в предыдущих работах автора, позволяет осуществлять комплексное воздействие на базовые сферы жизнедеятельности населения в целях существенного улучшения складывающейся в них ситуации. В результате использования некоммерческой концессии в регионе происходит выравнивание социально-экономического развития муниципалитетов, предоставление гражданам рабочих мест, товаров и услуг по месту проживания, что позволяет снизить переток населения, решая тем самым проблемы критического снижения численности населения одних территорий и перенаселенности других. Некоммерческая концессия является универсальным инструментом регионального развития и может быть применена после апробации на базе одного или нескольких регионов, во всех субъектах РФ.

Ключевые слова: франчайзинг, регион, муниципалитет, договор некоммерческой концессии, рабочие группы, система стратегических документов, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Орлов Е. В. Теоретические и нормативные основы некоммерческой концессии // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 51–66.

Theoretical and Law Bases of Noncommercial Concession

Evgeniy V. Orlov

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation; ev_orlov@rambler.ru

ABSTRACT

Theoretical aspects of noncommercial concession use are considered in the article. It will allow to increase significantly efficiency of regional and local governing bodies interaction, and therefore the standard of living of municipalities population. The emphasis is placed on regulation of the noncommercial concession relations by the contract, determined by the regional law, and also other elements of the mechanism of noncommercial concession use for regional development.

The main components of noncommercial concession contracts are considered, priority attention is paid to the new rights and obligations of the parties, arising in connection with the conclusion of the relevant contracts and reflecting novelty of this regions development instrument. The complete mechanism of noncommercial concession use for acceleration of social and economic development of municipalities and regions allows to carry out complex impact

on basic spheres of the population's activity for significant improvement of the situation. Use of noncommercial concession in the region is resulted by alignment of social and economic development of municipalities, granting to citizens jobs, goods and services in the place of residence, that allows to lower a population overflow, solving thereby problems of critical decrease in population of some territories and overpopulation of others. Noncommercial concession is the universal instrument of regional development and can be applied, after approbation on the basis of one or several regions, in all regions of the Russian Federation.

Keywords: Franchizing, region, municipality, contract of noncommercial concession, workgroups, system of strategic documents, social and economic development

For citing: Orlov E. V. Theoretical and Law Bases of Noncommercial Concession // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 51–66.

Введение

В условиях усиления внешнеполитического давления [15; 17; 18; 20; 21 и др.] и усложнения внутренней ситуации в стране [1; 2; 3; 5 и др.] становится необходимой разработка методов и механизмов, позволяющих противодействовать центробежным силам, в том числе объединять органы управления различных уровней для совместного воздействия на наиболее проблемные участки жизнедеятельности локальных и региональных социумов.

Целью данной статьи является рассмотрение концептуальных и законодательно-нормативных подходов к внедрению указанного инструмента в деятельность субфедеральных и местных органов управления. Для достижения указанной цели автором поставлен и решен ряд задач, нашедших свое отражение в структуре данной статьи.

В первом разделе дана краткая информация о самом предлагаемом инструменте регионального развития — некоммерческой концессии, поскольку предполагается, что не все читатели имели возможность ознакомиться с предыдущими работами автора.

Во втором разделе, на основе анализа преимущественно зарубежных источников, определены дополнительные, не рассмотренные ранее, преимущества и недостатки коммерческой концессии (франчайзинга) и выявлено их потенциальное влияние на эффективность взаимодействия органов управления регионами и муниципалитетами.

В третьем разделе проведены аналогии между коммерческой и некоммерческой концессией в рамках классификационных признаков первой, определены те из них, которые являются значимыми для некоммерческого варианта, уточнены те особенности, которые оказывают наибольшее влияние на построение и функционирование некоммерческих концессионных отношений.

В четвертом разделе рассмотрены основные аспекты договоров некоммерческой концессии, как общие для всех документов договорной формы, так и отличающие данный вид договоров от прочих. Особенное внимание уделено правам и обязанностям сторон, возникающим в результате заключения договора.

В пятом разделе представлены основные элементы механизма применения некоммерческой концессии для ускорения социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, учитывающие преимущества, получаемые в процессе использования некоммерческой концессии, ее структурные особенности и возможности, вытекающие из договорной формы установления взаимоотношений.

1. Некоммерческая концессия: определение

Поскольку некоммерческая концессия является новым инструментом регионального развития, в научной литературе, кроме предшествующих работ автора [9 и др.],

упоминание о ней не встречается. Единственный случай употребления данного словосочетания связан с тем, что В. Перков [10], говоря о коммерческой концессии (франчайзинге), пишет, что, по логике, должен существовать и ее некоммерческий вариант.

В Российской Федерации франчайзинг официально называется «коммерческой концессией». Законодательно установленного определения данного понятия не существует, поэтому авторы, раскрывающие в своих работах отдельные аспекты коммерческой концессии (франчайзинга) [4; 6; 7; 8; 11; 13], дают свои определения, которые были приняты во внимание при формулировании определения некоммерческой концессии.

Отношения, возникающие в результате заключения договора коммерческой концессии, урегулированы только гл. 54 Гражданского кодекса Российской Федерации¹. Так, в соответствии со ст. 1027 указанного документа, по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). При формулировании теоретических основ некоммерческой концессии все указанные особенности, за исключением коммерческой составляющей, были приняты во внимание.

В результате развития теоретических основ некоммерческой концессии в предшествующих работах автора [9 и др.], на момент написания данной статьи, базовое понятие может быть определено следующим образом:

Некоммерческая концессия — это форма оптимизации взаимодействия законодательно разделенных уровней управления: органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления, основанной на договорных отношениях, в результате которой стороны объединяют усилия в целях повышения качества жизни населения, путем перераспределения обязанностей по оказанию услуг и осуществлению обеспечивающей деятельности, оптимизации структуры и взаимодействия органов управления, общего планирования и развития реального сектора экономики.

Предполагается, что на основе некоммерческой концессии региональные и муниципальные органы управления будут строить взаимоотношения, не противоречащие положениям главы 8 Конституции Российской Федерации, провозглашающей самостоятельность местного самоуправления вообще и органов местного самоуправления в частности. Эффект достигается путем единовременного государственно-муниципального воздействия на те сферы жизнедеятельности общества, которые требуют приоритетного внимания в данный период времени.

Мы склонны согласиться с А. А. Уваровым, который пишет [12, с. 22], что сфера обремененной в форму договора взаимодействия не должна касаться отношений, связанных с перераспределением властных полномочий от органов местного самоуправления к органам государственной власти. Договорная форма используется во взаимодействии между государственными и муниципальными органами власти по вопросам их сотрудничества, в частности в гражданско-правовых отношениях имущественного характера, а также для создания государственными органами необходимых правовых, организационных, материально-финансовых и других условий реализации полномочий органов местного самоуправления.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) [Электронный ресурс]. Режим доступа: Система КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2019).

2. Преимущества и недостатки применения концессионных инструментов для развития регионов

Основные преимущества и недостатки франчайзинга, наиболее полно отраженные в исследованиях М. Мендельсона [7, с. 21–23] и В. Колесникова [6, с. 39–46], были рассмотрены нами применительно к некоммерческой концессии ранее [9, с. 18–22]. Необходимо отметить, что частично аналогичные позиции отражены и в зарубежных источниках, например [24].

Проблемы, имеющие наибольшую вероятность возникновения в ходе установления и дальнейшего развития некоммерческой концессии, также не были оставлены нами без внимания — они также достаточно подробно рассмотрены в предшествующих работах (например [9, с. 59–63]). Здесь видится необходимым рассмотреть дополнительные параметры, в основном ограничивающие применение концессионных инструментов, представленные в зарубежной литературе.

Особенное внимание авторы [14; 19; 25] уделяют проблемам взаимодействия правообладателя и операторов, которые в современной коммерческой концессии, требуя большей свободы действий, обладая собственным видением бизнеса и его перспектив, постоянно пытаются выйти за рамки, указанные в договоре. Вопросы доверия, делегирования полномочий действительно являются краеугольными в условиях коммерческой концессии. Иногда проблемы взаимодействия обусловлены новым типом операторов, занимающих более активную позицию. Подобные проблемы неактуальны для некоммерческой концессии, поскольку операторы известны и предсказуемы, основные элементы взаимодействия сторон договора прописаны в законодательных актах, к тому же большинство операторов не обладают ресурсами для самостоятельной деятельности.

В то же время возникает вопрос [25] восприимчивости правообладателя к инициативам, исходящим от операторов. Их предложения нововведений должны рассматриваться, а наиболее приемлемые и перспективные внедряться в деятельность всей сети. При некоммерческой концессии такие предложения проходят минимальный путь, рассматриваются оперативно (на уровне, достаточном для принятия решения) и, в случае признания полезными, в кратчайшие сроки распространяются на деятельность всех операторов. Этому способствуют и ограниченность территории, и система взаимодействия подразделений администрации региона и муниципальных администраций в рамках матрично-модульной структуры.

Дополнительно можно упомянуть вопрос использования новых информационных технологий при установлении отношений франчайзинга, указанный Ф. Лафонтен [22, с. 24] в качестве одного из ключевых. Но если в коммерческой концессии это, помимо получения преимуществ (единообразие, удешевление и т.д.), приводит к возникновению проблем (перекладывание расходов на операторов, использование ими других технологических решений и т.д.), то в некоммерческой подобные недостатки также не актуальны, поскольку основное финансирование информатизации в значительной степени осуществляется за счет правообладателя, а у большинства операторов нет ресурсов на заказ или приобретение других информационных решений.

С. Майкл [23], рассматривая влияние франчайзинга на экономическое развитие территорий (при том, что оно не является целью данного вида предпринимательской деятельности), приходит к выводу о том, что такое влияние есть и оно является упреждающим, т.е. развитие коммерческой концессии ведет к развитию территории. Можно предположить, что внедрение некоммерческой концессии, непосредственной целью которой является социально-экономическое развитие регионов и муниципалитетов, приведет к значительному ускорению такого развития.

3. Определение направлений развития некоммерческой концессии на основании классификации франчайзинга

В результате отсутствия у органов управления производственной деятельности и коммерческих интересов во взаимоотношениях с муниципалитетами, а также ограниченности некоммерческой концессии территорией конкретного региона, из всех признаков классификации франчайзинга, представленных ранее [9, с. 136], для некоммерческой концессии будут актуальны только характер деятельности объектов франчайзинга и структура построения франшизной системы. Необходимость использования аналогов апробированных и наиболее совершенных видов коммерческой концессии определяет выбор варианта по первому параметру — франшиза на определенный вид деятельности, а конкретно, франчайзинг бизнес-формата, являющийся, по мнению зарубежных авторов (например, [23]), наиболее разработанной, часто используемой и одновременно наиболее перспективной формой коммерческой концессии. А двухуровневая система органов местного самоуправления делает единственно возможным, по второму параметру, такой вид районного франчайзинга, как субфранчайзинг.

Видится необходимым остановиться более подробно на особенностях бизнес-формат франчайзинга, которые, с одной стороны, выделяют его среди остальных видов, а с другой — позволяют использовать в системе управления регионом. Продуктом (передаваемым по договору) [16, с. 125] является точка реализации товаров или услуг, оператору продается «путь ведения дел» вместе с пакетом услуг и руководством по ведению дел, в котором раскрыты стандарты контроля качества, условия постоянного обучения, коммуникации и другие виды поддержки.

Этот вид франчайзинга, по мнению В. Колесникова [6, с. 64], представляет собой способ ведения бизнеса, при котором оператор приобретает право, ограниченное конкретной территорией, открыть собственное предприятие аналогичного профиля под товарным знаком (знаком обслуживания) продавца франшизы и берет на себя обязательства полностью скопировать формат франшизного бизнеса по определенной модели, отработанной компанией-франшизодателем. По нашему мнению, все указанные особенности оптимально подходят к взаимоотношениям между органами управления регионом и муниципалитетами.

Использование бизнес-формат франчайзинга означает наличие у правообладателя: торговой марки, технологии ведения дела, методов, стандартов, системы знаний, технических и маркетинговых ноу-хау, т. е. системы, право на использование которой и предоставляется оператору. Создание стандартов и бизнес-процессов, разработка требований к системе, формирование модели и ее апробация, завоевание доверия клиентов, формирование системы внутрисетевых взаимодействий являются задачами высокой сложности и требуют существенных затрат временных ресурсов. Правообладателем могут сдаваться операторам в аренду основные фонды, предлагаться финансирование, он вправе также выступить для них в качестве поставщика.

Необходимость использования субфранчайзинга, когда у оператора первого уровня, работающего на большой территории (в районе), появляются подконтрольные ему операторы, не имеющие прямого контакта с первоначальным правообладателем, обусловлена тем, что система органов муниципального управления имеет, в соответствии с законом¹, два уровня: в муниципальных районах есть городские и сельские поселения, а в городских округах могут создаваться районы.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: Система КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.2019).

Оператор, действующий в «районе» и обладающий мастер-франшизой, может реализовывать товары и услуги сам, но основным его «бизнесом» является обеспечение и развитие деятельности субоператоров, действующих на территориях, входящих в зону его ответственности, так, как было бы в случае, если бы они работали напрямую с правообладателем. Все это идеально подходит к сложившейся системе управления.

4. Договор некоммерческой концессии как основа построения новых отношений между регионом и муниципалитетами

Правовой основой некоммерческой концессии будет являться закон региона, в котором она применяется, «О некоммерческой концессии» (его проект представлен в [9, с. 137–142]), не входящий в противоречия с нормативно-правовыми актами федерального и регионального уровня.

В этом законе определяются: предмет его регулирования и основные понятия, принципы и цели некоммерческой концессии, ее участники, их полномочия и ответственность. В то же время он оставляет широкое поле для регулирования подзаконными актами и договорами некоммерческой концессии. Практические вопросы взаимодействия региональных и муниципальных органов власти в рамках некоммерческой концессии указываются в соответствующих договорах.

Договоры некоммерческой концессии заключаются между правообладателем — администрацией региона и операторами — органами исполнительной власти городских округов и муниципальных районов. Последние, в свою очередь, заключают договоры некоммерческой субконцессии с администрациями городских и сельских поселений. Данные договоры являются неотъемлемой частью системы правового обеспечения некоммерческой концессии и взаимодействия органов управления различных уровней. Городские округа, в большинстве случаев, не имеют права заключать договоры некоммерческой субконцессии, поскольку имеют простую структуру (без внутреннего деления).

Рассмотрим основные положения указанных договоров применительно к деятельности сторон. Целесообразно более подробно рассмотреть права и обязанности сторон, возникающие в результате заключения договоров концессии и субконцессии, и представленные в таблице. Содержание других разделов договоров, при всей их значимости, является более стандартизированным.

Как следует из материалов, представленных в таблице, практически все права одной из сторон некоммерческой концессии находят отражение в обязанностях другой, что обуславливает их совместное рассмотрение. Перечень прав и обязанностей сторон концессии может быть дополнен как в процессе рассмотрения данного механизма взаимодействия региональных и муниципальных органов власти представителями научного сообщества, так и в процессе его практического использования органами управления.

Права осуществлять контроль деятельности операторов и запрашивать финансовую и иную отчетность, корреспондирующие с их обязанностями информировать о складывающейся на территории ситуации и предоставлять отчетность, позволяют региональной администрации (администрации муниципального района) проводить постоянный мониторинг, оперативно реагировать на негативное изменение тенденций, направлять информацию в соответствии с запросами вышестоящих органов управления без процедуры ее дополнительного сбора.

Передача функций многофункциональных центров по оказанию государственных и муниципальных услуг в тех местностях, где их создание нецелесообразно, муниципальным администрациям позволяет наделить последние функцией контроля сроков и качества указанных услуг, а также действий в случае невыполнения кон-

Основные права и обязанности, возникающие в результате заключения договоров некоммерческой концессии

Table. Basic rights and obligations arising from the conclusion of non-commercial concession agreements

Правообладатель (субправообладатель)	Оператор (субоператор)
<i>Права</i>	
Контролировать деятельность оператора, осуществляемую в рамках данного договора, качество оказываемых населению услуг	Вносить предложения, направленные на совершенствование системы управления в целом или ее отдельных элементов
Запрашивать и получать финансовые и иные документы, отражающие деятельность оператора, проводить аудит его финансово-хозяйственной деятельности	Получать консультационную и информационную помощь правообладателя
Передавать право приема заявлений на оказание государственных услуг и направления документов исполнителям, с функцией контроля сроков исполнения	Подбирать персонал на должности, в соответствии с организационной структурой, одобренной правообладателем
Устанавливать единые сроки оказания государственных и муниципальных услуг	Предоставить оговоренное в договоре количество субконцессий
Рекомендовать операторам использовать единую структуру управления, соответствующую аналогичной структуре правообладателя	Получать содействие в повышении квалификации сотрудников
<i>Обязанности</i>	
Рассматривать предложения операторов относительно совершенствования взаимодействия, реализовывать наиболее ценные из них	Информировать правообладателя о социально-экономической ситуации, сложившейся на подконтрольной территории, особенно в случаях ее резкого изменения
Осуществлять регистрацию договоров в соответствии с действующим законодательством	Регулярно предоставлять правообладателю отчетность, указанную в нормативных документах или договоре
Обеспечивать операторов информацией, необходимой для деятельности (статистической, правовой и т. д.), в том числе проводя регулярные исследования области управления	Исполнять инструкции и указания правообладателя, связанные с деятельностью в рамках некоммерческой концессии, в том числе относительно структуры органов управления и унификации нормативной базы
Предоставлять оператору консультационную помощь, техническое содействие	Обеспечивать качество оказываемых услуг (в том числе по срокам) на уровне не меньшем, чем установленный правообладателем
Содействовать унификации муниципальной нормативной базы путем издания модельных нормативных актов и экспертизы актов, издаваемых операторами	Осуществлять прием у граждан заявлений на получение государственных услуг, передачу документации исполнителям и контроль сроков исполнения

Правообладатель (субправообладатель)	Оператор (субоператор)
Создать единую систему социально-экономического планирования	Участвовать в построении единой системы социально-экономического планирования
Содействовать повышению квалификации и обучению сотрудников операторов	Создавать нормативную базу в рамках, устанавливаемых правообладателем, внося предложения о ее совершенствовании

трольных значений указанных параметров. В рамках договора, если это не противоречит действующему законодательству, между уровнями власти могут быть перераспределены и обязанности оказания тех или иных услуг, при условии передачи и соответствующих финансовых ресурсов.

С предыдущим связано и установление предельных сроков оказания государственных и муниципальных услуг вне зависимости от места обращения — все граждане и юридические лица должны обслуживаться по единым стандартам, независимо от мест проживания (нахождения).

Воздействие на муниципалитеты, с целью изменения структуры органов управления, лежит сегодня вне правового поля, но соответствующие «рекомендации» в рамках некоммерческой концессии могут быть даны, что позволит установить единообразную вертикально-интегрированную систему управления, отвечающую требованиям законодательства и потребностям основных «клиентов».

Ответственность за регистрацию договоров некоммерческой концессии лежит на «правообладателе» — администрации региона, а в случае субконцессии, на «субправообладателе» — администрации муниципального района. При регистрации договоров необходимо пользоваться как законом «О некоммерческой концессии», так и общими нормативными рамками, установленными для договоров Гражданским кодексом РФ.

Обеспечение операторов информационными ресурсами, консультационной помощью и техническим содействием, и их право запрашивать указанные ресурсы является значимой для сторон формой взаимодействия. В результате закупок статистической и правовой информации органами регионального управления она может предоставляться муниципалитетам бесплатно или по существенно более низким ценам, например, в случае подключения дополнительных пользователей к справочно-правовым системам.

Унификация правового поля на территории региона будет являться первым шагом на пути выравнивания социально-экономического развития, а также позволит всем субъектам правоотношений, вне зависимости от места нахождения, обладать равными правами в идентичных ситуациях. Это не означает применение, например, единых на всей территории региона значений коэффициентов при определении ставок налогов, а лишь единые методы их расчета.

Единая система социально-экономического планирования строится на следующих основах: главным документом является стратегия социально-экономического развития региона, на базе которой создаются программы развития ключевых отраслей и муниципальные стратегии, которые, в свою очередь, являются основами муниципальных отраслевых программ. Система, кроме механизмов создания документов, включает в себя их исполнение, контроль и, при необходимости, корректировку, что прописывается в текстах соответствующих документов.

Существует широкий набор методов повышения квалификации сотрудников операторов: обучение на рабочем месте и с отрывом от него, наставничество, консуль-

тации с коллегами, занятыми решением аналогичных вопросов в других муниципалитетах или на уровне региона и другие. Все указанные методы могут быть использованы и для передачи опыта начинающим коллегам, и для решения практических задач, встающих перед сотрудниками муниципалитетов. Обучение может проводиться как с использованием внутренних ресурсов органов управления, так и с приглашением преподавателей извне системы управления регионом. Существенную поддержку процессам обучения окажет использование новых информационных технологий, позволяющее физическое отсутствие в аудитории как преподавателей, так и слушателей.

Далее рассмотрим прочие аспекты договора некоммерческой концессии, более схожие с аналогичными элементами договоров других видов, но также имеющие определенные отличия, которые основываются на изложенных выше правах и обязанностях, выявленных особенностях коммерческой и некоммерческой концессии.

Предмет договора — передача муниципалитетам документации, необходимой для ведения деятельности, права использовать общее наименование (например, «Система управления регионом»), информационных ресурсов, предоставление администрацией субъекта РФ консультационного и технического содействия, права действовать в единых системах планирования развития региона, создание однородного правового поля, систем повышения квалификации сотрудников органов управления и контроля качества, а также разрешение на предоставление субконцессий (для муниципальных районов).

Проект договора может, для упрощения процедуры внесения изменений, утверждаться нормативным актом губернатора или администрации региона. Целью его заключения является объединение усилий органов исполнительной власти регионального и муниципального уровней, направленных на повышение качества (уровня) жизни населения.

Основными элементами договора некоммерческой концессии (по аналогии с договором франчайзинга), отличающих его от других видов договоров, должны стать: перечень прав и обязанностей «правообладателя» и «пользователя» с выделением взаимно передаваемых прав и обязанностей, а также указание на территорию, на которой действует договор, и возможность предоставления субконцессий.

К общим элементам договоров, актуальных и для договоров некоммерческой концессии, с учетом положений Гражданского кодекса РФ и сложившейся практики, можно также отнести: дату и место заключения; идентификационные данные контрагентов; указание на лиц, имеющих право действовать от имени каждой из сторон; дату начала действия договора (в большинстве случаев будет совпадать с датой его заключения) и срок его действия; порядок изменения, прекращения договора, разрешения споров; реквизиты и подписи сторон. Поскольку общеизвестные элементы рассматривать нецелесообразно, видится необходимым дать пояснения относительно тех, которые будут иметь отличия в данном виде договоров.

Идентификационные данные контрагентов — это наименования органов управления, заключающих договор, в соответствии с уставами региона и муниципальных образований, т.е. соответствующих администраций. Их реквизиты указываются в конце документа перед подписями сторон.

Лицами, действующими от имени каждой из сторон, соответственно, являются руководитель региона (губернатор) и главы (руководители администраций) муниципальных образований. В целях обеспечения единообразия систем управления уставы всех муниципальных образований должны устанавливать следующее: избранный глава муниципалитета является руководителем местной администрации.

Порядки изменения или прекращения договоров, кроме стандартных для договоров условий, могут включать учет изменений действующего законодательства, делающих дальнейшее исполнение условий договора (в случае изменений — в дей-

ствующей редакции) невозможным. Споры между сторонами, в случае отсутствия возможности прийти к консенсусу путем переговоров, также передаются для рассмотрения в судебные инстанции.

В ходе заключения договоров некоммерческой концессии, структура, наименования и функции муниципальных органов управления (как городских округов и муниципальных районов, так и городских и сельских поселений) также приводятся в соответствие с системой органов управления регионом с учетом полномочий, предоставленных законодательством, состава производственно-экономического комплекса, оптимизации внутренней структуры органов управления.

Как и в большинстве случаев заключения договоров коммерческой концессии, в ее некоммерческом варианте правообладатель и оператор несут субсидиарную ответственность за качество (в том числе своевременность) предоставления услуг. Если качество оказываемых услуг оказывается ниже, чем установлено нормативными документами, то наказанию, прежде всего снижению размеров премиальных выплат, подлежат ответственные работники и правообладателя, и оператора: одни, как не исполнившие услугу, вторые, как не проконтролировавшие исполнение, вне зависимости от того, какая услуга была запрошена «клиентом» — муниципальная или государственная.

В договорах коммерческой концессии достаточно часто присутствует пункт о самостоятельности и независимости операторов, что в свете законодательства о местном самоуправлении, в документах о некоммерческой концессии приобретает приоритетную значимость. Назначение и снятие с должности руководителей операторов осуществляется в соответствии с действующим законодательством. В случае, когда руководитель оператора не справляется с решением поставленных перед ним задач, процедура его замены, в рамках правового поля, может быть инициирована правообладателем.

5. Механизм использования некоммерческой концессии для регионального развития

Заключение договоров некоммерческой концессии позволит органам регионального управления, не нарушая действующее законодательство, осуществлять руководство комплексным развитием региона, непосредственно указывая муниципалитетам не только приоритетные направления развития (индикативное планирование), но и разрабатывая для них конкретные действия, особенно в сфере развития отраслей, позволяющих с максимальной эффективностью производить необходимую для регионального хозяйства продукцию, оценивая результаты их деятельности на основании достижения запланированных значений показателей (директивное планирование).

Практически это будет выражаться в совместном создании органами государственного и муниципального управления стратегических и плановых (отраслевых) документов, взаимоувязанных по целям, ресурсам, периодам исполнения, а также в совместном контроле реализации этих документов. Этот процесс целесообразно рассматривать во взаимодействии с другими элементами механизма использования некоммерческой концессии, как представлено на рисунке.

Первым элементом системы является процесс создания и дальнейшего совершенствования нормативных основ некоммерческой концессии, выражающегося в доработке соответствующего регионального закона, а также разработке, принятии и доработке, в связи с изменением внутренних и внешних условий, дополняющих его положения подзаконных актов. Основную роль в этих процессах играют органы регионального и муниципального управления.

Создаваемая нормативная база является основой деятельности других компонентов механизма. Так, в соответствии с ней, заключаются договоры некоммерческой

Рис. Основные блоки механизма использования некоммерческой концессии (НК) в структуре управления развитием региона
 Fig. The main blocks of the mechanism for the use of non-commercial concession (NC) in the structure of regional development

концессии, а в дальнейшем, в них вносятся дополнения и изменения, позволяющие не только поддерживать соответствие этих договоров действующему законодательству, но и своевременно реагировать на происходящие изменения в социально-экономическом развитии участников концессии, внедрять передовой опыт, полученный отдельными участниками, и т. д.

Матрично-модульная структура органов управления (особенности которой нами рассмотрены ранее [9, с. 36–46]) позволяет создавать рабочие группы, осуществляющие выполнение значимых для «клиентов» системы социально-экономического развития региона процессов, а также изменять и ликвидировать эти группы в случаях изменения целей их деятельности, изменений в законодательстве или завершения ими работы, ради выполнения которой они были созданы. Рабочие группы не только изменяются в соответствии с принимаемыми нормативными актами, но и сами могут являться инициаторами внесения изменений в законодательную базу, устанавливающую отношения в рамках некоммерческой концессии.

Органы управления регионального и муниципального уровней, созданные ими рабочие группы, с привлечением представителей заинтересованных сторон (население, предпринимательское сообщество) и сторонних экспертов, играют ключевую роль в деятельности подсистемы создания и реализации стратегических документов, которая является следующим элементом механизма.

Сформированная нормативная база, заключенные договоры некоммерческой концессии и деятельность рабочих групп являются определяющими факторами формирования системы стратегических документов. В реализации документов этой

системы участвуют не только органы управления различных уровней и созданные ими рабочие группы, но и государственные и муниципальные предприятия и учреждения, частные организации, граждане.

Как было указано выше, документом, обеспечивающим реализацию преимуществ, получаемых регионом и муниципалитетами в результате использования некоммерческой концессии, являются стратегия социально-экономического развития региона, основные положения которой детализированы в программах развития основных отраслей региональной экономики и муниципальных стратегиях, являющихся базой для муниципальных отраслевых программ.

Представленная конфигурация нормативных основ некоммерческой концессии и системы стратегических документов позволяет осуществлять выравнивание социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории региона, и их дальнейшее не соревновательное, а взаимоподдерживающее развитие с учетом главной цели — равномерного повышения качества жизни населения.

На основании нормативной базы, договоров некоммерческой концессии и стратегических документов, органы управления (и созданные ими рабочие группы) осуществляют аккумулирование ресурсов (прежде всего финансовых), которые в дальнейшем направляются на развитие наиболее проблемных участков деятельности конкретных муниципалитетов. Например, капитальный ремонт или строительство школ, детских садов, лечебных или спортивных учреждений, адресная поддержка отдельных категорий работников этих сфер. В рамках данной подсистемы возможно установление повышенного (по сравнению с аналогичными показателями соседних муниципалитетов) уровня оплаты труда работников наиболее проблемных сфер жизнедеятельности конкретного поселения, предоставление им жилья, других социальных и коммунальных благ на безвозмездной основе.

Выбор направлений развития муниципалитетов, которым оказывается поддержка, осуществляется на основании сравнительного анализа ситуации по региону в целом. Целевой характер предоставляемых средств не позволяет органам местного самоуправления перераспределять их на осуществление других проектов муниципального развития или иные нужды.

Региональные органы управления, в рамках использования некоммерческой концессии, получают возможность регулировать развитие муниципальных образований, концентрируя и направляя ресурсы на поддержку наиболее проблемных сфер муниципалитетов, отстающих в развитии, но имея при этом возможность контролировать распределение этих ресурсов и получаемые в ходе их использования результаты.

Сервисное обслуживание органов муниципального управления в таких областях, как юриспруденция, бухгалтерский учет, информатизация, предоставление данных, транспорт, обучение и других, в рамках некоммерческой концессии передается органам государственного управления, действующим или специально созданным государственным учреждениям, сторонним организациям, которые могут осуществлять эту деятельность более эффективно, чем подразделения местных администраций. Возможность бесплатно или с минимальными затратами пользоваться услугами государственных учреждений, передавая им обеспечивающие виды деятельности, для муниципальных органов управления также будет являться следствием заключения договора некоммерческой концессии.

Эта подсистема, получая воздействия от практически всех указанных выше блоков, сама активно действует на развитие нормативной базы (заинтересованные стороны, оказывающие услуги, могут выступать с законодательной инициативой), деятельность рабочих групп (например, в случае их ликвидации и передачи внешним исполнителям востребованных «клиентами» функций), а через изменение нормативной базы и на содержание договоров некоммерческой концессии.

Все указанные блоки воздействуют на темпы социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, в котором используется некоммерческая концессия, но их можно условно разделить на блоки непосредственного и опосредованного действия. К тем, которые непосредственно влияют на уровень развития каждого конкретного муниципалитета и региона в целом, необходимо отнести: создание, деятельность и ликвидацию рабочих групп всех уровней системы управления, систему стратегических документов, в которых представлены системы конкретных действий, направленных на развитие отдельных отраслей хозяйства и административно-территориальных образований в целом, и перераспределение ресурсов на поддержание и развитие наиболее проблемных сфер муниципального хозяйства в конкретных географических точках.

Заключение

Представленные в статье материалы позволяют сделать выводы.

1. Понятие некоммерческой концессии введено автором в научный оборот. В случае практического внедрения, после определенной доработки, преимущественно с юридической стороны, некоммерческая концессия станет мощным инструментом выравнивания социально-экономического развития муниципальных образований и содействия развитию региона в целом.
2. В результате проведенного анализа выявлено, что при использовании некоммерческой концессии сохраняются все преимущества ее коммерческого варианта, которые в принципе применимы к некоммерческим отношениям, а известные недостатки франчайзинга не актуальны для взаимодействия региональных и муниципальных органов власти. Дополнительные проблемы могут быть выявлены в ходе практического применения данного инструмента регионального развития, а те, что можно предвидеть на стадии разработки, уже описаны и к ним предложены меры противодействия.
3. Определены основные составляющие договора некоммерческой концессии, при этом акцент сделан на разработку прав и обязанностей сторон, которые будут отличаться и от прав и обязанностей по договору франчайзинга, и от прав и обязанностей, закрепленных за регионами и муниципалитетами действующим законодательством. Безусловно, в процессе развития некоммерческой концессии перечень прав и обязанностей сторон договора будет расширен.
4. Разработаны основные контуры механизма использования некоммерческой концессии в структуре управления развитием региона. Кроме подсистемы создания и поддержания актуальности договоров некоммерческой концессии, в него входят: инструменты осуществления постоянного совершенствования нормативной базы концессии; подсистема использования сервисных услуг и обеспечивающих видов деятельности; деятельность по созданию и ликвидации рабочих групп, выполняющих основные процессы; перераспределение ресурсов в пользу наиболее в них нуждающихся муниципальных образований, отраслей и конкретных объектов; создание и реализация сложносоставной и многоуровневой системы планирования развития.
5. Упрочение связей между органами государственного и муниципального управления в рамках некоммерческой концессии позволит консолидировать усилия всех уровней власти, направленные на социально-экономическое развитие, более эффективно устранять возникающие противоречия, развивать муниципальные образования в соответствии общерегиональными тенденциями в интересах жителей всего региона, получая синергетический эффект от совместного развития его составляющих.
6. Основным преимуществом, получаемым всеми участниками от заключения договоров некоммерческой концессии, является повышение управляемости реги-

ональной экономики, поскольку нивелируется законодательное ограничение на оказание управляющих воздействий региональных органов управления на муниципальные. Это особенно актуально для регионов, в которых сегодня наблюдается негативная социально-экономическая динамика, а следовательно, требуются незамедлительные совместные действия всех органов управления, направленные на изменение сложившейся ситуации. Повышение управляемости также подразумевает подстройку систем муниципального управления под систему управления на уровне региона, и, в первую очередь, в разрезе структуры органов управления, поскольку одним из существенных препятствий на пути развития российской экономики в целом, и региональных экономик в частности, является разнородность состава систем управления регионального и муниципального уровней. Путем объединения усилий и интеграции систем управления региональных и муниципальных органов власти достигается значительный прогресс в развитии подконтрольных территорий.

Литература

1. Байрамукова Ф. А., Аверченко Т. В. Ключевые проблемы социально-экономического развития России // Финансовая экономика. 2018. № 8. С. 164–167.
2. Бушенева Ю. И. Стратегическое социально-экономическое планирование развития России: проблемы, достижения и перспективы // Экономика нового мира. 2017. № 1. С. 5–19.
3. Гавва Р. В., Ложкомоева Е. Н., Нечаева Т. В. Экономика России: проблемы, тенденции, перспективы // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2017. № 4. С. 65–70.
4. Земляков Д. Н., Макашев М. О. Франчайзинг. Интегрированные формы организации бизнеса : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
5. Ильяшенко В. В. Доходы населения России в условиях инфляционных процессов // Журнал экономической теории. 2018. № 2. С. 182–188.
6. Колесников В. Построение франчайзингового бизнеса. Курс для правообладателей и пользователей франшиз. СПб. : Питер, 2008.
7. Мендельсон М. Руководство по франчайзингу. М. : Сибли Интернэшнл Инк., 1995.
8. Нормативно-методические материалы по использованию франчайзинга в малом предпринимательстве. М., Новосибирск : ЗАО КС-Авто, 2002.
9. Орлов Е. В. Некоммерческая концессия: теоретические основы и практическое применение. Ярославль : Филигрань, 2017.
10. Перков В. Точка зрения потребителя на коммерческую концессию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.franchuniverse.ru/opinion-of-experts-2/валерий-перков/120-точка-зрения-потребителя> (дата обращения: 15.09.2016).
11. Сосна С. А., Васильева Е. Н. Франчайзинг. Коммерческая концессия. М. : ИКЦ «Академкнига», 2005.
12. Уваров А. А. Муниципальные и государственные органы власти: формы сотрудничества и взаимодействия // Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 2. С. 19–26.
13. Ягудин С. Ю. Венчурное предпринимательство. Франчайзинг : учебно-методический комплекс. М. : Изд. центр ЕАОИ, 2008.
14. Atwell C., Buchan J. The franchise fulcrum: the legal system's contributions to research about power and control in business format franchising. Journal of marketing channels. 2014. Vol. 21. N 3. P. 180–195.
15. Benzell S. G., Lagarda G. Can Russia survive economic sanctions? Asian Economic Papers. 2017. Vol. 16. Is. 3. P. 78–120.
16. Dant R. P., Grünhagen M. International franchising research: some thoughts on the what, where, when and how. Journal of marketing channels. 2014. Vol. 21. N 3. P. 124–132.
17. Dragoi A.-E., Balgar A.-C. Economic sanctions against Russia. A critical evaluation. Knowledge Horizons / Orizonturi ale Cunoasterii. 2016. Vol. 8. Is. 1. P. 63–67.
18. Feaver P. D., Lorber E. B. The Sanctions Myth. National Interest. 2015. Is. 138. P. 22–27.
19. Herz M., Hutzinger C., Seferagic H., Windsperger J. Trust, decision rights delegation, and performance — the case of franchising. Journal of small business management. 2016. Vol. 54. N 3. P. 973–991.

20. Jones E., Whitworth A. The Unintended Consequences of European Sanctions on Russia. *Survival*. 2014. Vol. 56. Is. 5. P. 21–30.
21. Korhonen I., Simola H., Solanko L. Sanctions, counter-sanctions and Russia — Effects on economy, trade and finance. BOFIT Policy Brief. 2018. Is. 4. P. 3–23.
22. Lafontaine F. Franchising: directions for future research. *International Journal of the economics of business*. 2014. Vol. 21. N 1. P. 21–25.
23. Michael S. Can franchising be an economic development strategy? An empirical investigation. *Small business economics*. 2014. Vol. 42. N 3. P. 611–620.
24. O'Neill R. Franchising. *BusiDate*. 2017. Vol. 25. N 2. P. 3–8.
25. Pardo-del-Val M., Martínez-Fuentes C., López-Sánchez J. I., Minguela-Rata B. Franchising: the dilemma between standardization and flexibility. *Service industries journal*. 2014. Vol. 34. N 9–10. P. 828–842.

Об авторе:

Орлов Евгений Владимирович, доцент кафедры экономики и управления Костромского государственного университета (г. Кострома, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; ev_orlov@rambler.ru

References

1. Bairamukova F.A., Averchenko T.V. Key problems of the socio-economic development of Russia // *Financial Economics [Finansovaya ekonomika]*. 2018. N 8. P. 164–167. (In rus)
2. Busheneva Iu. I. Strategic socio-economic planning for the development of Russia: problems, achievements and prospects // *Economy of the new World [Ekonomika novogo mira]*. 2017. N 1. P. 5–19. (In rus)
3. Gavva R. V., Lozhkomoeva E. N., Nechaeva T.V. Russian economy: problems, trends, prospects // *Actual problems of socio-economic development of Russia [Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossii]*. 2017. N 4, P. 65–70. (In rus)
4. Zemlyakov D. N., Makashev M. O. Franchizing. The integrated forms of the organization of business: Manual for higher education institutions M. : YUNITI-DANA, 2003. (In rus)
5. Il'iashenko V.V. Incomes of the Russian population in the context of inflationary processes // *Journal of Economic Theory [Zhurnal ekonomicheskoi teorii]*. 2018. N 2. P. 182–188. (In rus)
6. Kolesnikov V. Creation of franchising business. A course for owners and users of franchises. SPb. : Piter, 2008. (In rus)
7. Mendel'son M. Guide to franchizing. M. : Sibli International Ink, 1995. (In rus)
8. Standard and methodical materials on use of franchizing in small business. M., Novosibirsk : ZAO KS-Avto, 2002. (In rus)
9. Orlov E. V. Noncommercial concession: theoretical bases and practical application. Yaroslavl' : Filigran', 2017. (In rus)
10. Perkov V. The point of view of the consumer on commercial concession [Electronic source]. URL: <https://www.franchuniverse.ru/opinion-of-experts-2/валерий-перков/120-точка-зрения-потребителя> (accessed: 15.09.2016). (In rus)
11. Sosna S.A., Vasil'eva E.N. Franchizing. Commercial concession. M. : IKC «Akademkniga», 2005. (In rus)
12. Uvarov A. A. Municipal and public authorities of the power: forms of cooperation and interactions // *State power and local government [Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie]*. 2002. N 2. P. 19–26. (In rus)
13. Yagudin S.Yu. Venture business. Franchizing: an educational and methodical complex. Moscow : Pub. center EAOI, 2008. (In rus)
14. Atwell C., Buchan J. The franchise fulcrum: the legal system's contributions to research about power and control in business format franchising. *Journal of marketing channels*. 2014. Vol. 21. N 3. P. 180–195.
15. Benzell S.G., Lagarda G. Can Russia survive economic sanctions? *Asian Economic Papers*. 2017. Vol. 16. Is. 3. P. 78–120.
16. Dant R. P., Grünhagen M. International franchising research: some thoughts on the what, where, when and how. *Journal of marketing channels*. 2014. Vol. 21. N 3. P. 124–132.
17. Dragoi A.-E., Balgar A.-C. Economic sanctions against Russia. A critical evaluation. *Knowledge Horizons / Orizonturi ale Cunoasterii*. 2016. Vol. 8. Is. 1. P. 63–67.

18. Feaver P.D., Lorber E.B. The Sanctions Myth. *National Interest*. 2015. Is. 138. P. 22–27.
19. Herz M., Hutzinger C., Seferagic H., Windsperger J. Trust, decision rights delegation, and performance — the case of franchising. *Journal of small business management*. 2016. Vol. 54. N 3. P. 973–991.
20. Jones E., Whitworth A. The Unintended Consequences of European Sanctions on Russia. *Survival*. 2014. Vol. 56. Is. 5. P. 21–30.
21. Korhonen I., Simola H., Solanko L. Sanctions, counter-sanctions and Russia — Effects on economy, trade and finance. *BOFIT Policy Brief*. 2018. Is. 4. P. 3–23.
22. Lafontaine F. Franchising: directions for future research. *International Journal of the economics of business*. 2014. Vol. 21. N 1. P. 21–25.
23. Michael S. Can franchising be an economic development strategy? An empirical investigation. *Small business economics*. 2014. Vol. 42. N 3. P. 611–620.
24. O'Neill R. Franchising. *BusiDate*. 2017. Vol. 25. N 2. P. 3–8.
25. Pardo-del-Val M., Martínez-Fuentes C., López-Sánchez J. I., Minguela-Rata B. Franchising: the dilemma between standardization and flexibility. *Service industries journal*. 2014. Vol. 34. N 9–10. P. 828–842.

About the author:

Evgeniy V. Orlov, Associate Professor of Chair of Economy and Management of Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; ev_orlov@rambler.ru

Единообразное толкование товарной номенклатуры как основа регулирования международной торговли

Федотова Г. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; fedotova-gy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Современная международная торговля имеет сложный и многоаспектный характер. Однозначная идентификация объектов в международной торговле позволяет решать большое количество вопросов по регулированию и контролю за перемещением товаров, применять широкий комплекс мер в условиях глобализации мировой экономики. Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (ГС) является общепризнанным инструментом для классификации и кодирования товаров в международной торговле. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС), основанная на ГС, в соответствии с договором о ЕАЭС применяется на территории стран — членов ЕАЭС. ТН ВЭД ЕАЭС полностью включает русскоязычную версию ГС, как неотъемлемую часть в пределах шестизначного кода. В связи с языковыми особенностями ТН ВЭД ЕАЭС не имеет полного совпадения с первоисточником в части перевода. В статье представлены результаты исследования сопоставимости толкования текстов товарных позиций ГС, имплементированных в ТН ВЭД ЕАЭС. Анализ однозначности интерпретации и трактовки этих текстов является необходимым в целях регулирования перемещения товаров в международной торговле. В работе выявлены несовпадения толкования текстов ряда товарных позиций. Особое внимание уделено исследованию текстов товарных субпозиций, содержащих расширительные конструкции, относящиеся к аналогичным изделиям, применяемым в разных целях. Исследован ряд противоречий в трактовке и понимании отдельных терминов ГС, имеющих широкое применение в ТН ВЭД ЕАЭС. Выявлены проблемы применения понятийного аппарата на примере анализа терминов «мебель», «транспортные средства». На примере фитингов проведен подробный анализ дефиниций для классификации частей и принадлежностей сложно-технических товаров. Исследованы конструктивные особенности ряда текстов товарных позиций в части соответствия содержанию субпозиций ГС, что необходимо в целях установления единообразного применения и толкования ТН ВЭД ЕАЭС. Доказано отсутствие единого подхода к переводу текстов товарных позиций в ТН ВЭД ЕАЭС, имеющих одинаковую конструкцию в ГС. Приведенные результаты исследования являются значимыми как основа для обеспечения регулирования международной торговли.

Ключевые слова: международная торговля, товар, Гармонизированная система описания и кодирования товаров, единообразное толкование, термины, перевод

Для цитирования: Федотова Г. Ю. Единообразное толкование товарной номенклатуры как основа регулирования международной торговли // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 67–79.

Uniform Interpretation of the Commodity Nomenclature as the Basis for Regulation of International Trade

Galina Yu. Fedotova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; fedotova-gy@ranepa.ru

ABSTRACT

The international trade today is complex and multidimensional. The unambiguous identification of objects in international trade allows us to solve a large number of questions on the regula-

tion and control of the movement of goods, to apply a wide range of measures in a globalizing world economy. The Harmonized Commodity Description and Coding System of the World Customs Organization (HS) is a recognized tool for classifying and coding goods in the international trade. The Commodity nomenclature of foreign economic activity of the Eurasian Economic Union (CN FEA EAEU), based on the HS, is applied in the territory of the EAEU member countries in accordance with the agreement on the EAEU. The CN FEA EAEU fully incorporates the Russian-language version of the HS, as an integral part within the six-digit code. In connection with the linguistic features of the CN FEA EAEU does not fully coincide with the original source in terms of translation. The article presents the results of a study on the comparability of the interpretation of the texts of HS implemented in the CN FEA EAEU. An analysis of the uniformity of the interpretation and the usage of these texts is necessary to provide the regulation of the international trade. The work revealed discrepancies in the interpretation of texts of a number of commodity items. Particular attention is paid to the study of the texts of commodity subheadings containing expansion structures related to similar products used for different purposes. A number of contradictions in the interpretation and understanding of certain terms of the HS, which are widely used in the CN FEA EAEU, have been investigated. The problems of using the conceptual apparatus are revealed by the example of the analysis of the terms "furniture" and "coachwork". Using the example of fittings, a detailed analysis of the definitions for the classification of parts and accessories of complex technical goods was carried out. In order to establish a uniform application and interpretation of the contents of the subheadings of the CN FEA EAEU it is necessary to provide the compliance with the structural features of a number of texts of commodity positions of the HS. The absence of a unified approach to the translation of texts of commodity items in the CN FEA EAEU having the same structure in the HS has been proved. The results of the study are significant as a basis for ensuring the regulation of the international trade.

Keywords: international trade, commodity, Harmonized Commodity Description and Coding System, uniform interpretation, terms, translation

For citing: Fedotova G. Yu. Uniform Interpretation of the Commodity Nomenclature as the Basis for Regulation of International Trade // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 67–79.

Введение

Сегодня трудно представить международную торговлю без применения Гармонизированной системы (ГС) описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации¹. Эта кодировка товара, по сути, сегодня обеспечивает и экономическую регулирующую функцию мировой торговли, и решение экологических проблем, и политических вопросов. Едва ли можно найти сегодня области международного взаимодействия, где эта кодировка товара не используется [22].

ГС — это единственная классификация товаров, рекомендованная Статистической комиссией ООН для сбора и сопоставления статистических данных о международной торговле товарами. Основная причина, по которой эта классификация имеет широкое применение, это наличие юридически согласованных текстов и подробных пояснений, обеспечивающих в максимально возможной степени единообразное толкование текстов позиций. Это создает универсальные формулировки, применимые как в коммерческой практике, так и в проведении международных переговоров на самом высоком уровне, и обеспечивает международную сопоставимость торговой статистики, что особенно актуально в условиях глобализации национальных экономик [20].

ГС сегодня позволяет проводить эффективные исследования по согласованию торговых данных. Важно отметить, что Конвенция о ГС позволяет каждой стране

¹ HS Nomenclature 2017 edition URL: <http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-andtools/hs-nomenclature-2017-edition/hs-nomenclature-2017-edition.aspx> (дата обращения: 14.04.2019).

вводить собственный уровень детализации статистических данных, тем самым обеспечивая необходимую гибкость в удовлетворении национальных потребностей. Сегодня эти преимущества ГС максимально используются на международном и национальном уровне различными государствами [19].

Целью исследования является изучение сопоставимости текстов товарных позиций ГС, имплементированных в Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС), и однозначности интерпретации и трактовки этих текстов в целях регулирования перемещения товаров в международной торговле.

Методика исследования

Она заключается в проведении критического анализа зарубежных и отечественных источников по проблеме применения ГС в национальных таможенных номенклатурах, каковой является ТН ВЭД ЕАЭС. Положения Конвенции о ГС предусматривают полное, единообразное и однозначное применение текстов ГС всеми договаривающимися сторонами при составлении национальных таможенных тарифов и в целях ведения статистики внешней торговли. Поэтому необходимо провести сопоставительный анализ текстов ГС и ТН ВЭД ЕАЭС на предмет идентичности и однозначности их толкования в международной торговле в отношении объектов, не имеющих непосредственного упоминания в тексте номенклатуры.

Сегодня ГС обеспечивает однозначную идентификацию объектов международной торговли 209 стран мирового сообщества, в том числе и Российской Федерации¹ [13]. Российская Федерация является участницей Евразийского экономического союза, и вопросы международной торговли сегодня находятся в правовом поле Договора о ЕАЭС². В соответствии со ст. 25 Договора о ЕАЭС, ГС является основой для создания ТН ВЭД ЕАЭС, применяемой для составления единого импортного таможенного тарифа ЕАЭС и ведения статистики как внешней, так и взаимной торговли государств — членов ЕАЭС. Более того, согласно ФЗ-289 сфера применения ТН ВЭД ЕАЭС, а значит и ГС, расширена значительно, охватывая не только вопросы международной торговли в рамках ЕАЭС, но и такие области, как установление ставок вывозных пошлин, применение запретов и ограничений, мер защиты внутреннего рынка, ведения таможенной статистики, налогообложения [21].

Однако, как говорится, идеал недостижим. К наиболее часто упоминаемым проблемам применения ГС относится то, что это сложная система, внедрение которой связано с довольно интенсивным обучением, с тем, чтобы избежать серьезных классификационных ошибок. Необходимо также отметить, что определение групп товаров в ГС не всегда удовлетворяет требованиям экономического анализа, что обуславливает необходимость проведения различных аналитических исследований и разработки рекомендаций для классификации [16; 17].

В ГС часто не содержатся дескрипторы отдельных товарных кодов [8]. Так, тексты позиций ГС не всегда описывают сферу их применения, поскольку в них используются такие названия как, например, «прочие». А в ряде случаев классификация основывается на применении примечаний к разделам и группам. Этот подход, конечно, обеспечивает более точное определение сферы охвата кодов ГС, но

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.1996 г. № 372 «О присоединении Российской Федерации к Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров».

² Договор о Евразийском экономическом союзе. (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 11.04.2017).

отдельные дескрипторы находятся в зависимости от профессионализма пользователя и могут иметь различный подход в толковании [18].

Этому вопросу был посвящен ряд исследований. В работах, аналогичных [10], исследователями показана проблема терминологии, применяемой в ГС, и ее сопоставимость и однозначность понимания в силу особенностей различных областей, связанных с нормативно-техническими характеристиками таких товаров. Важно обратить внимание, что часто термины в ГС не соответствуют общепринятым. Эта ситуация связана с тем, что необходима идентификация объектов не с точки зрения их сути, а именно для систематизации [7]. Поэтому «вольный» подход с определенным упрощением при отнесении, например, грибов к термину «овощи» связан с тем, чтобы сделать номенклатуру максимально емкой. Важно не допустить чрезмерного разрастания количества позиций, но их выделение должно быть объективно важным для международной торговли.

В ряде работ [4; 15] обращено внимание исследователей на отсутствие полной идентичности текстов позиций ТН ВЭД ЕАЭС на русском языке и оригинала ГС на английском языке. Действительно, переводы часто осложняются отсутствием абсолютно идентичных дефиниций в различных языках, что приводит к необходимости дополнительного толкования содержания текстов позиций [6]. Это необходимо в целях достижения единообразия в понимании и применении ГС в международной сфере [1].

Также ряд исследователей обратили внимание на сложности применения и толкования дефиниции «прочие» в номенклатуре [5]. В этой части опытных пользователей ГС хаотичное расположение слова «прочие» не вводят в заблуждение и смысл таких позиций по емкости их содержания не отличается от оригинала ГС. В ряде случаев, как отмечено в исследовании [2], действительно возникает иное прочтение и понимание содержания текстов. Примером может служить текст товарной позиции 9020 00.

Исследование проблем применения текстов позиций номенклатуры, включающих только одно слово «прочие» в названии или с расширением ее содержания в виде дополнения «прочие», является важным также в связи с тем, что 80% номенклатуры построено на применении этого метода [3].

В соответствии с Конвенцией о ГС¹ все Договаривающиеся стороны должны иметь единый подход, а также единый источник для осуществления единообразной классификации товаров [11]. Применение ставок таможенных пошлин в соответствии с ЕТТ ЕАЭС основывается на установлении кода товара в ТН ВЭД ЕАЭС², это код в пределах первых шести знаков должен полностью соответствовать ГС [12].

В данной работе автором представлены результаты исследования еще одного аспекта проблем применения текстов ГС в ТН ВЭД ЕАЭС. Такие вопросы классификации связаны с объектами, которые, как правило, непосредственно не названы в самих текстах, и в большей части являются составными элементами других готовых товаров [9; 14]. Например, различные части и принадлежности сложно-технических товаров.

Возьмем, к примеру, стиральные машины. Большое количество элементов входит в состав таких товаров. Ряд элементов обеспечивает конструктивные особенности, отдельные узлы, обеспечивает выполнение непосредственной функции данной машины. Как правило, такие элементы должны иметь возможность скрепления, фиксации для обеспечения безопасной и эффективной работы прибора. И в части установления кода таких объектов действительно могут возникнуть разночтения. Осно-

¹ Международная Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров. (Заклучена в Брюсселе 14.06.1983) (вместе с Протоколом от 24.06.1986).

² Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 (ред. от 27.11.2017) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза».

вываясь на двух главных критериях ГС (материал и функция), такие товары со всей очевидностью могут быть отнесены к товарным позициям номенклатуры, как по материалу, так и по функции.

Основные результаты исследования

В целях получения информации об объектах классификации в товарных позициях ГС, как и ТН ВЭД, согласно основному правилу интерпретации ¹, необходимо выявить отличительные признаки, указанные в этих текстах, а также, при необходимости, в примечаниях к разделам и группам. Анализ текста товарной позиции 3926 в соответствии с ГС на английском языке и в ТН ВЭД ЕАЭС показал их полное словесное и смысловое соответствие и идентичность. Так, в ГС он предусматривает: «Other articles of plastics and articles of other materials of headings 39.01 to 39.14». А в ТН ВЭД ЕАЭС: «Изделия прочие из пластмасс и изделия из прочих материалов товарных позиций 3901–3914».

Исследование текстов на английском и русском языке позволило установить, что для отнесения товара в указанную товарную позицию 3926 необходимо выполнение ряда условий.

1. Это должно быть изделие. Термин «изделие» не установлен непосредственно в ГС, но, очевидно, что это товар должен быть законченным в производстве и в этом виде должен иметь возможность прямого использования по назначению.
2. Этот товар не должен быть включен ни в одну из вышерасположенных товарных позиций группы 39: так как речь идет об изделиях, а такие товары могут быть в соответствии с текстами товарных позиций отнесены в 3922–3925. Следовательно, это не ванны, души, раковины (товарная позиция 3922), не изделия для упаковки, укупорки и транспортировки (товарная позиция 3923), не посуда или столовые и кухонные принадлежности (товарная позиция 3924) и не строительные детали (товарная позиция 3925).
3. Товар должен быть изготовлен из пластмассы или из прочих материалов товарных позиций 3901–3914: речь идет только о тех видах материалов, которые названы в товарных позициях 3901–3914.

Для рассмотрения дальнейшей детализации и понимания, какие объекты должны быть отнесены к тем или иным группировкам, необходимо руководствоваться основным правилом интерпретации 6, которое устанавливает юридический статус наименований субпозиций. В табл. 1 представлен сопоставительный анализ текстов субпозиции 3626 30 в соответствии с ГС и ТН ВЭД ЕАЭС.

Как видно из представленных текстов субпозиции 3926 30, здесь нет полного словесного соответствия и идентичности текстов. А именно, объект отнесения в данную субпозицию, указанный в ГС словом «fittings», в ТН ВЭД ЕАЭС отражен следующими словами: «крепежные изделия и фурнитура». Можно ли считать слово «fittings» соответствующим «крепежным изделиям и фурнитуре» в понимании ГС? Здесь мы видим еще одну ситуацию по применению ГС в ТН ВЭД, когда одному слову в ГС соответствует несколько слов в ТН ВЭД ЕАЭС. Можно предположить, что в ТН ВЭД ЕАЭС слово «фитинги» не применяется. Однако это не так. В ГС слово «fittings» широко применяется в текстах товарных позиций. И в других случаях в ТН ВЭД ЕАЭС, например, в тексте товарной позиции 3917, переводится в виде прямой транслитерации, как «фитинги» (табл. 2).

При этом необходимо отметить, что в тексте товарной позиции даже есть уточнение, что за товары могут быть отнесены к этому понятию. Аналогично, слово

¹ Основные правила интерпретации ТН ВЭД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsouz.ru/db/ettr/tnved/Pages/pravilaETT.aspx> (дата обращения: 20.12.2019).

**Сопоставительный анализ текстов субпозиции 3626 30 в соответствии
с ГС и ТН ВЭД ЕАЭС**

Table 1. Comparative analysis of the texts of sub-item 3626 30

Источник	Текст товарной субпозиции 3926 30
ГС	Fittings for furniture, coachwork or the like
ТН ВЭД ЕАЭС	крепежные изделия и фурнитура для мебели, транспортных средств или аналогичные изделия

Таблица 2

**Сопоставительный анализ текстов товарной позиции 3917 в соответствии
с ГС и ТН ВЭД ЕАЭС**

Table 2. Comparative analysis of the texts of item 3917

Источник	Текст товарной позиции 3917
ГС	Tubes, pipes and hoses, and fittings therefor (for example, joints, elbows, flanges) of plastics
ТН ВЭД ЕАЭС	Трубы, трубки, шланги и их фитинги (например, соединения, колена, фланцы) из пластмасс

«фитинги» применяется в текстах товарных позиций 4009, 7307, 7412 ТН ВЭД ЕАЭС (табл. 3).

Как видно из табл. 3, слово «фитинги» непосредственно самостоятельно применяется и в ГС, и в ТН ВЭД ЕАЭС. Однако анализ рассмотренных примеров (табл. 4) показывает, что это могут быть товары аналогичного функционального назначения, но иметь различные разновидности. Это в виде уточнения приведено в текстах самих товарных позиций 4009, 7307, 7412.

Итак, что такое фитинги? Это предметы, применяемые или устанавливаемые в любом окончательном продукте. В качестве прямой транслитерации слово «фитинги», перешедшее в русский язык из английского, предусматривает в первую очередь, что это составные элементы других товаров. Эти товары имеют возможность каким-то образом устанавливаться и фиксироваться на другом основном товаре.

Таким образом, в понимании ГС слово «fittings» в субпозиции 3926 30 означает готовые изделия из пластмассы или из прочих материалов товарных позиций 3901–3914 (исходя из текста товарной позиции 3926), имеющие установленную функцию — это присоединение, прикрепление чего-либо к основному товару. Однако это не должны быть изделия, которые могут быть отнесены в товарные позиции 3922–3925. Учитывая вышеизложенное, можно считать, что слово «fittings» в понимании ГС соответствует «крепежным изделиям и фурнитуре», которые обычно присоединяются к каким-либо товарам.

Последующая часть текста субпозиции 3926 30 (табл. 1) предусматривает следующее, что слову «furniture» в ГС соответствует слово «мебель» в ТН ВЭД ЕАЭС и, соответственно, слову «coachwork» — словосочетание «транспортные средства». Рассмотрим применение и толкование этих слов в ГС и ТН ВЭД ЕАЭС. Перевод слова «furniture» текста субпозиции 3926 30 в ТН ВЭД ЕАЭС как «мебель» принята и в ГС. Это можно увидеть из анализа текста названия группы 94 ГС, предназначенной для включения таких товаров. В пояснениях к группе 94 ТН ВЭД ЕАЭС дано толкование термина «мебель»¹:

¹ Пояснения к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) (ред. от 30.10.2018) (Т. V. Разделы XVI–XXI. Гр. 85–97).

Таблица 3

**Сопоставительный анализ текстов товарных позиций 4009, 7307, 7412
в соответствии с ГС и ТН ВЭД ЕАЭС**

Table 3. Comparison of the texts of items 4009, 7307, 7412

Товарная позиция	Источник	Текст товарной позиции
4009	ГС	Tubes, pipes and hoses, of vulcanised rubber other than hard rubber, with or without their fittings (for example, joints, elbows, flanges)
	ТН ВЭД ЕАЭС	Трубы, трубки и шланги из вулканизированной резины, кроме твердой резины, без фитингов или с фитингами (например, соединениями, патрубками, фланцами)
7307	ГС	Tube or pipe fittings (for example, couplings, elbows, sleeves) of iron or steel
	ТН ВЭД ЕАЭС	Фитинги для труб или трубок (например, соединения, колена, сгоны), из черных металлов
7412	ГС	Copper tube or pipe fittings (for example, couplings, elbows, sleeves)
	ТН ВЭД ЕАЭС	Фитинги медные для труб или трубок (например, муфты, колена, фланцы)

Таблица 4

Сопоставительный анализ текстов примечаний к группе 94

Table 4. Comparative analysis of notes to group 94

Источник	Номер примечания	Текст примечания
ГС	1 (е)	(e) Furniture specially designed as parts of refrigerating or freezing equipment of heading 84.18; furniture specially designed for sewing machines (heading 84.52)
ТН ВЭД ЕАЭС	1 (д)	(д) мебель, специально сконструированная как части холодильного или морозильного оборудования товарной позиции 8418; мебель, специально сконструированная для швейных машин (товарная позиция 8452)

«Любые «передвижные» изделия (за исключением входящих в более специфические товарные позиции Номенклатуры), главной характерной особенностью которых является то, что они сконструированы для размещения на полу или на земле и которые используются в основном в утилитарных целях, для интерьера частных домов, гостиниц, театров, кинотеатров, контор, церквей, школ, кафе, ресторанов, лабораторий, больниц, стоматологических кабинетов и т.д., а также для интерьеров судов, летательных аппаратов, железнодорожных вагонов, моторных транспортных средств, жилых прицепов или аналогичных транспортных средств».

Таким образом, главной характерной особенностью является применение в утилитарных целях и способ размещения. Однако прямое обращение к тексту примечания 1д) к группе 94 в ТН ВЭД ЕАЭС и, соответственно, к 1е) в ГС позволяет выявить, что из группы 94 ТН ВЭД ЕАЭС исключены товары, приведенные в табл. 4.

Изучение текста данного примечания позволяет выявить, что слово «мебель» в ГС и, следовательно, в ТН ВЭД ЕАЭС имеет более широкое применение. Говорить непосредственно, что швейные машины относятся к «мебели» вряд ли будет корректно. Швейные машины, а именно функциональные части таких машин, находятся в специальных корпусах. Таким образом, понятие «мебель» является более широким, чем просто утилитарные предметы для интерьера. Другое дело, что одной из частных функций «мебели» является расположение, размещение внутри или хранение чего-либо. Таким предметом мебели и является швейная машина, т. е. корпус, в который встроен сам механизм машины для шитья.

Таким образом, слово «мебель» в ГС означает, что этот товар применяется в утилитарных целях и одной из ее особенностей является возможность размещения чего-либо, т. е. являться, например, корпусом для размещения какого-либо механизма.

Перевод слова «coachwork» в тексте субпозиции 3926 30 в ГС как «транспортные средства» в ТН ВЭД ЕАЭС, также не представляется однозначным. Проведенное исследование позволило установить, что словосочетание «транспортные средства» встречается в ТН ВЭД ЕАЭС 555 раз, а слово «coachwork» в английской редакции ГС только один раз. Положения Конвенции о ГС, что товарные номенклатуры стран, являющихся договаривающимися сторонами, должен полностью соответствовать этим текстам ГС. Таким образом, нельзя утверждать, что «coachwork» это только и именно «транспортные средства». Это слово явно имеет специфическое толкование, так как ни разу не было непосредственно применено в текстах специального раздела XVII «Средства наземного транспорта, летательные аппараты, плавающие средства и относящиеся к транспорту устройства и оборудование», включающего все транспортные средства.

Применяемые в ТН ВЭД ЕАЭС словосочетания «транспортные средства» имеют в английской редакции ГС различные интерпретации, но чаще всего, когда речь идет о наземных транспортных средствах, — это «vehicles».

Исследование применения слова «coachwork» в английской редакции ГС позволило установить, что слово «coach» применяется еще в ГС только в группе 73. А именно в товарной позиции 7318 указано следующее: «Screws, bolts, nuts, coach screws, screw hooks, rivets, cotters, cotter-pins, washers (including spring washers) and similar articles, of iron or steel:», что соответствует тексту товарной позиции в ТН ВЭД ЕАЭС: «Винты, болты, гайки, глухари, ввертные крюки, заклепки, шпонки, шпильки, шайбы (включая пружинные) и аналогичные изделия, из черных металлов:».

Из сравнения этих двух текстов, очевидно, что речь в данном случае идет о различных изделиях для крепления чего-либо к чему-то или скрепления с чем-либо. То есть о крепежных изделиях. Таким образом, понимание слова «coachwork» как «транспортные средства» не является однозначным. А лишь возможным примером товаров, изготовленных путем скрепления каких-либо деталей и элементов, каковым транспортное средство и является. Следовательно, в ГС путем применения слова «coachwork», отличного от прямого функционально обозначенного термина «транспортные средства», явно указывается именно на особенности предметов, включаемых в субпозицию 3926 30.

С учетом вышеизложенного, это утилитарные предметы, которые могут вмещать в себя что-либо, например механизмы, а также предметы, являющиеся результатом скрепления, присоединения различных деталей или изделий.

И наконец, текст субпозиции 3926 30 в ТН ВЭД ЕАЭС заканчивается словами «аналогичные изделия» (табл. 1). Так как текст субпозиции 3926 30 включает как объект классификации, так и предметы, к которым относится данный объект, соответственно важно понять, что такое «аналогичные изделия». К каким объектам,

включаемым в данную субпозицию, к чему относятся непосредственно — к фитингам или к области применения этих фитингов.

Как видно в английской редакции слово «fittings» стоит в начале текста субпозиции, отражая ключевой объект классификации в данной товарной позиции. При этом указано, что эти товары могут относиться к различным предметам. Таким образом «аналогичные изделия» относятся именно к предметам классификации, т. е. мебели и т. д. Анализ текста ГС с точки зрения отнесения «аналогичных изделий» к объекту классификации показывает, что формулировка текста субпозиции на английском языке была бы другой. Как вариант: *Fittings and other accessories for furniture, coachwork.*

А в соответствии с текстом субпозиции 3926 30, в ТН ВЭД ЕАЭС окончания в словосочетании в конце текста субпозиции: *крепежные изделия и фурнитура для мебели, транспортных средств или аналогичные изделия* — имеют другой смысл. По правилам русского языка они показывают непосредственно, что изделия должны быть аналогичны именно «крепежным изделиям и фурнитуре». Так как окончания находятся в именительном падеже, а не родительном, т. е. имеют отношение к объекту, а не предмету, для которого предназначен данный объект.

Рассмотрим аналогичные конструкции текстов в других субпозициях в ГС, включающие такое же расширение объектов классификации с применением оборота «or the like» и сравним их перевод и толкование с ТН ВЭД ЕАЭС. Например, субпозиция 8463 в ТН ВЭД ЕАЭС имеет следующий текст: *станки для волочения прутков, труб, профилей, проволоки или аналогичных изделий.* Обратимся к тексту ГС на английском языке: *Draw-benches for bars, tubes, profiles, wire or the like.*

То есть анализ текста субпозиции 8463 10 в ГС на английском языке показывает, что он имеет такую же конструкцию текста в английской версии ГС с заключительной фразой «or the like», как и в субпозиции 3926 30. И в данном случае перевод на русский язык в ТН ВЭД ЕАЭС имеет другие окончания «или аналогичных изделий». Это показывает несоответствие перевода двух субпозиций текстов, схожих по конструкции. И в группе 84 этот перевод не создает трудностей в понимании содержания субпозиции 8463 10. Более того, дальнейшая детализация на уровне седьмого знака кода ТН ВЭД ЕАЭС показывает правильность и перевода, и толкования.

Таким образом, словосочетание «или аналогичных изделий» в тексте субпозиции 8463 10 относится именно к объектам воздействия (проволоке, пруткам и т. д.), а не к самим станкам. Следовательно, в тексте субпозиции 3926 30 этот перевод должен также относить «аналогичные изделия» не к «крепежным изделиям и фурнитуре», а к объектам, где эти элементы устанавливаются.

Рассмотрим другой пример, субпозицию 5908 00. Такая же ситуация при анализе текста субпозиции 5908 00 с такой же конструкцией «or the like». В данном случае также перевод окончания как «аналогичных изделий», а не «аналогичные изделия» показывает отнесение аналогичных изделий именно к световым приборам, а не фитилям. То есть аналогичные изделия должны относиться не непосредственно к объекту классификации, а к предметам, где эти объекты (фитили) устанавливаются. Следовательно, и эта конструкция текста товарной позиции также соответствует субпозиции 3926 30. И также как в аналогичной ситуации в субпозиции 8463 10 расширение охвата субпозиции относится именно к предметам, где устанавливается объект классификации данной позиции.

Таким образом, сравнительный анализ конструкций текстов позиций ГС и ТН ВЭД ЕАЭС с расширением «аналогичные изделия» показал, что слово «аналогичные» должно относиться не к объекту «фитингам и крепежным изделиям», а к предмету, для которого объект применяется. Значит, в качестве предмета в трактовке текста

субпозиции 3926 30 могут быть не только мебель и транспортные средства, но и «аналогичные» им изделия.

Результаты и выводы

Представленное исследование позволило выявить сложности в применении текстов товарных позиций, имеющих возможность включения товаров непосредственно не названных, но предполагающихся смысловым содержанием текста позиции как аналогичные названным. Такие товары, как правило, не носят самостоятельного характера в применении и используются в других завершенных готовых изделиях.

Отдельные слова, имеющие единообразное применение в ГС, в связи с широкой областью применения по-разному используются в ТН ВЭД ЕАЭС. Такой подход приводит к более расплывчатому пониманию и неоднозначной интерпретации в ТН ВЭД ЕАЭС. Таким примером может служить слово «фитинги». В понимании ГС слово «fittings» означает готовые изделия, изготавливаемые из каких-либо материалов, имеющие схожее назначение — это присоединение, прикрепление чего-либо к основному товару. Однако в ТН ВЭД ЕАЭС нет единообразного с ГС подхода к применению этого термина. В ряде позиций ТН ВЭД ЕАЭС, как и в ГС, этот термин применяется самостоятельно. Однако в субпозиции 3926 30 этому термину в понимании ГС соответствует словосочетание «крепёжные изделия и фурнитура».

В ГС слово «furniture» («мебель») имеет более широкое применение. «Furniture» в понимании ГС — это не просто «мебель» применяемая в утилитарных целях, одной из ее особенностей является возможность размещения чего-либо, в том числе являться, например корпусом для размещения какого-либо механизма. Английское слово «coachwork» в понимании ГС — это не только транспортные средства, а также предметы, являющиеся результатом скрепления, присоединения различных деталей или изделий, например корпус.

Анализ конструкции текстов товарных позиций и субпозиций ГС с расширением «or the like» («аналогичные изделия») показал, что они относятся не к объекту классификации, а к предмету, для которого данный объект применяется.

Таким образом, в настоящем исследовании выявлены проблемы однозначной и единообразной интерпретации текстов Гармонизированной системы описания и кодирования товаров и ТН ВЭД ЕАЭС. Установлены несовпадения в переводе и понимании отдельных понятий и терминов в номенклатурах. Доказано отсутствие единого подхода к переводу текстов товарных позиций, имеющих одинаковую конструкцию. Необходимо проведение дальнейшей работы по приведению в соответствие, как текстов товарных номенклатур, так и их понимание в целях применения в международной торговле.

Литература

1. Алексеева Н. Н., Залюбовская М. Е. Вопросы применения терминологического аппарата ТН ВЭД ЕАЭС в отношении напольных покрытий // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (73). С. 54–69.
2. Андреева Е. И. Проблемы классификации и таможенного регулирования ввоза машин и механизмов // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 5. С. 103–111.
3. Андреева Е. И., Тот Л. П. О единообразии интерпретации таможенных терминов во внешнеэкономической деятельности // Таможенные чтения — 2012. Т. III. СПб. : Филиал РТА, 2012. С. 76–78.
4. Андреева Е. И., Эпов А. Е. Некорректный перевод исходных номенклатур как фактор смысловых неточностей в единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 3 (28). С. 146–150.
5. Андреева Е. И., Эпов А. Е. Проблемы терминологии в таможенной практике // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 2. С. 53–61.

6. Беспалов А. А., Саркисянц В. Р. Проблема установления корректной терминологии при приведении товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) в соответствие с гармонизированной системой описания и кодирования товаров Всемирной Таможенной Организации (ГС ВТамО) // Проблемы развития российской правовой системы. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 229–233.
7. Воротынцева Т. М., Красильникова Е. В., Караулова А. Н. Гармонизация терминологии как основа однозначной классификации товаров в таможенных целях // Вестник Российской таможенной академии. 2013. № 2. С. 58–64.
8. Густова Д. С. Проблемы идентификации мяса и мясной продукции в соответствии с ТН ВЭД ЕАС в целях таможенного контроля // Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Василия Матвеевича Горбатова. 2016. № 1. С. 112–113.
9. Жиряева Е. В. Экспертиза в таможенном деле и международной торговле. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 557 с.
10. Караулова А. Н. Развитие понятийного аппарата, используемого в таможенных технологиях при ввозе подконтрольных товаров животного происхождения // Сборник материалов научно-практической конференции «Актуальные проблемы таможенного дела в условиях формирования Евразийского экономического союза на базе Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации». М. : РИО Российской таможенной академии, 2015. С. 39–43.
11. Косов А. А. Споры по классификации товаров // АЛТА-СОФТ: сайт информационно-ресурсный для декларантов и участников ВЭД [Электронный ресурс] . URL: http://www.altarussia.ru/expert_opinion/59923/ (дата обращения: 20.12.2019).
12. Репин Д. В., Самик М. В. Таможенно-тарифное регулирование внешнеторговой деятельности как инструмент обеспечения экономической безопасности // Теневая экономика. 2017. Т. 1. № 3. С. 127–138.
13. Смекалин А. Е. Основные ошибки, допускаемые декларантами при классификации товаров по ТН ВЭД, и их выявление [Электронный ресурс] АЛТА-СОФТ: сайт информационно-ресурсный для декларантов и участников ВЭД. URL: https://www.altarussia.ru/expert_opinion/67062/ (дата обращения: 20.12.2019).
14. Федотова Г. Ю. Актуальные проблемы описания товаров в таможенных целях // Научные труды Северо-Западного института управления. 2018. Т. 9. № 3 (35). С. 298–304.
15. Федотова Г. Ю. Внедрение ТН ВЭД ЕАЭС 2017 и трудности перевода // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2017. Т. 8. Вып. 3 (30). С. 51–58.
16. Шаныгин С. И., Ризванова Э. Р. Сопоставительный статистический анализ официальных итогов внешней торговли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2016. № 4. С. 49–74.
17. Irish M. Objectivity and Statutory Interpretation: End Use in the Canadian Customs Tariff. Canadian Yearbook of International Law, 2009. Vol. 46. P. 3–54.
18. Korucu M. K., Gedik K., Weber R., Karademir A. et al. Inventory development for perfluorooctane sulfonic acid (PFOS) in Turkey: challenges to control chemicals in articles and products. Environmental Science and Pollution Research, 2015. Vol. 22 (19). P. 14537–14545.
19. Martin M. F. What's the difference? Comparing U.S. and Chinese trade data (Book Chapter). China: Conditions, Issues and U.S. Relations, 2018. P. 241–252.
20. Radu G. The necessity to simplify the customs regulations [Sur la nécessité de simplifier la réglementation douanière] Revue Internationale de Droit Economique. 2015. Vol. 29 (3). P. 357–372.
21. Voytov S. G. Commodities classification as an instrument of customs-tariff regulation: The aspect of definition and control. Actual Problems of Economics, 2013. Vol. 147 (9). P. 42–48.
22. Yang D., Ong G. P., Chin A. T. H. An exploratory study on the effect of trade data aggregation on international freight mode choice. Maritime Policy and Management, 2014. Vol. 41 (3). P. 212–223.

Об авторе:

Федотова Галина Юрьевна, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; fedotova-gy@ranepa.ru

References

1. Alekseeva N.N., Zalybovskaya M.E. Issues of Application of Terminology Apparatus of EAEU CN of FEA with Regard to Floor Coatings // Customs Policy of Russia in the Far East [Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke]. 2015. N 4 (73). P. 54–69. (In rus)
2. Andreeva E.I. Problems of classification and customs regulation of import of machines and mechanisms // Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik]. 2017. N 5. P. 103–111. (In rus)
3. Andreeva E.I., Tot L.P. On Uniformity of Interpretation of Customs Terms in Foreign Trade Activities // Customs Readings–2012. Volume III. SPb. branch of Russian Customs Academy. 2012. P. 76–78. (In rus)
4. Andreeva E.I., Epov A.E. Incorrect translation of initial nomenclatures as a factor of sense inaccuracies in the unified Commodity nomenclature of foreign economic activity // Journal of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2014. N 3 (28). P. 146–150. (In rus)
5. Andreeva E.I., Epov A.E. Problems of Terminology in Customs Practice // Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik]. 2018. N 2. P. 53–61. (In rus)
6. Besalov A.A., Sarkisyants V.R. Problem of establishing correct terminology when bringing the commodity nomenclature of foreign economic activity of the Eurasian Economic Union (EAEU CN of FEA) into line with the harmonized system of description and coding of goods of the World Customs Organization (HS WCO) // Problems of development of the Russian legal system. Collection of materials of the XIII Russian Scientific and Practical Conference. 2018. P. 229–233. (In rus)
7. Vorotyntseva T.M., Krasnilnikova E.V., Karaulova A.N. Harmonization of terminology as the basis of unambiguous classification of goods for customs purposes // Journal of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2013. N 2. P. 58–64. (In rus)
8. Gustova D.S. Problems of identification of meat and meat products in accordance with EAEU CN of FEA for the purposes of customs control // Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Basil Matveevich Gorbachev [Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati Vasiliya Matveevicha Gorbachova]. 2016. N 1. P. 112–113. (In rus)
9. Zhiryaeva E.V. Expertise in Customs and International Trade. St. Petersburg : Piter, 2003. 557 p. (In rus)
10. Karaulova A.N. Development of conceptual apparatus used in customs technologies during import of controlled goods of animal origin // Collection of materials of scientific and practical conference «Topical problems of customs business in conditions of formation of the Eurasian Economic Union on the basis of the Customs Union of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation.» Moscow: Russian Customs Academy, 2015. P. 39–43. (In rus)
11. Kosov A.A. Disputes on classification of goods [Electronic resource] // ALTA-SOFT: information and resource site for declarants and participants of FEA. URL: http://www.altaru.ru/expert_opinion/59923/ (In rus)
12. Repin D.V., Samik M.V. Customs and tariff regulation of foreign trade activities as a tool to ensure economic security // Shadow economy [Tenevaya ekonomika]. 2017. V. 1. N 3. P. 127–138. (In rus)
13. Smekalin A.E. The main errors made by declarants in the classification of goods according to CN of FEA, and their identification [Electronic resource] ALTA-SOFT: information and resource site for declarants and participants of FEA. URL: https://www.altaru.ru/expert_opinion/67062/ (In rus)
14. Fedotova G.Y. Current problems of description of goods for customs purposes // Scientific works of the North-West Institute of Management of RANEPA [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2018. V. 9. N 3 (35). P. 298–304. (In rus)
15. Fedotova G.Yu. Implementation of EAEU CN of FEA 2017 and difficulties of translation // Scientific works of the North-West Institute of Management of RANEPA [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2017 V. 8. Issue 3 (30). P. 51–58. (In rus)

16. Shanygin S. I., Rizvanova E. R. Comparative statistical analysis of official results of foreign trade // Journal of St. Petersburg University. Economy [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika]. 2016. N 4. P. 49–74. (In rus)
17. Irish M. Objectivity and Statutory Interpretation: End Use in the Canadian Customs Tariff. Canadian Yearbook of International Law, 2009. Vol. 46. P. 3–54.
18. Korucu M. K., Gedik K., Weber R., Karademir A. et al. Inventory development for perfluorooctane sulfonic acid (PFOS) in Turkey: challenges to control chemicals in articles and products. Environmental Science and Pollution Research, 2015. Vol. 22 (19). P. 14537–14545.
19. Martin M. F. What's the difference? Comparing U. S. and Chinese trade data (Book Chapter). China: Conditions, Issues and U. S. Relations, 2018. P. 241–252.
20. Radu G. The necessity to simplify the customs regulations [Sur la nécessité de simplifier la réglementation douanière] Revue Internationale de Droit Economique. 2015. Vol. 29 (3). P. 357–372.
21. Voytov S. G. Commodities classification as an instrument of customs-tariff regulation: The aspect of definition and control. Actual Problems of Economics, 2013. Vol. 147 (9). P. 42–48.
22. Yang D., Ong G. P., Chin A. T. H. An exploratory study on the effect of trade data aggregation on international freight mode choice. Maritime Policy and Management, 2014. Vol. 41 (3). P. 212–223.

About the author:

Galina Yu. Fedotova, Associate Professor of the Chair of Customs Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science, Associate Professor; fedotova-gy@ranepa.ru

Операционный менеджмент в журналистике: от тематического моделирования издания до управления знаниями

Ким М. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kim-mn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Операционный менеджмент в журналистике представляет собой управленческую деятельность, связанную с разработкой, использованием и усовершенствованием различных подходов и методов по созданию медийного продукта. В связи с повсеместным внедрением в редакционную практику новейших компьютерных технологий стала возможной роботизация журналистского труда. Современные технологии позволили не только сократить многие рутинные операции, но и предоставить журналистам новые возможности в поиске информации, ее обработки и анализа. За счет этих технологических новаций во многих редакционных коллективах меняется не только характер подготовки медийных продуктов, но и стиль управления информационными процессами. В данной статье мы попытались продемонстрировать возможности процессного менеджмента в создании и реализации медийных продуктов.

Ключевые слова: процессный менеджмент, тематическое моделирование, управление знаниями, содержательно-тематическое планирование, рубрика, роботизация, творческий процесс

Для цитирования: Ким М. Н. Операционный менеджмент в журналистике: от тематического моделирования издания до управления знаниями // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 80–89.

Operational Management in Journalism: From Thematic Modeling Edition to Knowledge Management

Maksim N. Kim

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; kim-mn@ranepa.ru

ABSTRACT

Operational management in journalism is a managerial activity in which we deals with the development, use and improvement of various approaches and methods to create a media product. Today the latest computer technologies penetrate into editorial practice, so as it became possible to say about robotize journalistic work. Modern technologies reduce many routine operations, and also to provide journalists new opportunities in the search for information, its processing and analysis. So, technological innovations is changing the nature of the preparation of media products in many editorial teams, and also the style of information management processes. In this article we tried to demonstrate the possibilities of process management in the creation and implementation of media products.

Keywords: process management, thematic modeling, knowledge management, content-thematic planning, rubric, robotics, creative process

For citing: Kim M. N. Operational Management in Journalism: From Thematic Modeling Edition to Knowledge Management // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 80–89.

Внедрение в редакционную практику (процессного) операционного менеджмента обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. К первым отнесем: переход многих редакций (особенно крупных) на технологические принципы в подготовке медийных продуктов; алгоритмизацию многих операций, связанных с компьютерной обработкой информации; роботизацию журналистского труда, под которой сегодня понимается «алгоритмическая обработка программами-роботами семантических связей между единицами текста, включая автоматизированную генерацию журналистских текстов» [1]. По мнению ученых, подобного рода автоматизированные системы доказали не только свою эффективность в плане поиска необходимой информации, защиты от плагиата и агрессивного контента, но и в решении различных интеллектуальных задач в области естественного языка [там же]. К подобным технологиям ученые относят: «программные роботы-краулеры, способные распознавать и извлекать из информационного потока Интернета данные для пресс-релизов и новостей из различных источников. Такие программы способны создавать, переписывать, переупаковывать и распространять новости с помощью технологий „семантического веба“» [там же]. Как видим, благодаря роботизированным системам становится возможным уже формирование целых новостных выпусков, подготовленных на основе уже имеющейся в сети информации, а в дальнейшем, как прогнозируют ученые, роботы научатся интерпретировать и анализировать информацию. На роботизированное производство новостей переходят уже не только крупные информационные агентства, но и редакции сетевых изданий. Замена журналистских текстов автоматизированными аналогами выгодно по всем параметрам: и по скорости поиска и обработки информации, и по подготовке новостей в печать, и по их распространению. К примеру, автоматическая система информационного агентства *Associated Press* «способна была в 2015 г. выпускать 3000 заметок в течение четверти часа, а уже в 2016 г. скорость создания возросла до 2000 заметок в секунду» [1]. И это, по всей видимости, не предел. Впрочем, главным минусом роботизированных систем является то, что они применимы только там, где естественный язык легко поддается формализации. Там же, где требуется особый взгляд журналиста на событие, его творческая манера письма, его обобщения и выводы, здесь машины уступают человеку. Поэтому открытым остается вопрос: применимы ли технологические принципы процессного менеджмента в организации журналистского труда. Несмотря на то, что журналистское творчество носит стадийный характер, в медиаменеджменте практически отсутствуют работы, где бы детализировано была описана каждая операция по подготовке не только новостных, но и аналитических и художественно-публицистических материалов. С чем это связано? Во-первых, творческим характером самого журналистского труда, отличительной чертой которого является поиск новых оригинальных идей и отход от стандартизированных интеллектуальных решений. Во-вторых, познавательными задачами, стоящими перед журналистами. По роду своей деятельности журналистам постоянно приходится работать в незнакомой для них ситуации, все время двигаться от незнания к знанию, а в силу отсутствия полноты информации, часто полагаться только на свою интуицию и жизненный опыт. В-третьих, особенностями индивидуального характера журналиста, развитостью его интеллектуальных и коммуникативных способностей, наконец, уровнем профессионального опыта. Как видим, чтобы алгоритмизировать журналистский труд, медиаменеджерам при процессном управлении необходимо на комплексном уровне учитывать субъективные факторы, влияющие на работу журналиста по созданию медийного продукта.

Гипотезой настоящего исследования является то, что принципы процессного менеджмента в журналистике применимы не только в формализованных и стандартизированных ситуациях, но и в творческой сфере, связанных с созданием оригинального медийного продукта.

Целью настоящего проекта является выявление механизмов и принципов процессного управления при создании медийного продукта.

Материалы и методы. За основу анализа был взят проект электронной газеты «Коридоры власти», разработанный сотрудниками кафедры журналистики и медиакоммуникаций СЗИУ РАНХиГС. Для достижения необходимых результатов в данной работе был использован метод моделирования, с помощью которого удалось не только описать основные признаки будущего электронного издания, но и выделить наиболее существенные его характеристики: особенности тематики и проблематики издания, жанровую и композиционную структуру, специфику оформления (формат, шрифты, графика, соотношение иллюстративного и текстового материала), круг авторов, организацию и подачу фактов на полосе, языковую палитру. Метод моделирования позволил учесть и другие факторы, как реальные ресурсы, необходимые для выпуска издания, средства производства, а также неиспользованные ресурсы.

При разработке концепции издания разработчики прежде всего попытались ответить на вопрос: что представляет из себя идейно-тематическая модель издания? В данной модели, по их мнению, отображается содержательная часть газеты в соответствии с целями и задачами издания, идейными установками учредителя канала СМИ, наконец, информационными потребностями аудитории. Именно на данной основе формируются приоритетные тематические направления газеты, рубрики, разделы, авторские колонки и т.п. Далее все эти содержательные компоненты разносятся во времени и пространстве в их тесной взаимосвязи. Именно в этом смысле *метод моделирования* рассматривается в процессном менеджменте как один из самых эффективных методов управления редакционным коллективом. Но, как отмечают практики, управленческий эффект достигается только в том случае, если идейно-тематическая модель постоянно корректируется и обновляется, сохраняя в неизменности только свое концептуальное ядро, так как именно от него зависит идейно-тематическая заданность издания в целом. К переменным параметрам тематической модели издания относятся:

- периодичность выхода тех или иных тематических полос и рубрик, что позволяет и редакторам, и журналистам заранее готовить материалы на определенные темы;
- жанровая палитра того или иного раздела газеты (фактографические, аналитические, художественно-публицистические и т.д.);
- лексико-стилистические особенности материалов;
- модальность материалов (положительные, критические, проблемные и т.п.);
- характер материалов (авторская публикация, редакционная статья, материалы информационных агентств, официальные публикации и т.д.);
- авторский состав (штатные и внештатные сотрудники).

Моделирование тематических полос и рубрик — творческий процесс, связанный с определением главных тематических направлений; с планированием совокупности журналистских публикаций, ориентированных на долгосрочное или краткосрочное освещение той или иной темы; разработкой тематических рубрикаторов и различных разделов; наконец, с регулярным изучением читательских ожиданий и предпочтений. В целом именно такой системный подход в разработке тематической и содержательной модели издания позволяет сбалансированно подойти к отражению действительности относительно целей и задач издания. При отсутствии такого вдумчивого и кропотливого моделирования газета теряет свою тематическую собранность и цельность, так как тематика публикаций во многом зависит от субъективных предпочтений того или иного журналиста, от случайного отображения событий и т.п. Поэтому в солидных изданиях столь серьезное внимание уделяется тематическому планированию и проектированию содержания газеты, которая

требует от медиаменеджеров не только методологического подхода, но и больших организаторских усилий.

Как же на практике протекают эти два взаимосвязанных процесса?

Творческие начала при тематическом моделировании газеты проявляются, как правило, в выработке идейно-тематической концепции редакционной деятельности. Вот как, к примеру, вырабатывалась на кафедре журналистики и медиакоммуникаций СЗИУ РАНХиГС концепция электронного общественно-политического издания «Коридоры власти». Одним из разработчиков данного проекта выступила доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций К. Е. Виноградова. Содержательно-тематическая модель издания, по ее предложению, была соотнесена с основополагающей концепцией *социально-политической направленности газеты*, нацеленной на освещение насущных вопросов различных слоев населения и способах решения этих проблем властью. Исходя из данного положения, на гипотетическом уровне был предложен приблизительный *круг освещаемых тем*.

Выбор тем публикаций, по мнению К. Е. Виноградовой, может определяться в зависимости от значимости события и политических процессов. Первоочередная задача редакции — обеспечивать информационные потребности читательской аудитории в сфере политики. Освещение активных политических процессов, событий, явлений, трендов с использованием оценочной информации (от имени экспертов, специалистов в сфере управления) поможет поддержать внимание аудитории к СМИ, сформировать репутационный капитал, завоевать доверие со стороны стейкхолдеров, местного населения и интернет-аудитории. При определении основных тематических направлений была выдвинута основная гипотеза: если политика является приоритетным направлением, то многие сферы общественной жизни не попадут в общую тематическую сетку выпуска газеты. Чтобы не допустить этого тематического «флюса», К. Е. Виноградова предложила компромиссный вариант: все проблемы жизнедеятельности людей рассматривать сквозь призму политики. Именно при таком подходе изданию удастся без отхода от основной тематической линии издания освещать социальные вопросы (спорт, образование, помощь социально незащищенным группам граждан и т. д.). Как видим, уже на гипотетическом уровне разработчики данной концепции смогли распознать тематическую односторонность в освещении политических событий. На наш взгляд, это наиболее оптимальный вариант в выработке основных тематических линий газеты. Благодаря такому подходу К. Е. Виноградовой удалось структурно построить тематическую модель издания по принципу своеобразных «коридоров» — это страницы, полосы или отделы (разделы), наполненные журналистскими и официальными материалами различной тематики. Разнообразие жанров и иллюстрации — это выбор авторов и редакторов.

1. «ПРЯМЫЕ КОРИДОРЫ» — систематическое (добровольное) общение представителей власти с населением. Возможные рубрики:

«Сложный разговор»

«Прямо сказать!»

«Место встречи»

«Дословно»

2. «ИЗВИЛИСТЫЕ КОРИДОРЫ» — решение конфликтных ситуаций с гражданами.

Рубрики:

«Мы с вами где-то встречались!»

«Дела местные»

«А в это время...»

«Квартирный вопрос»

3. «ЗАКРЫТЫЙ КОРИДОР» — секреты властных решений по изменению привычных для населения направлений работы отраслей хозяйства или по отмене меро-

приятий, ранее анонсированных властью для получения бюджетного финансирования. Рубрики:

«Игра слов»

«Записки чиновника»

«В зеленую папку!»

4. «ЗАБЫТЫЙ КОРИДОР» — сложные современные проблемы власти и сравнение с тем, как это решалось в России ранее, т.е. обращение к имеющемуся опыту (взгляд в историю). Рубрики:

«Бывало и так...»

«Кстати»

«Не законом единым»

«Помню времена!»

5. «СВЕТЛЫЕ КОРИДОРЫ» — положительный опыт работы власти. Инициативы в добрых делах, помощь инициативным людям и пр.

6. «ТЕМНЫЕ КОРИДОРЫ» — журналистские расследования.

7. «ЗЕЛЕНый КОРИДОР» — прямые обращения к власти и инициативы граждан. Это — письма, SMS и пр. Может быть постоянная «горячая линия». Рубрики:

«Народные идеи»

«Об этом говорят»

8. «ШУМНЫЙ КОРИДОР» — аналог современных и популярных телевизионных ток-шоу на общественно-политические темы (конечно, более компактные). Рубрики:

«Дело государственной важности»

«Де-баттл!» (депутатские диспуты)

9. «ХОЗЯЙСКИЙ КОРИДОР» — регулярная официальная информация о властных решениях, постановлениях на высоком уровне. Принцип — что? где? когда?

10. «ВЕСЕЛЫЙ КОРИДОР» — положительные истории из жизни горожан (замечки журналистов, письма, сообщения), полезные советы специалистов по обустройству жизни для молодых семей, конкурсы для детей, рецензии событий культурной жизни и пр. Рубрики:

«Благородный горожанин»

«Место радости»

«День познания»

«Попробуй!»

«Кино&Театр»

11. «ТИХИЙ КОРИДОР» — беседы, диалоги, размышления о месте человека в жизни, духовности.

Принцип своеобразных «коридоров» позволил разработчикам охватить не только наиболее актуальные стороны деятельности властных структур, но и учесть и читательские интересы. Из данной тематической модели видно, что издание будет нацелено на выражение интересов не только определенных групп или политических течений, а, скорее, наоборот, на обеспечение возможного доступа к выражению мнений представителей различных политических и идеологических движений (в рамках существующего законодательства). Именно такая идейно-тематическая установка может стать для данной газеты основой для формирования определенного пласта интеллектуальной, «думающей» аудитории, заинтересованной в получении экспертной информации.

На данном примере мы продемонстрировали выработку идейно-тематической модели издания, которая была осуществлена на основе определения целевого назначения издания и его концепции, описания приблизительного круга освещаемых тем и рубрик, а также за счет выдвижения и проработки опорной гипотезы, благодаря осмыслению которой удалось найти оптимальный баланс между разновекторными тематическими направлениями газеты. Достоинством данного под-

хода является то, что уже на предварительном этапе разработчикам данной концепции удалось создать содержательно-тематическую модель издания, которая, естественно, в ходе реализации данного замысла может быть в какой-то ее части скорректирована, улучшена, изменена или дополнена.

На основе данной тематической модели медиаменеджеры могут создать перспективный план выпуска номеров, что позволит им по каждой рубрике сформировать тематическую подборку, наметить узловые проблемы, над которыми будет работать газета, определить основной круг экспертов и иных источников информации, к которым могут обращаться журналисты при подготовке своих материалов.

Рассмотрим на конкретном примере как на практике может быть разработана одна из тематических страниц, которая была прописана разработчиками концепции электронной газеты «Коридоры власти».

Тематическая страница «Прямые коридоры» нацелена на отражение диалога журналистов с представителями муниципальной и государственной власти. С точки зрения процессного управления здесь важно разбить работу над тематическим разделом на различные производственные циклы. Первый будет связан с определением круга проблемных тем, по которым предлагаются диалоги журналистов с представителями властных структур. Второй — с разработкой форм ведения диалога: интервью, «круглый стол», прямая линия, форум, пресс-конференция и т. д. Третий цикл — с определением конкретных лиц из властных структур, с кем редакция собирается встретиться для организации диалога. Четвертый — с выработкой графика встреч. Пятый — с организацией встречи и подготовкой материала к публикации. Каждая рубрика данного тематического раздела «Прямые коридоры» предполагает свои жанровые формы воплощения:

- для рубрики «Сложный разговор» подойдет аналитический отчет по итогам пресс-конференции или брифинга, аналитическое или проблемное интервью, интервью-размышление;
- для рубрики «Прямо сказать!» — реплика, стандартизированное интервью;
- для рубрики «Место встречи» — портретное интервью, интервью-монолог;
- для рубрики «Дословно» — ответ-вопрос, блиц-опрос, экспертное интервью.

Как видим, в данном тематическом разделе журналистские материалы будут в основном воплощены в различных видах интервью. Благодаря этой жанровой форме журналистам удастся отразить различные точки зрения, мнения и оценки представителей власти по интересующим журналистов темам и проблемам. На уровне процессного управления редакционные задания для журналистов формируются относительно идейно-тематической модели издания. Учтем и тот факт, что все операции по реализации первоначального замысла произведения носят взаимозависимый характер.

1. Тема журналистской публикации может быть обусловлена и социальным заказом, и редакционным заданием, и информационными потребностями аудитории, и на основе жизненных наблюдений журналиста¹. В нашем случае тематика будущих публикаций выстроена относительно идейно-тематической модели издания.
2. Определение бюджета времени, необходимого для подготовки журналистской публикации.
3. Определение характера и времени работы с вторичными и первичными источниками информации.
4. Процесс «написания текста».
5. Процесс редактирования текста.
6. Процесс подготовки текста в печать: верстка и оформление.

¹ Более подробно о рождении журналистской темы можно прочитать в книгах [2–4].

Следующий шаг в операционном менеджменте — выработка организационных мероприятий по реализации перспективного плана. Здесь важно, с одной стороны, оценить и правильно распределить творческие и технологические ресурсы, имеющиеся в редакции, для достижения намеченных целей, а с другой — учесть все внешние факторы, связанные и с продвижением издания в сети, и с изучением читательских интересов, и с налаживанием контактов с экспертным сообществом, с представителями общественных организаций, политических партий, государственных структур. Как видим, эффективность реализации перспективного плана зависит не только от творческих и технологических усилий, но и от ряда организационных действий, без которых невозможно наладить периодический выпуск электронной газеты.

Поэтому более подробно остановимся на организации редакционной деятельности по выпуску издания.

Для насыщения электронной газеты оперативной и актуальной информацией предлагается наладить работу информационного отдела редакции, а точнее — ньюс-рума.

Ньюс-рум — это производственный центр редакции, куда стекается, аккумулируется, анализируется и обрабатывается вся актуальная информация. В современных редакциях под ньюс-румами понимают и «систему электронного производства новостей», и «интегрированную систему для производства новостных и информационно-аналитических журналистских произведений» и др. На наш взгляд, современные ньюс-румы выступают в качестве основных структурных подразделений редакции, так как именно здесь начинается вся первоначальная «сборка» всей газеты. По своим функциональным задачам сотрудники ньюс-рума ведут полноформатную работу, обеспечивая оперативными новостями все тематические направления газеты. За этой бесперебойной конвейерной работой, конечно, стоит большая организационная работа всех сотрудников редакции. Это и постоянный мониторинг всех информационных ресурсов сети по выявлению актуальной для газеты информации, и выездная работа репортеров на места основных событий, и участие журналистов в пресс-конференциях и брифингах, и организация собственных редакционных «круглых столов» с экспертами, и обработка поступивших в редакцию пресс-релизов, справочной и статистической информации, и, конечно, непосредственная подготовка новостных материалов к публикации. Современные ньюс-румы в отличие от работы традиционных отделов новостей не ограничивают свою деятельность только сбором, обработкой и сборкой информационных материалов, а больше ориентируются на управление знаниями. В чем это выражается?

1. Архивация большого массива информации по различным тематическим блокам. Такой подход позволяет журналистам создавать подробное досье о политических партиях, ее лидерах, общественных и государственных деятелях и т. д. Подобного рода материалы могут постоянно пополняться и обновляться, предоставляя журналистам возможность моментального доступа к любому архиву публикаций, документов, постановлений, досье, справочных и статистических материалов по любой интересующей их теме. Поэтому работа над архивацией данных предполагает не только системный, но и систематический характер для каждого сотрудника редакции, что в конечном счете может окупиться значительной экономией времени при подготовке того или иного материала.

2. Еще одним плюсом работы журналистов в ньюс-руме является непосредственный обмен знаниями (Knowledge Sharing), что в буквальном смысле означает «делиться знаниями». Что это значит? Служебные и творческие взаимоотношения между сотрудниками редакции выстраиваются в ньюс-руме не по иерархической вертикали, а по горизонтали. Журналисты могут в любой момент

проконсультироваться с редакторами по интересующим их вопросам, обратиться за советом или помощью к своим коллегам, обменяться между собой интересующей их информацией и т. д. Задача медиаменеджеров заключается в том, чтобы создать в ньюс-руме такую рабочую атмосферу, чтобы у сотрудников было желание делиться с коллегами по редакции собственными знаниями и опытом во имя достижения общей цели. Достичь этого не просто, так как мотивационный механизм обмена знаниями наиболее сложный во взаимоотношениях с людьми. Поэтому здесь могут быть применены медиаменеджеры, как правило, применяют в своей деятельности различные мотивационные стимулы: материальные, производственные, личностные. Материальные хороши в ситуации начисления гонораров, которые могут выплачиваться не только за конкретную публикацию, но и за составление, допустим, архива данных по соответствующей теме, благодаря которой и было возможно оперативное освещение того или иного события. Производственная мотивация связана во многом с кооперацией труда журналистов по выпуску отдельного номера, когда от слаженности работы каждого журналиста зависит конечный результат. Личностная мотивация предполагает наставничество, когда более опытные журналисты берут шефство над новичками, делясь с ними секретами своего профессионального мастерства. К сожалению, подобного рода традиции, которые были присущи для журналистов советской эпохи, были со временем утрачены многими современными редакциями. Но в ситуации конвергенции СМИ, когда в рамках одного коллектива приходится решать сразу множество задач по созданию мультимедийного продукта, без производственной и творческой кооперации не обойтись. В данной ситуации обмен знаниями на личностном уровне становится производственной необходимостью. Ведь как бы много не знал и не умел один журналист, все равно в редакции найдется тот, кто знает что-то лучше него.

3. Управление знаниями в рамках одного ньюс-рума предполагает не только четкое распределение обязанностей между сотрудниками редакции, но и персональную ответственности за качественное выполнение возложенных работ. В отличие от традиционных отделов новостей, где журналисты, как правило, делились по жанровому признаку: хроникер, репортер, интервьюер, специальный корреспондент, в современных ньюс-румах за каждым сотрудником закрепляется конкретный вид информационной или аналитической работы. Допустим, одни сотрудники могут отвечать за подготовку и редактирование информационно-аналитических текстов, другие, за производство аудиовидеозаписей, третьи — за верстку и монтаж, четвертые, за организацию коммуникаций с источниками информации, пятые — за проверку и оценку качества, поступившей в редакцию информации, шестые — за мониторинг всей социально-политической информации в сети, седьмые — за управление событиями... Подобного рода разделение обязанностей нацелено на сочетание узкой специализации и универсализма. Траспрофессионализм — это та тенденция, которая наметилась в современных конвергентных редакциях. Траспрофессионализм предполагает, с одной стороны, углубленную специализацию журналиста в какой-либо области, а с другой — развитые универсальные способности, позволяющие ему освещать события на любые темы. Именно траспрофессиональные журналисты и являются на сегодня самыми востребованными на рынке журналистского труда.

Как видим, работа журналистов в ньюс-руме с точки зрения управления знаниями предполагает высокий уровень взаимообмена и взаимообогащения информацией между сотрудниками одной редакции, коммуникативную открытость всех участников процесса, тесное сотрудничество и взаимозаменяемость журналистов. Только благодаря такой слаженной работе ньюс-рум способен обеспечить издание оперативной и эксклюзивной информацией.

Результаты. В ходе реализации медийного проекта «Коридоры власти»:

- 1) нам удалось выработать идейно-тематическую модель издания и описать основные ее тематические направления. Данный подход позволил разработчикам структурно построить тематическую модель издания по принципу своеобразных «коридоров»;
- 2) принцип своеобразных «коридоров» позволил разработчикам охватить не только наиболее актуальные стороны деятельности властных структур, но и через систему тематических рубрик навести определенные мостики с читательской аудиторией;
- 3) на основе тематической модели стало возможным формирование дорожной карты проекта с указанием конкретных видов работ и сроков их исполнения. Среди важных пунктов реализации проекта можно обозначить следующие:
 - разработку тематического плана пилотного номера издания;
 - разработку календарно-тематического плана выпусков;
 - разработку электронного ресурса издания: создание сайта газеты «Коридоры власти»; создание аккаунтов в социальных сетях (ВКонтакте, Instagram); публикация коротких текстов; публикация коротких видеороликов; публикация видеотрансляций встреч;
 - создание конвергентной редакции газеты;
 - спецификация материально-технической базы редакции.

Таким образом, команде разработчиков удалось не только смоделировать создание будущего медийного проекта, но и детально расписать все организационные шаги по его реализации. При этом отметим, что каждая операция в процессном менеджменте завершается относительно самостоятельными результатами. В нашем случае — это концептуальная модель электронной газеты и «дорожная карта» по ее реализации.

Подведем итоги. Благодаря методу моделирования нам удалось не только сконструировать содержательно-тематическую модель электронной газеты «Коридоры власти», но и подробно описать каждую операцию по реализации данного медийного проекта. Как мы убедились методы процессного управления применимы не только в алгоритмизированных технологических операциях, но и в творческих, связанных с выработкой идейно-тематической концепции издания. Таким образом, гипотеза настоящего исследования нашла свое подтверждение в предложенном нами проекте.

Литература

1. *Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М., Цынарева Н. А.* Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию // Медиаскоп. 2017. Вып. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/2295> (дата обращения: 12.12.2019).
2. *Ким М. Н.* От замысла к воплощению: технология подготовки журналистского произведения. СПб., 1999.
3. *Ким М. Н.* Технология создания журналистского произведения. СПб., 2001.
4. *Ким М. Н.* Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2013.

Об авторе:

Ким Максим Николаевич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук; kim-mn@ranepa.ru

References

1. *Zamkov A. V., Krashenninnikova M. A., Lukina M. M., Tsynareva N. A.* Robotic journalism: from scientific discourse to journalistic education [Electronic resource] // Mediascope. 2017. Issue. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2295>. (In rus)

2. Kim M.N. From design to embodiment: technology of preparation of journalistic work. SPb., 1999. (In rus)
3. Kim M.N. The technology of creating a journalistic work. SPb., 2001. (In rus)
4. Kim M.N. Basics of creative activity of journalist. SPb., 2013. (In rus)

About the author:

Maksim N. Kim, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), kim-mn@ranepa.ru

Анализ региональной системы среднего профессионального образования через оценку ее устойчивости и сбалансированности

Григорьев В. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье оцениваются потенциальные группы риска региональных систем среднего профессионального образования на основе последовательной (ступенчатой) модели комплексного анализа регионального образования.

Дополнительно фиксируется внимание на ситуации в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Ключевые слова: системные риски, потенциал развития, устойчивость региональной образовательной системы, дисбаланс региона

Для цитирования: Григорьев В. Ю. Анализ региональной системы среднего профессионального образования через оценку ее устойчивости и сбалансированности // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 90–108.

Analysis of the Regional Secondary Vocational Education System by Assessing its Sustainability and Balance

Valery Yu. Grigorev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The article assesses the systemic risks of regional secondary vocational education in terms of its sustainability and balance.

In addition, attention is focused on the situation in St. Petersburg and the Leningrad Region.

Keywords: Systemic risks, development opportunities, stability of the regional educational system, imbalance in the region

For citing: Grigorev V.Yu. Analysis of the Regional Secondary Vocational Education System by Assessing its Sustainability and Balance // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 90–108.

Важнейшими элементами последовательной модели комплексного анализа регионального образования [2] являются две составляющие — спрос на конкретный уровень образования, а также устойчивость и сбалансированность самой образовательной системы [1; 3]. Именно они позволяют определить потенциал развития образования в регионе. Оценке спроса на услуги среднего профессионального образования (далее СПО) будет посвящена отдельная работа, а в данной статье подробно рассматриваются вопросы устойчивости региональных систем СПО.

С точки зрения устойчивости и сбалансированности можно выделить восемь основных потенциальных групп риска для функционирования системы СПО региона:

- возрастной спектр педагогического состава образовательных организаций;

- отставание реальной заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения от ожидаемой по региону;
- недостаточный уровень диверсификации процесса преподавания за счет слабого использования внешних привлеченных специалистов, владеющих навыками использования современных технологий;
- слабая конкуренция со стороны не государственных образовательных организаций;
- низкий уровень взаимодействия образовательных организаций с потенциальными работодателями выпускников;
- недостаточное инвестирование в развитие из-за высокой доли расходов на заработную плату и на не основные средства;
- внутренняя несбалансированность оплаты труда;
- межуровневые дисбалансы.

По каждой из групп для дальнейшего анализа путем предварительной экспертной оценки были определены следующие расчетные показатели:

- доля преподавателей образовательной организации в возрасте 60 лет и старше в общей численности преподавателей;
- доля мастеров производственного обучения образовательной организации в возрасте 60 лет и старше в общей численности мастеров производственного обучения;
- отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров производственного обучения СПО к средней зарплате по региону;
- отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров производственного обучения СПО к средней зарплате по региону в сфере общего образования;
- доля педагогических работников — внешних совместителей в общей численности педагогических работников;
- доля учащихся, поступивших в частные образовательные организации, от общей численности поступивших в систему СПО;
- доля выпускников СПО целевого обучения, имеющих договоры с организациями, в общей численности выпускников;
- доля расходов, направляемых на увеличение стоимости основных средств, в структуре расходов образовательных организаций;
- отношение средней зарплаты категории «педагогические работники» к средней зарплате категории «руководители СПО»;
- доля выпуска образовательными организациями системы СПО региона педагогов дошкольного образования от их необходимого количества для обеспечения значения целевого показателя доступности дошкольного образования.

Все расчеты выполнены на статистических данных за 2018 отчетный год на основе следующих основных источников:

- формы СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования»¹;
- формы СПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности профессиональной образовательной организации»²;

¹ Приказ Росстата от 15 августа 2017 г. № 535 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством образования и науки Российской Федерации федерального статистического наблюдения за деятельностью образовательных организаций» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222954/. (дата обращения: 24.10.2019).

² Приказ Росстата от 15 декабря 2015 г. № 635 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством образования и науки Российской Федерации федерального статистического наблюдения за деятельностью образовательных организаций» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190756/. (дата обращения: 24.10.2019).

- формы 85-К «Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми»¹;
- итогов федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за 2013–2018 гг.².

Далее представлены основные результаты анализа. Доля преподавателей образовательных организаций в возрасте 60 лет и старше в общей численности преподавателей СПО изменяется в диапазоне от 4,4% в Республике Ингушетия до 33,42% в Сахалинской области (табл. 1, среднее значение данного показателя по Российской Федерации составляет 21,23%).

Таблица 1

**Доля преподавателей в возрасте 60 лет и старше
в общей численности преподавателей СПО, %**

Table 1. Proportion of teachers aged 60 and over in the total number
of Secondary Vocational Education teachers, %

Регион	Доля преподавателей 60+	Регион	Доля преподавателей 60+
Республика Ингушетия	4,4	Брянская область	21,32
Тюменская область без авт. округов	10,9	Омская область	22,05
Ямало-Ненецкий автономный округ	13,43	Свердловская область	22,47
Республика Саха (Якутия)	15,49	Красноярский край	22,81
Республика Татарстан	16,62	Ярославская область	23,3
Республика Хакасия	16,97	Камчатский край	23,73
Алтайский край	17,14	Республика Адыгея	24,48
Краснодарский край	17,67	Костромская область	25,4
г. Севастополь	18,43	Ростовская область	26,26
г. Москва	19,15	Калужская область	26,95
Ставропольский край	19,58	Московская область	27,53
Республика Бурятия	20,29	Приморский край	27,96
Орловская область	20,49	Ивановская область	31,08
Новосибирская область	20,97	Ленинградская область	33,05
Саратовская область	21,23	Сахалинская область	33,42

¹ Приказ Росстата от 30 августа 2017 г. № 563 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256203/. (дата обращения: 24.10.2019).

² Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за 2013–2018 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 24.10.2019).

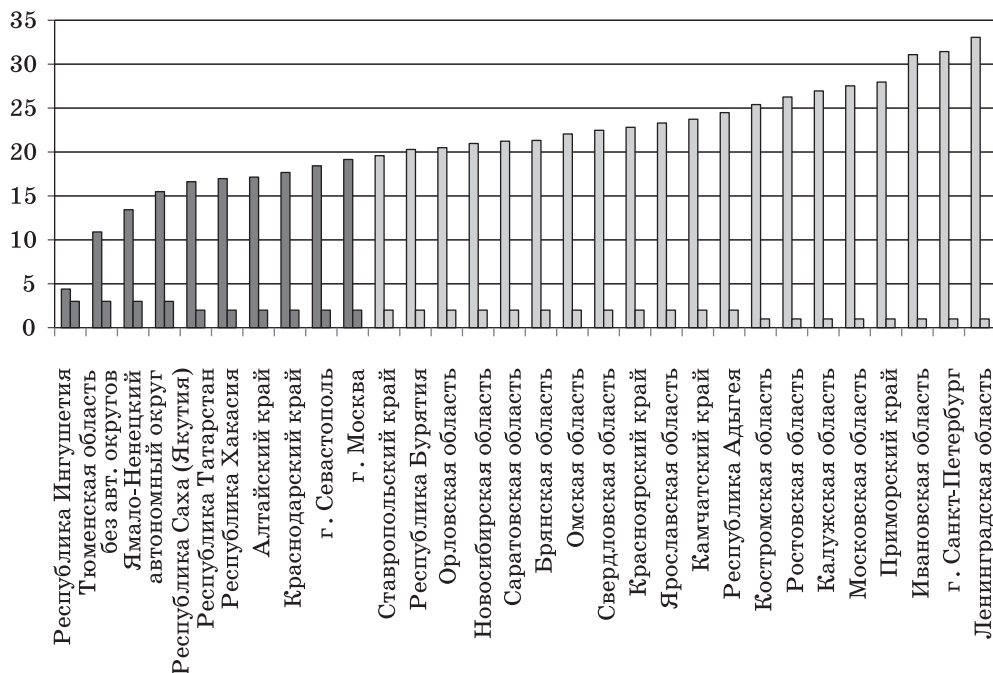

Рис. 1. Частное ранжирование регионов по показателю «доля преподавателей в возрасте 60 лет и старше в общей численности преподавателей СПО»

Fig. 1. Private ranking of regions according to the indicator "proportion of teachers aged 60 and over in the total number of Secondary Vocational Education teachers"

Применив экспертные пороговые значения для данного показателя — 16–25%, получен график частных рангов¹ (рис. 1). Десять регионов (11,8%) имеют значения частного ранга, равные 3 («хорошо»), двадцать регионов (23,5%) — значения, равные 1 («плохо»), и оставшиеся 55 регионов (64,7%) — значения, равные 2 («удовлетворительно»). Обратим внимание, что и Санкт-Петербург и Ленинградская область находятся в зоне «плохо» в пятерке регионов с наихудшими показателями.

Доля мастеров производственного обучения образовательных организаций в возрасте 60 лет и старше в общей численности мастеров производственного обучения СПО изменяется в диапазоне от 4,7% в Чеченской Республике до 34,72% в Калужской области (табл. 2, среднее значение по Российской Федерации составляет 18,49%).

На основе экспертных пороговых значений 16–25% получен следующий график частных рангов (рис. 2).

Здесь ситуация в целом существенно лучше, чем с преподавателями, 34 региона (40%) имеют значения частного ранга 3 («хорошо»), 14 регионов (16,5%) — значения 1 («плохо») и оставшиеся 37 регионов (43,5%) — значения 2 («удовлетворительно»). Однако обратим внимание, что и Санкт-Петербург и Ленинградская область снова находятся в когорте регионов с результатом «плохо».

Еще лучше обстоят дела с относительной заработной платой — из табл. 3 видно, что практически во всех регионах РФ отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров производственного обучения СПО к средней зарплате по ре-

¹ Частный ранг, равный 1, означает оценку «плохо», частный ранг, равный 2, означает оценку «удовлетворительно», и частный ранг, равный 3, означает оценку «хорошо».

Доля мастеров производственного обучения в возрасте 60 лет и старше в общей численности мастеров производственного обучения СПО, %

Table 2. Share of masters of industrial training aged 60 years and over in the total number of masters of industrial training of Secondary Vocational Education, %

Регион	Мастера 60+	Регион	Мастера 60+
Чеченская Республика	4,7	Псковская область	18,8
Республика Алтай	6,25	Вологодская область	19,02
Тюменская область без авт. округов	9,57	Курская область	19,59
Сахалинская область	10,66	Камчатский край	19,72
Чувашская Республика	12,64	Самарская область	20,33
Забайкальский край	13,33	Липецкая область	21,96
г. Москва	13,96	Кемеровская область	22,22
Омская область	14,59	Воронежская область	23,27
Удмуртская Республика	14,62	Приморский край	23,91
Архангельская область без авт. округа	15,43	Ленинградская область	25,39
Республика Адыгея	15,66	Мурманская область	25,93
Иркутская область	16	Смоленская область	26,72
Республика Крым	16,76	г. Севастополь	28,75
Республика Марий Эл	17,07	Калужская область	34,72
Чукотский автономный округ	18,18		

гиону не ниже 100% (всего 9 регионов имеют значение данного показателя в диапазоне 99–100% и еще два — в диапазоне 98,5–99%).

Аналогичная ситуация складывается с отношением средней зарплаты преподавателей и мастеров производственного обучения СПО к средней зарплате в регионе в сфере общего образования (табл. 4). В 83-х из 85 регионов РФ значение данного показателя превышает 100%.

Данное обстоятельство позволяет сделать уверенный вывод о том, что по группе «отставание заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения от ожидаемой по региону» все регионы России находятся вне зоны риска.

Доля педагогических работников — внешних совместителей в общей численности педагогических работников СПО изменяется в диапазоне от 53,25% в Чукотском автономном округе до 6,16% в Республике Хакасия (табл. 5, среднее значение по Российской Федерации составляет 14,74%).

Применив экспертные пороговые значения для данного показателя 10–20%, получим следующий график частных рангов (рис. 3).

Двенадцать регионов (14,1%) имеют значения частного ранга, равные 3 (в том числе, Ленинградская область), 10 регионов (11,8%) — значения, равные 1, и оставшиеся 63 региона (74,1%) — значения, равные 2 (в том числе, Санкт-Петербург).

Доля учащихся, поступивших в частные образовательные организации, от общей численности поступивших в систему СПО, изменяется в диапазоне от 29,1% в Карачаево-Черкесской Республике до 0% (табл. 6). Причем нижняя граница — 0%, наблюдается в восьми регионах РФ (среднее по России значение составляет 8,13%).

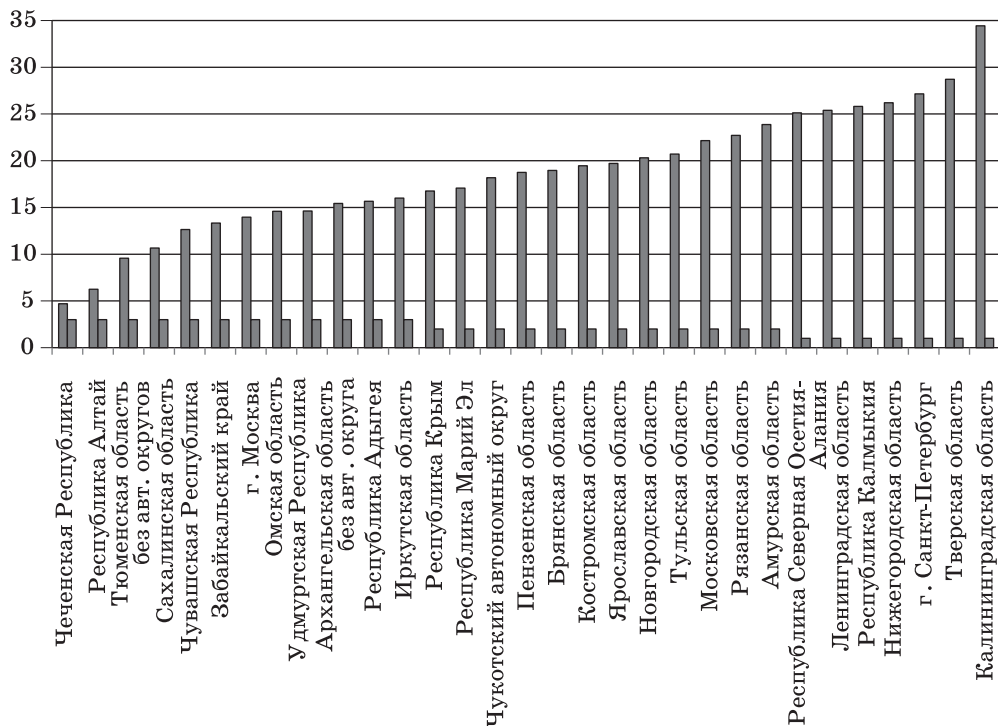

Рис. 2. Частное ранжирование регионов по показателю «доля мастеров производственного обучения в возрасте 60 лет и старше в общей численности мастеров производственного обучения СПО»

Fig. 2. Private ranking of regions according to the indicator "share of masters of industrial training at age 60 and older in the total number of masters of industrial training of Secondary Vocational Education"

С учетом экспертных пороговых значений для данного показателя — 5–14%, получим следующий график частных рангов (рис. 4).

Девять регионов (10,6%) имеют значения частного ранга, равные 3, тридцать четыре региона (40%) — значения, равные 2, и оставшиеся 42 региона (49,4%) — значения, равные 1. То есть, практически в половине регионов России (в том числе, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области), крайне высоки риски в системе СПО, связанные с отсутствием конкуренции со стороны негосударственных образовательных организаций.

Доля выпускников целевого обучения, имеющих договоры с организациями, в общей численности выпускников СПО изменяется в диапазоне от 20,83% в Красноярском крае до 0% (табл. 7). Причем нижняя граница — 0% — наблюдается в 19-ти регионах РФ (среднее по России значение составляет 2,18%).

С учетом экспертных пороговых значений для данного показателя — 5–10%, получим следующий график частных рангов (рис. 5).

Четыре региона (4,7%) имеют значения частного ранга, равные 3, два региона (2,35%) — значения, равные 2, и оставшиеся 79 регионов (92,95%) — значения, равные 1. То есть более чем в 90% регионов России (в том числе, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области), крайне высоки риски в системе СПО, связанные с низким уровнем взаимодействия образовательных организаций с потенциальными работодателями выпускников.

Отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров производственного обучения СПО к средней зарплате по региону, %

Table 3. Ratio of average salary of teachers and masters of industrial training of Secondary Vocational Education to average salary in the region, %

Регион	Отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров ПО СПО к средней зарплате по региону, %	Регион	Отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров ПО СПО к средней зарплате по региону, %
г. Москва	129,02	Воронежская область	104,32
Московская область	119,28	Белгородская область	104
Ульяновская область	111,15	Калужская область	103,33
г. Санкт-Петербург	110,44	Краснодарский край	103,19
Ставропольский край	110,30	Ханты-Мансийский автономный округ	102,87
Алтайский край	110,07	Курская область	102,8
Пензенская область	108,90	Кабардино-Балкарская Республика	102,18
Ленинградская область	108,88	Республика Коми	102,06
Чукотский автономный округ	108,38	Чеченская Республика	101,47
Нижегородская область	108,01	Республика Мордовия	101,36
Карачаево-Черкесская Республика	107,58	Томская область	100,91
Республика Татарстан	107,23	Республика Хакасия	99,78
Волгоградская область	106,51	Магаданская область	99,55
Курганская область	105,60	Мурманская область	99,4
Приморский край	104,86	Кировская область	98,48
Республика Северная Осетия-Алания	104,57		

Доля расходов, направляемых на увеличение стоимости основных средств, в общей структуре расходов образовательных организаций СПО изменяется в диапазоне от 30,53% в Еврейской автономной области до 0,72% в Республике Северная Осетия — Алания (табл. 8, среднее значение данного показателя по РФ составляет 6,28%).

С учетом экспертных пороговых значений для данного показателя — 5–10%, получен следующий график частных рангов (рис. 6).

Одиннадцать регионов (12,9%) имеют значения частного ранга, равные 3, 29 регионов (34,1%) — значения, равные 2 (в эту группу попадают, в том числе, и Санкт-Петербург и Ленинградская область), и оставшиеся 45 регионов (53%) — значения, равные 1. Таким образом, более чем в 50% регионов России наблюдаются высокие

Отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров производственного обучения СПО к средней зарплате в сфере общего образования, %
 Table 4. Ratio of average salary of teachers and masters of industrial training of Secondary Vocational Education to average salary in the sphere of general education, %

Регион	Отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров ПО СПО к средней зарплате в сфере общего образования, %	Регион	Отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров ПО СПО к средней зарплате в сфере общего образования, %
Ненецкий автономный округ	151,74	Тульская область	112,18
Республика Адыгея	122,79	Карачаево-Черкесская Республика	111,45
Республика Коми	121	Самарская область	110,95
Новосибирская область	120,59	Республика Мордовия	110,25
Калужская область	119,53	Тверская область	109,89
Архангельская область без авт. округа	118,71	Приморский край	109,74
Республика Крым	118,4	Костромская область	109,35
Магаданская область	117,41	г. Санкт-Петербург	109,11
Чеченская Республика	116,08	Новгородская область	109,1
Красноярский край	114,94	Владимирская область	108,37
Пермский край	114,61	Республика Северная Осетия-Алания	107,48
Ханты-Мансийский автономный округ	114,08	Республика Алтай	106,5
Свердловская область	113,49	Кабардино-Балкарская Республика	104,64
Брянская область	113,09	Ленинградская область	104,52
Рязанская область	112,84	Республика Ингушетия	98,66
Республика Тыва	112,51		

риски в системе СПО, связанные с низким уровнем инвестирования образовательных организаций в свое развитие.

Отношение средней зарплаты категории «педагоги» к средней зарплате категории «руководители СПО» изменяется в диапазоне от 77,92% в Московской области до 37,28% в Республике Адыгея (табл. 9). Поскольку, как показал анализ выше,

Доля педагогических работников — внешних совместителей в общей численности педагогических работников СПО, %

Table 5. Share of teachers — external co-workers in the total number of teachers of Secondary Vocational Education, %

Регион	Доля педагогических работников СПО внешних совместителей в общей численности педагогических, %	Регион	Доля педагогических работников СПО внешних совместителей в общей численности педагогических, %
Чукотский автономный округ	53,25	Чувашская Республика	13,76
Свердловская область	25,77	г. Санкт-Петербург	13,36
Ленинградская область	23,85	Приморский край	12,79
Республика Адыгея	22,09	Саратовская область	12,53
Тульская область	19,05	Камчатский край	12,44
Республика Северная Осетия-Алания	18,48	Курская область	12,12
Ульяновская область	17,70	Республика Бурятия	11,84
Ярославская область	17,10	Республика Мордовия	11,31
Самарская область	16,50	Краснодарский край	10,75
Астраханская область	15,64	Оренбургская область	10,3
Забайкальский край	15,35	Кабардино-Балкарская Республика	8,83
Тамбовская область	15,05	Амурская область	8,14
Курганская область	14,85	Чеченская Республика	7,75
Республика Карелия	14,47	Республика Хакасия	6,16
Новгородская область	14,21		

в 2018 г. по группе «отставание заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения от ожидаемой по региону» все регионы РФ находятся вне зоны риска, дальнейшее ранжирование регионов по данному показателю также не представляется целесообразным. Можно предполагать, что по группе «внутренняя несбалансированность оплаты труда» региональные системы СПО также не содержат рисков.

Доля выпуска образовательными организациями системы СПО региона педагогов дошкольного образования (сумма выпуска по специальностям 44.02.01 «Дошкольное образование» и 44.02.04 «Специальное дошкольное образование») от их необходимого количества для обеспечения значения целевого показателя доступности дошкольного образования 90% изменяется в диапазоне от 849% в Ленинградской области до минус 967% в Брянской области (табл. 10). Говоря более

Таблица 6

**Доля учащихся, поступивших в частные образовательные организации,
от общей численности поступивших, %**

Table 6. Percentage of students enrolled in private educational organizations
of total enrolment, %

Регион	Доля поступивших в частные ОО	Регион	Доля поступивших в частные ОО
Карачаево-Черкесская Республика	29,1	Приморский край	4,96
Республика Ингушетия	18,86	Красноярский край	4,66
Республика Татарстан	15,58	Республика Хакасия	4,53
Тульская область	12,98	Томская область	4,13
Ивановская область	12,34	Рязанская область	3,67
Чувашская Республика	11,46	г. Санкт-Петербург	3,25
Калининградская область	11,07	Пензенская область	3,03
Омская область	10,15	Республика Бурятия	2,77
Пермский край	9,17	Костромская область	2,56
Республика Алтай	7,93	Кемеровская область	2,03
Камчатский край	7,77	Саратовская область	1,61
Волгоградская область	7	Ленинградская область	1,07
Астраханская область	6,08	Хабаровский край	0,93
Кабардино-Балкарская Республика	5,76	8 регионов РФ	0
Белгородская область	5,51		

простым языком, в Ленинградской области выпуск специалистов в 8,5 раз превышает потребности в них (но сама потребность, по крайней мере, присутствует), а в Брянской области выпуск специалистов в 9,7 раза превышает величину, на которую уже можно было бы сократить численность действующих педагогов.

Данный критерий наглядно показывает степень несогласованности между различными уровнями образования внутри одного региона. Однако поскольку в рамках данной работы решается задача комплексного анализа рисков всей системы СПО, данный показатель в силу своей частности был исключен при итоговом интегрировании.

Результаты интегральных расчетов сведены в табл. 11 и позволяют сделать следующие дополнительные выводы:

- в целом потенциал развития среднего профессионального образования в части устойчивости и сбалансированности региональных систем СПО оставляет желать много лучшего: 77% регионов России (63 из 85) находятся в интегральной зоне «неудовлетворительно»;
- и Ленинградская область, и особенно Санкт-Петербург, не просто находятся в зоне «неудовлетворительно», но и располагаются в ее нижней (худшей) части. Интегральный балл ниже, чем у Санкт-Петербурга, имеют только два региона РФ — Республика Северная Осетия — Алания и Тверская область;

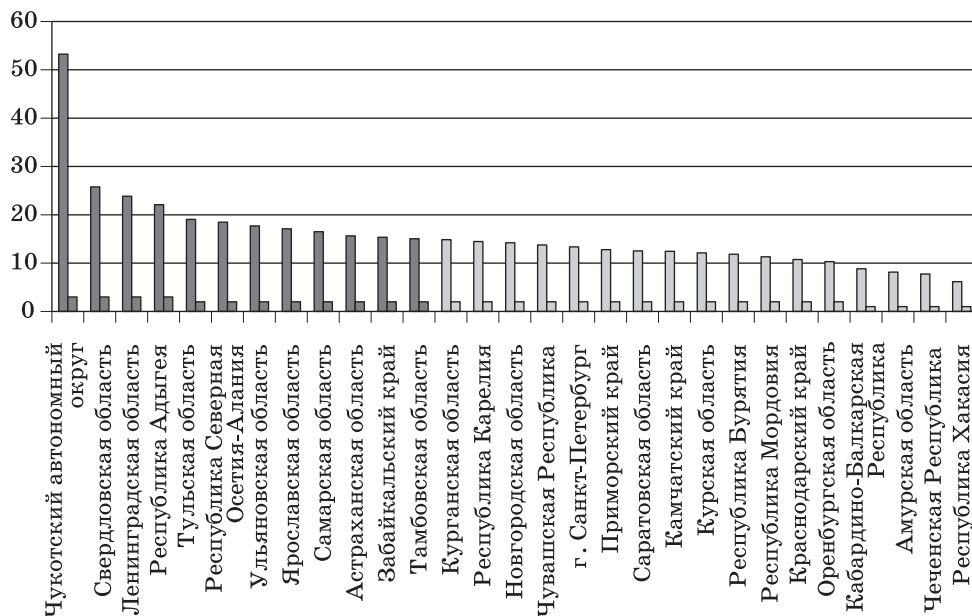

Рис. 3. Частное ранжирование регионов по показателю «доля педагогических работников — внешних совместителей в общей численности педагогических работников СПО»

Fig. 3. Private ranking of regions by indicator "share of pedagogical workers — external co-workers in the total number of pedagogical workers of Secondary Vocational Education"

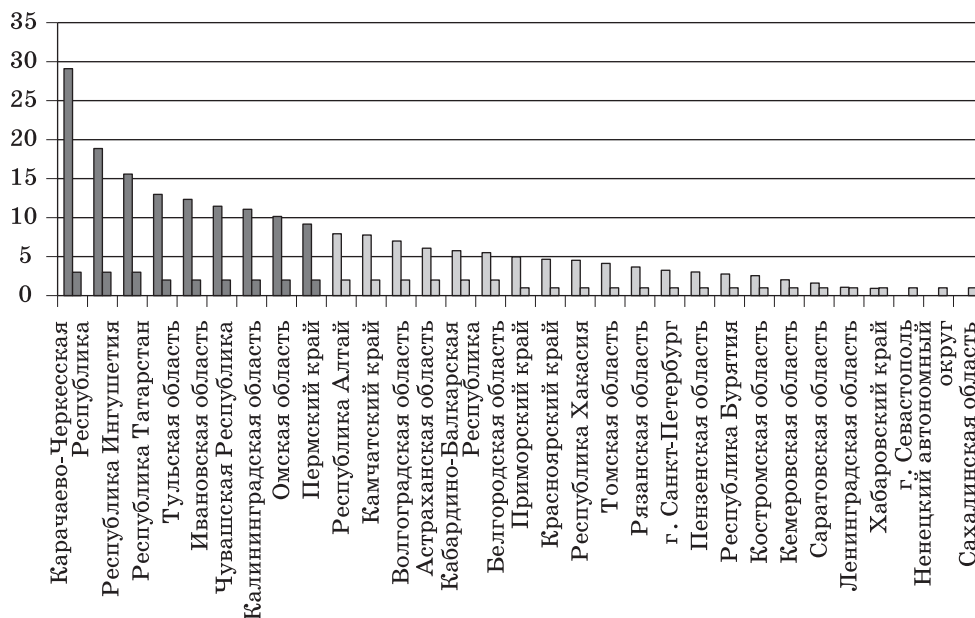

Рис. 4. Частное ранжирование регионов по показателю «доля учащихся СПО, поступивших в частные образовательные организации, от общей численности поступивших»

Fig. 4. Private ranking of regions according to the indicator "share of Secondary Vocational Education students admitted to private educational organizations, as a percentage of the total number admitted"

Доля выпускников целевого обучения, имеющих договора с организациями, в общей численности выпускников СПО, %

Table 7. Share of targeted graduates with contracts with organizations in the total number of Secondary Vocational Education graduates, %

Регион	Доля выпускников целевого обучения с договорами с организациями	Регион	Доля выпускников целевого обучения с договорами с организациями
Красноярский край	20,83	Ростовская область	1,06
Московская область	11,35	Омская область	0,98
Республика Адыгея	4,46	Республика Саха (Якутия)	0,92
Хабаровский край	3,56	Калужская область	0,85
Республика Бурятия	3,14	Чувашская Республика	0,79
Псковская область	2,81	Кемеровская область	0,72
Липецкая область	2,43	Брянская область	0,63
Рязанская область	1,96	Иркутская область	0,52
Республика Татарстан	1,7	Оренбургская область	0,32
Волгоградская область	1,45	г. Санкт-Петербург	0,26
Свердловская область	1,31	Республика Алтай	0,16
Ленинградская область	1,19	Республика Хакасия	0,04

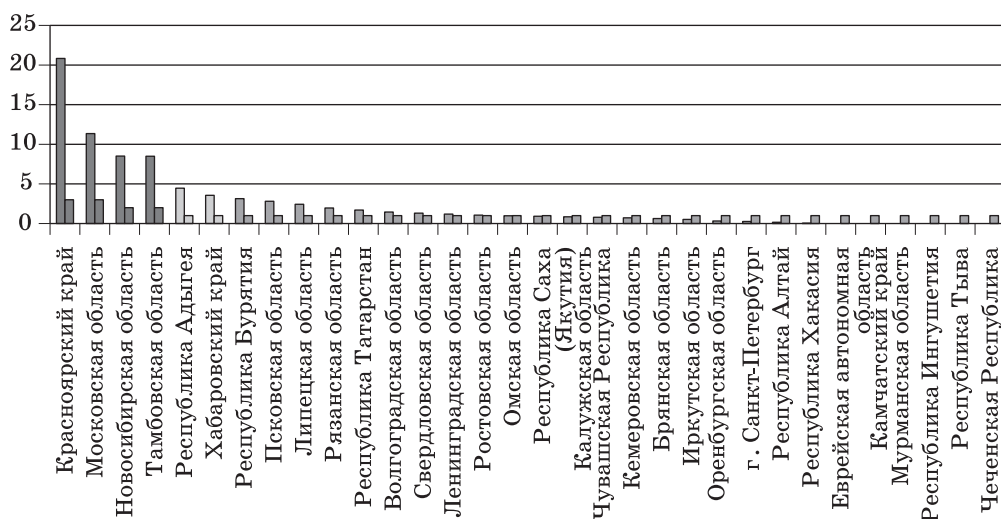

Рис. 5. Частное ранжирование регионов по показателю «доля выпускников целевого обучения, имеющих договора с организациями, в общей численности выпускников СПО»
Fig. 5. Private ranking of regions by indicator "share of graduates of targeted training, having contracts with organizations, in the total number of graduates of Secondary Vocational Education"

Доля расходов, направляемых на увеличение стоимости основных средств, в общей структуре расходов образовательных организаций СПО, %

Table 8. Share of expenses used to increase the cost of fixed assets in the total structure of expenses of Secondary Vocational Education educational organizations, %

Регион	Доля инвестирования в структуре расходов	Регион	Доля инвестирования в структуре расходов
Еврейская автономная область	30,53	Пермский край	4,76
Чукотский автономный округ	18,84	Свердловская область	4,42
Магаданская область	16,93	Курганская область	4,21
Брянская область	11,06	Кемеровская область	3,94
Калужская область	9,69	Республика Дагестан	3,82
Московская область	8,77	Тульская область	3,77
Республика Мордовия	8,23	Челябинская область	3,62
г. Москва	7,72	Нижегородская область	3,43
Республика Крым	7,18	Республика Коми	3,17
Республика Алтай	6,81	Хабаровский край	2,9
Ленинградская область	6,61	Вологодская область	2,59
г. Санкт-Петербург	6,44	Смоленская область	2,38
Чеченская Республика	5,98	Республика Карелия	2,00
Ханты-Мансийский автономный округ	5,25	Воронежская область	1,77
Ростовская область	5,01	Кабардино-Балкарская Республика	1,39

- практически в половине регионов РФ доля учащихся, поступивших в частные образовательные организации, составляет менее 5% (условный процент погрешности) от общей численности поступивших в систему СПО, что исключает конкуренцию со стороны негосударственных образовательных организаций;
- более чем в 50% регионов РФ доля расходов, направляемых на увеличение стоимости основных средств, в общей структуре расходов образовательных организаций СПО составляет менее 5%, что свидетельствует о фактическом «проедании» текущего финансирования без значимого инвестирования в развитие;
- более чем в 90% регионов РФ доля выпускников целевого обучения, имеющих договоры с организациями, в общей численности выпускников СПО составляет менее 5%, что свидетельствует о сильной оторванности системы подготовки СПО от потенциальных работодателей выпускников.

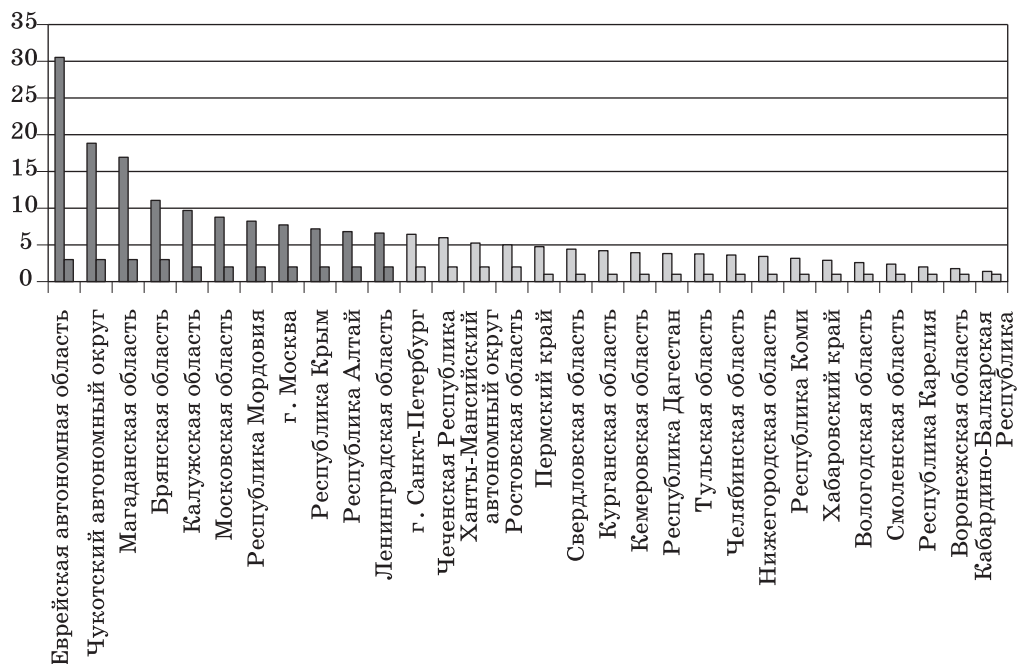

Рис. 6. Частное ранжирование регионов по показателю «доля расходов, направляемых на увеличение стоимости основных средств, в общей структуре расходов образовательных организаций СПО»

Fig. 6. Private ranking of regions by indicator "share of expenditures directed to increase the cost of fixed assets in the total structure of expenditures of educational funds"

Таблица 9

Отношение средней зарплаты категории «педагогические работники» к средней зарплате категории «руководители СПО», %

Table 9. Ratio of the average salary of the category "Pedagogical workers" to the average salary of the category "Secondary Vocational Education managers", %

Регион	Отношение фактической средней зарплаты педагогических работников к средней зарплате руководителей СПО	Регион	Отношение фактической средней зарплаты педагогических работников к средней зарплате руководителей СПО
1	2	1	2
Московская область	72,92	Томская область	67,89
Красноярский край	70,70	Владимирская область	67,31
Кабардино-Балкарская Республика	68,97	Республика Башкортостан	66,40
Курская область	65,89	Орловская область	58,86

1	2	1	2
г. Санкт-Петербург	65,52	Карачаево-Черкесская Республика	57,88
Республика Карелия	64,71	Челябинская область	57,43
Мурманская область	63,96	Липецкая область	56,92
Курганская область	62,51	Свердловская область	56,00
Ростовская область	61,98	Ненецкий автономный округ	55,00
Самарская область	61,78	Астраханская область	54,56
Республика Тыва	61,44	Ленинградская область	53,90
Саратовская область	60,26	Чеченская Республика	52,71
Омская область	59,87	Псковская область	50,69
Республика Марий Эл	59,37	Приморский край	46,64
г. Москва	59,13	Республика Адыгея	37,28

Таблица 10

Доля выпуска образовательными организациями системы СПО региона педагогов дошкольного образования от их необходимого количества для обеспечения 90% доступности дошкольного образования, %

Table 10. Share of pre-school teachers' graduation by educational organizations of the system of secondary vocational education of the region from their necessary quantity to ensure 90% accessibility of pre-school education, %

Регион	Доля выпуска СПО педагогов ДО при ЦП доступности 90%	Регион	Доля выпуска СПО педагогов ДО при ЦП доступности 90%
Ленинградская область	848,84	Рязанская область	-14,5
Самарская область	91,68	Республика Алтай	-16,6
Алтайский край	74,88	Вологодская область	-17,96
Республика Адыгея	57,22	Чукотский автономный округ	-19,69
Республика Ингушетия	33,41	Ивановская область	-22,02
Оренбургская область	17,15	Республика Тыва	-25,17
Республика Марий Эл	8,14	Челябинская область	-28,2
Калининградская область	5,33	Курганская область	-33,27
Еврейская автономная область	0	Пермский край	-47,4
Орловская область	-1,36	Нижегородская область	-91,58
Томская область	-7,67	Республика Татарстан	-142,79
Новгородская область	-9,13	Калужская область	-280,99
Республика Карелия	-10,56	Новосибирская область	-338,88
Костромская область	-11,09	Брянская область	-967,24
Псковская область	-13,07		

**Интегральные результаты оценки устойчивости и сбалансированности
региональных систем СПО**

Table 11. Integral results of assessing the stability and balance of regional systems
of secondary vocational education

Регион	Преподаватели 60+	Мастера 60+	Внешние совместители	Частные ОО	Целевое обучение	Инвестирование в развитие	Интегральная оценка
	Интегральная зона						
1	2	3	4	5	6	7	8
Алтайский край	2	3	2	2	3	3	2,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	3	3	2	3	1	3	2,5
Республика Ингушетия	3	3	3	3	1	1	2,333333
Республика Татарстан	2	3	3	3	1	2	2,333333
г. Москва	2	3	2	3	1	2	2,166667
Красноярский край	2	2	2	1	3	3	2,166667
Магаданская область	2	3	3	1	1	3	2,166667
Республика Адыгея	2	3	3	1	1	3	2,166667
Республика Алтай	3	3	2	2	1	2	2,166667
Республика Дагестан	2	3	3	3	1	1	2,166667
Республика Саха (Якутия)	3	3	2	2	1	2	2,166667
Удмуртская Республика	2	3	3	3	1	1	2,166667
Камчатский край	2	2	2	2	1	3	2
Карачаево-Черкесская Республика	2	3	2	3	1	1	2
Московская область	1	2	2	2	3	2	2
Новосибирская область	2	2	2	2	2	2	2
Республика Башкортостан	3	3	2	2	1	1	2
Тюменская область без авт. округов	3	3	1	2	1	2	2
Ульяновская область	2	3	2	2	1	2	2
Ханты-Мансийский автономный округ	3	2	2	2	1	2	2
Чувашская Республика	2	3	2	2	1	2	2
Астраханская область	2	3	2	2	1	1	1,833333
Белгородская область	2	2	2	2	1	2	1,833333

1	2	3	4	5	6	7	8
Брянская область	2	2	2	1	1	3	1,833333
Иркутская область	2	3	2	2	1	1	1,833333
Кировская область	2	3	2	2	1	1	1,833333
Краснодарский край	2	2	2	3	1	1	1,833333
Курская область	2	2	2	2	1	2	1,833333
Омская область	2	3	2	2	1	1	1,833333
Оренбургская область	3	3	2	1	1	1	1,833333
Пермский край	2	3	2	2	1	1	1,833333
Республика Мордовия	2	3	2	1	1	2	1,833333
Республика Тыва	3	3	1	2	1	1	1,833333
Сахалинская область	1	3	2	1	1	3	1,833333
Ставропольский край	2	2	2	3	1	1	1,833333
Чеченская Республика	3	3	1	1	1	2	1,833333
Чукотский автономный округ	1	2	3	1	1	3	1,833333
Волгоградская область	2	2	2	2	1	1	1,666667
Воронежская область	2	2	2	2	1	1	1,666667
Еврейская автономная область	2	1	2	1	1	3	1,666667
Забайкальский край	2	3	2	1	1	1	1,666667
Калужская область	1	1	3	2	1	2	1,666667
Костромская область	1	2	2	1	3	1	1,666667
Курганская область	2	3	2	1	1	1	1,666667
Ненецкий автономный округ	2	2	2	1	1	2	1,666667
Новгородская область	1	2	2	1	1	3	1,666667
Орловская область	2	3	2	1	1	1	1,666667
Республика Бурятия	2	3	2	1	1	1	1,666667
Республика Коми	2	3	2	1	1	1	1,666667
Республика Крым	2	2	1	2	1	2	1,666667
Республика Марий Эл	2	2	3	1	1	1	1,666667
Самарская область	2	2	2	2	1	1	1,666667
Саратовская область	2	3	2	1	1	1	1,666667
Свердловская область	2	2	3	1	1	1	1,666667
Тамбовская область	2	1	2	2	2	1	1,666667
Томская область	2	2	2	1	1	2	1,666667
Челябинская область	2	2	2	2	1	1	1,666667
Ярославская область	2	2	2	1	1	2	1,666667
Амурская область	2	2	1	1	1	2	1,5

1	2	3	4	5	6	7	8
Архангельская область без авт. округа	2	3	1	1	1	1	1,5
Вологодская область	2	2	2	1	1	1	1,5
Ивановская область	1	2	2	2	1	1	1,5
Кабардино-Балкарская Республика	2	2	1	2	1	1	1,5
Калининградская область	1	1	2	2	1	2	1,5
Кемеровская область	2	2	2	1	1	1	1,5
Ленинградская область	1	1	3	1	1	2	1,5
Липецкая область	2	2	1	1	1	2	1,5
Нижегородская область	2	1	2	2	1	1	1,5
Пензенская область	2	2	2	1	1	1	1,5
Приморский край	1	2	2	1	1	2	1,5
Псковская область	1	2	2	2	1	1	1,5
Республика Карелия	1	2	2	2	1	1	1,5
Республика Хакасия	2	3	1	1	1	1	1,5
Ростовская область	1	2	2	1	1	2	1,5
Рязанская область	2	2	2	1	1	1	1,5
Тульская область	1	2	2	2	1	1	1,5
Хабаровский край	2	2	2	1	1	1	1,5
Владимирская область	1	1	2	1	1	2	1,333333
г. Санкт-Петербург	1	1	2	1	1	2	1,333333
г. Севастополь	2	1	1	1	1	2	1,333333
Мурманская область	2	1	2	1	1	1	1,333333
Республика Калмыкия	1	1	3	1	1	1	1,333333
Смоленская область	1	1	2	2	1	1	1,333333
Республика Северная Осетия-Алания	1	1	2	1	1	1	1,166667
Тверская область	1	1	2	1	1	1	1,166667

Вместе с тем следует отметить, что отношение средней зарплаты преподавателей и мастеров производственного обучения СПО как к средней зарплате по региону, так и к средней зарплате по региону в сфере общего образования свидетельствует об отсутствии риска по группе «отставание реальной заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения от ожидаемой». А учитывая реализацию федерального проекта «Молодые профессионалы», входящего в национальный проект «Образование»¹, можно надеяться через некоторое время увидеть и общее улучшение ситуации.

¹ Национальный проект «Образование» [Электронный ресурс] // Вестник образования. Электронный периодический журнал. URL: <http://vestnik.edu.ru/national-project>. (дата обращения: 24.10.2019).

Литература

1. *Беляков С. А., Григорьев В. Ю., Бедарева Л. Ю.* Оценка параметров региональных систем образования как инструмент выработки управленческих решений // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 79–89.
2. *Григорьев В. Ю.* Оценка и анализ образования: что оцениваем? // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 145–154.
3. *Григорьев В. Ю., Беляков С. А.* Обобщенная методика оценки потенциала развития региона на основе анализа дисбалансов // Управленческое консультирование. 2019. № 8. С. 60–69.

Об авторе:

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент, лауреат Премии Президента РФ в области образования; grigorevvy@ranepa.ru

References

1. Belyakov S. A., Grigoryev V. Yu., Bedareva L. Yu. Assessment of parameters of regional education systems as a tool for making management decisions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie.]. 2019. N 7. P. 79–89. (In rus)
2. Grigoryev V. Yu. Assessment and Analysis of Education: what are we Assessing? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie.]. 2019. N 11. P. 145–154. (In rus)
3. Grigoryev V. Yu., Belyakov S. A. Generalized methodology of assessment of development potential of the region based on imbalance analysis // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie.]. 2019. N 8. P. 60–69. (In rus)

About the author:

Valery Yu. Grigorev, Leading researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPa (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor; Laureate of the President of the Russian Federation Award in the Field of Education; grigorevvy@ranepa.ru

Современные источники националистического самосознания в молодежной среде: анализ имплицитных установок опроса «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде»

Сосновская А. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; sosnovskaia-am@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В современном быстро меняющемся мире наблюдается повышенная мобильность индивидов и групп, что ведет к увеличению плотности и росту количества межнациональных взаимодействий. На первый план выходит проблема снижения конфликтогенного потенциала этих взаимодействий. Посредством использования категорий «Чужой», «Другой» статья иллюстрирует современное положение межнациональных отношений, позволяя осмыслить связанные с ними современные вызовы.

В статье разбирается и анализируется опрос общественного мнения, рассматривается опросник, нацеленный на реконструкцию определенной детерминированной картины мира.

Опрос был проведен в средних и высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области в рамках программы исследования и повышения квалификации педагогов «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде».

С помощью методов дискурсивного анализа, лингвистической экспертизы, социологического и философского критического мышления рассмотрены возможные варианты трактовок как вопросов, так и ответов респондентов, которые следуют за логикой и политикой опроса, инкорпорируя предложенное видение и паттерны поведения. Опросник имплицитно реконструирует картину мира, лимитированную концепцией «национализм». Показано, что толерантность возможна как следствие понимания субъектности и инаковости мигранта и Другого, Чужого.

Ключевые слова: национализм, неравенство, межэтнические стереотипы, медиадискурс

Для цитирования: Сосновская А. М. Современные источники националистического самосознания в молодежной среде: анализ имплицитных установок опроса «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде» // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 109–120.

Modern Sources of Nationalist Self-Awareness among Young People: Analysis of Implicit Guidelines of the Survey “Harmonization of Inter-Ethnic Relations and Prevention of Extremist Manifestations in the Educational Sphere and Young People”

Anna M. Sosnovskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; sosnovskaia-am@ranepa.ru

ABSTRACT

In today's rapidly changing world, there is increased mobility of individuals and groups, which leads to an increase in density and an increase in the number of inter-ethnic interactions. The problem

of reducing the conflict potential of these interactions comes to the fore. Through the use of the categories "Alien," Other, "the article illustrates the current situation of inter-ethnic relations, allowing to understand the modern challenges related to them.

The article considers and analyses a public opinion poll, and considers a questionnaire aimed at reconstructing a certain deterministic picture of the world.

The survey was conducted in secondary and higher educational institutions of St. Petersburg and Leningrad Region within the framework of the program of research and advanced training of teachers "Harmonization of inter-ethnic relations and prevention of extremist manifestations in the educational sphere and youth."

With the help of methods of discursive analysis, linguistic expertise, sociological and philosophical critical thinking, possible options of interpretation of both questions and answers of respondents, which follow logic and policy of survey, incorporating the proposed vision and patterns of behavior, are considered. The questionnaire implicitly reconstructs the picture of the world, limited by the concept of "nationalism." It is shown that tolerance is possible as a consequence of understanding the subjectivity and differences of the migrant and the Other, Alien.

Keywords: nationalism, inequality, inter-ethnic stereotypes, media

For citing: Sosnovskaya A. M. Modern Sources of Nationalist Self-Awareness among Young People: Analysis of Implicit Guidelines of the Survey "Harmonization of Inter-Ethnic Relations and Prevention of Extremist Manifestations in the Educational Sphere and Young People" // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 109–120.

Введение

Гармонизация межэтнических отношений, противодействие экстремизму, профилактика девиантных проявлений в молодежной среде — актуальные вопросы социальной политики, педагогического и медиадискурса.

Социальные философы У. Бек, З. Бауман показали, что амбивалентная реакция на чужого — это неотъемлемый спутник функционирования общества, социальной политики и практик неравенства [1; 15].

Категория Другого¹ позволяет тематизировать обширный спектр психических и социальных реакций, выражающий подозрительность сообществ в отношении внедрения чуждых национальных элементов.

В традиционных сообществах чувства идентичности формируются посредством передачи межпоколенческого опыта; тогда как на современном этапе функцию конструирования идентичности и принадлежности вообрал в себя медиадискурс.

В то же время кажется необходимым уточнить сложившиеся у исследователей представления относительно природы фобических реакций и настороженности в отношении Другого.

В 2000-х годах философ Ирина Жеребкина занималась концепцией означающего и вытекающим из него прибавочным наслаждением.

В частности, она доказывала: принадлежность к нации являет собой источник извлечения прибавочного наслаждения. Само означающее «нация» — например, украинец или русский — указывает на определенную работу бессознательного, в ходе которой вырабатываются защитные реакции психики. Прибавочное наслаждение до определенной степени и есть такая защитная реакция. Суть в том, что оно позволяет не следовать желанию дальше, а удовлетвориться тем, что есть. Когда наслаждение извлечено, работа мысли заканчивается [7].

Чтобы показать сложность обсуждаемого вопроса и необходимость исследований, приведем точку зрения философа и антрополога Рене Жерара, который выдвинул

¹ В статье используются концепции «чужой» и «другой» как синонимы, хотя последняя шире и психологичнее.

гипотезу, что чужак вызывает страх не потому, что он инаков, посылка, на которой базируются все современные учения о ксенофобии сегодня. Инаковость может привести особый чужеродный элемент, который приведет к стиранию всех различий внутри группы.

Люди нападают на инаковость не потому, что не терпят ее, а потому что опасаются, что это сотрет все оттенки, нюансы и различия, которые ценны для этой группы. Исчезновение (или только даже возможность этого) тех важных творческих различий в группе, которые имеют место в спокойном состоянии, озлобляет людей.

В работах Жирара подчеркивается, что мир и порядок во всех человеческих сообществах основываются на культурной дифференциации, т. е. на некотором первичном структурировании. Не различия, а их отсутствие вызывает сильнейшее соперничество между тождественными друг другу членами сообщества и приводит к росту напряженности и эскалации насилия.

Любой аутсайдер или маргинализированный член сообщества, который вселяет страх или отвращение (читай: менее культурно совместим) более вероятно будет избран на роль заместительной жертвы в ситуации миметического кризиса, кризиса различий, т. е. процесса их прогрессирующего стирания и уничтожения [8].

Слабо выраженные процессы идентификации и аффилиации, зависимость от мейнстрима, процесс унификации практик, отсутствие творческой дифференциации — все это причины формирования экстремистского сознания.

Предпосылки формирования экстремистского сознания молодых людей, на наш взгляд, имеют корни в процессе образования, социализации, ориентации в информационном пространстве, в том числе в неумении молодежи ориентироваться в медиадискурсе, в отсутствии критического мышления и релевантного отношения к медиаконтенту, в том числе опросам общественного мнения, которые детерминируют их поведение.

Полагаем в качестве гипотезы, что студенты в процессе своей социализации впитали шаблоны, которые поставляет медиасреда. Риторический вопрос: что может дать медиаобразование, если среда существует такая, какая есть, а идеология инкорпорирована?

В рамках изучения интолерантных установок и настроений молодежи, студентов и выпускников вузов Санкт-Петербурга нами были выявлены маркеры как низкой политической и медиакомпетентности, так и влияния опроса на формирование стереотипов и паттернов поведения. Эти маркеры связаны, поскольку налицо непонимание социально-политического контекста опроса.

В материалах конференции ЮНЕСКО по медиаобразованию¹ было отмечено, что «медиаобразование связано со всеми видами медиа и различными технологиями; дает возможность людям понять, как массовая коммуникация используется в их социумах, обеспечивая человеку знание того, как:

- 1) анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты;
- 2) определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие и/или культурные интересы, их контекст;
- 3) интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа;
- 4) отбирать соответствующие медиа для создания и распространения своих собственных медиатекстов и обретения заинтересованной в них аудитории;
- 5) получить возможность свободного доступа к медиа как для восприятия, так и для продукции.

¹ Unesco (2016). Educating for the Media and the Digital Age [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/archives/multimedia/document-4333> (дата обращения: 27.10.2019).

Для нашего исследования особенно значимы пункты 1–3 этого документа, которые подчеркивают важность осознания источника медиатекста, имплицитных ценностей и политических интенций.

Характеристика исследования

В мае и июне 2019 г. государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Ленинградский областной институт развития образования» организовало курсы повышения квалификации педагогических работников образовательных организаций высшего и профессионального образования по заказу комитета по науке и высшей школы РФ «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде» [6].

Педагоги, участники курса, провели опросы по данной теме своих студентов, а также сами ответили на вопросы предложенных анкет с использованием социологических форм Google. Полученные результаты, сохраненные в облаке, были проанализированы и обсуждены в рамках круглых столов и конференций.

Эмпирическое исследование было проведено с помощью этноконсалтинговых анкет, которые включали формализованные закрытые и неформализованные открытые варианты ответов на вопросы.

Для получения репрезентативной информации институтом ЛОИРО была использована многоступенчатая квотно-случайная модель выборки, объем которой составил 2130 человек — из них 2014 студентов и 116 педагогов из 20 образовательных организаций Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Рассмотрим возможность данного опросника конструировать определенные мнения, проанализируем вопросы и ответы, используя методы критического дискурсивного анализа (Ван Дейк 2013), семиотики и лингвистики (Лотман 1973, Сосновская 2013), культурных и медиаисследований (Hall 1997; Назаров 2003; Брайант, Томпсон 2004) с целью обнаружения навязывания стереотипного восприятия реальности [3; 5; 9; 10; 11; 16].

Мы солидаризируемся с теорией социального конструирования реальности (Бергер, Лукман 1995), а также теориями французских социологов о воздействии опросов общественного мнения на мировоззрение и поведение (Бурдьё 1973; Шампань 1990) и считаем, что опросы могут внушать респондентам идеологию составителей, которая в свою очередь также отчасти может быть неосознаваема и являться продуктом доминирующего политического дискурса [2; 4; 14].

В докладе Пьера Бурдьё на тему функционирования и назначения опросов общественного мнения говорится о политической ангажированности любого опроса. Представляется важным феноменологически проанализировать установки опроса, отметить эффекты воздействия опроса на респондента, выявить стереотипы и оставивающую мысль прибавочное наслаждение концепций.

В основе критики опросов общественного мнения лежат три постулата, которые подвергаются сомнению: 1) производство мнения доступно всем; 2) все мнения значимы; 3) вопросы заслуживают быть заданными. Эти постулаты предопределяют целую серию деформаций, которые обнаруживаются даже в том случае, если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных.

По Бурдьё, предлагаемая исследованиями общественного мнения проблематика всегда подчинена политическим интересам, и это очень сильно сказывается одновременно и на формулировании вопросов, и на значении ответов, и на значении, которое придается публикации результатов. Ученый настаивает, что зондаж общественного мнения в сегодняшнем виде — это инструмент политического дей-

ствия, самая важная функция которого состоит во внушении иллюзии, что существует общественное мнение как императив, получаемый исключительно путем сложения индивидуальных мнений.

Фундаментальный эффект опросов общественного мнения: утвердить мысль о существовании единодушного общественного мнения, т. е. легитимировать определенную политику и закрепить отношения сил, на которых она основана или которые делают ее возможной.

Обсуждая со студентами ответы на вопросы опросников, мы выявили, что часто они вкладывают разные значения в идентичные вопросы и ответы. Также студенты отмечали эффект навязывания проблематики, используя такие описания: «загрузился», «необходимо обдумать это содержание», «я не думал в этом направлении, но все интересно и верно», «этот опрос — новое знание для меня».

Согласно Бурдые, общественное мнение не существует, а является сконструированным ангажированным продуктом заинтересованных социальных акторов.

Рассмотрим опросник, выявляя признаки ангажированности.

Описание и интерпретация результатов исследования

Большинство респондентов общей выборки института ЛОИРО (студенты и преподаватели) родились в регионе нынешнего проживания — Санкт-Петербург и Ленинградская область (52,5% студентов и 48,3% педагогов).

Анкета начиналась серией вопросов про идентичность и патриотизм.

Исследование показало, что самосознание респондентов зависит от политического контекста и в большей степени связано с доверием к власти, нежели с другими маркерами идентичности.

Согласно теоретикам этносоциологии крепкая аутентичная идентичность может быть выстроена прежде всего вокруг таких характеристик, как лояльность к этносу, языку, конкретному месту, территории, культуре и традициям.

Было выявлено, что идентичность (т. е. самоосознавание себя в социуме), политически детерминирована в сознании молодежи и связывается с конкретной властью.

Такой результат легализует мысль, что несамостоятельность и зависимость в самоопределении требуют вмешательства и направления.

Обладатели четкой национальной идентичности и осознанной принадлежности отличаются в глазах наших респондентов знанием исторического наследия, высоким уровнем культуры.

Около 40% преподавателей и студентов отмечают значимость своей национальной принадлежности, считают, что национальность приобщает их к великому народу, определяет образ жизни, дает преимущество в решении жизненных проблем.

17,7% респондентов считают свою национальность лучше других.

Однако треть, 34% опрошенных, не дали ответа по поводу значимости национальной принадлежности.

Абсолютная предрасположенность к своей культуре определяется как этноцентризм и говорит о некоторой ригидности, пристрастной оценке других культур сквозь призму своей собственной культуры. Бесспорная абсолютизация собственной культуры принижает ценность чужих культур, считая их худшими, низшими.

Респонденты данного опросника оценивают представителей других национальностей как менее культурных.

Ответы респондентов, конечно, говорят о высоком этноцентризме. Следует отметить, что такое мировоззрение конструируется и подкрепляется ежедневно посредством медийного дискурса и повседневных практик.

Этноцентризм формируется в процессе развития, воспитания, социализации человека в определенной культурной среде, где он усваивает и принимает услов-

ную модель поведения, принятую для данного общества, при этом у человека также формируются ожидания и предположения возможного поведения других людей.

Можно предположительно говорить о некотором консервативном воспитании, полном предрассудков к другим культурам, также транслируемых через СМИ и о не-критическом отношении к такой нетолерантности.

Больше всего респонденты реагируют на звучащую иностранную речь. Половина респондентов говорит, что замечает эту речь, но относится спокойно, другие высказываются против разговоров на иностранном языке в публичном пространстве.

Вопрос «Национальности, с представителями которых вы предпочитаете не иметь дела»: перечислено 20 позиций, включая «затрудняюсь ответить».

Больше всего респонденты не хотят иметь дела с цыганами — на первом месте, потом с таджиками — на втором. Также большинство респондентов не готовы к взаимодействию с представителями таких национальностей, как чеченцы, дагестанцы, узбеки.

Более 50% респондентов сталкивались с проявлениями национальной неприязни по отношению к другим людям. Проявление национальной неприязни может провоцировать возникновение межэтнических конфликтов.

В чем выражается проявление национальной неприязни?

Согласно полученным данным, чаще всего национальная неприязнь проявляется в форме грубости и оскорблений, т.е. на уровне речи — так считают 60,5% студентов и 69,1% педагогов.

Мы можем говорить о распространении hate speech (языка дискриминации, ненависти и вражды).

По результатам данного опросника, причины неприязни к другим национальностям кроются в глазах смотрящего, т.е. в низком культурном уровне своих же отдельных граждан.

Около 30% респондентов интерпретирует неприязнь к другим национальностям, как пренебрежительное отношение к культурным традициям других наций, т.е. неуважение к другим культурам и разделение на «мы и они», где «мы» всегда лучше. Респонденты считают, что СМИ искаженно интерпретируют образ представителей некоторых наций.

Согласно полученным данным, по мнению большинства респондентов Санкт-Петербург — это территория, дружелюбная к людям другой национальности, территория, где изначально жили представители многих национальностей и культур.

Вместе с тем следует отметить, что в студенческой среде случаи неприязненного отношения к другим национальностям встречаются в два раза чаще, чем среди педагогов.

Следующий вопрос: «Существуют ли типичные положительные и отрицательные человеческие качества, свойственные большинству представителей вашей национальности?»

67,6% студентов и 60,3% педагогов считают, что у большинства представителей их национальности существуют типичные как положительные, так и отрицательные человеческие качества.

Интересно, что педагоги — 10% — считают, что есть только позитивные отличительные качества, т.е. налицо этноцентризм.

Были выявлены главные источники основной информации о национальных и религиозных отношениях в России. Источником информации для большинства участников образовательных отношений являются средства массовой информации вместе с интернетом — около 70% студентов и 64% педагогов; на втором месте — телевидение. Педагоги больше ориентированы на телевидение, чем студенты.

Интересно, что студенты в значительной степени ориентированы на информацию от друзей и родителей и ближайшего окружения.

Далее были выявлены причины, по которым возникают затруднения в общении с представителями других национальностей. На первом месте незнание языка, потом — незнание традиций.

Некоторые респонденты, 26,7%, говорят, что испытывают затруднение, потому что у представителей других национальностей имеется иной неизвестный им взгляд на жизнь.

Они хотели бы быть более осведомленными о культурах других национальностей.

Актуальный в повестке дня вопрос — об отношении к притоку мигрантов в Санкт-Петербург: большинство респондентов считают, что необходимо ограничить приток мигрантов — 37% студентов и 42,2% педагогов.

Мы наблюдаем противоречивую ситуацию. С одной стороны, респонденты готовы быть толерантными к мигрантам, которые уже здесь проживают и заниматься их ассимиляцией в культуру Санкт-Петербурга и Ленинградской области (колонизирующий дискурс), с другой стороны — многие респонденты хотят ограничить приезд мигрантов.

Мы видим тотальное непонимание необходимости процесса миграции в Российскую Федерацию из-за демографического кризиса. Это также вопрос недостаточной информированности, недостаточной компетенции в сфере миграционной политики. Поскольку отсутствует такая грамотность, то люди могут попадать под влияние экстремистски настроенных групп.

Преобладающее большинство респондентов считают, что мигранты, приезжающие в Санкт-Петербург, могут сохранять свои традиции, но должны говорить на своем языке только в частной бытовой сфере — 45% студенты 55,2% — педагоги.

На наш взгляд, ограничение разговора на родном языке мигрантов в публичной сфере нетолерантно.

Анализ и предварительные выводы

Мы привели данные полученной статистики в результате обработки опроса. Проанализируем имплицитные значения вопросов в исследуемом контексте межэтнической толерантности.

Вопросы о религиозной принадлежности в опроснике выглядят неоднозначными. Как правило, религиозные люди относятся с фаворитизмом к представителям своей конфессии. Относятся ли они к представителям других религий толерантно? Исторический опыт говорит об обратном. Интересно, что результаты ответов на этот вопрос не были опубликованы в отчете.

Вопрос «Что отличает вашу национальность в лучшую сторону?» подразумевает этноцентризм как отрицательное качество в контексте толерантности. Однако вопрос сформулирован как говорящий о позитивном качестве, что дезориентирует респондентов опросника.

Конечно, в подобных опросниках нельзя нападать на национальное самосознание, однако надо показать через корректную формулировку вопросов и повествование опросника, что есть определенные корреляции между ставкой на национальное самосознание и ростом нетерпимости.

Как показывает этот опрос, национальное самосознание — это опора, основной критерий для достаточно хрупкой идентичности современных людей.

Есть ли национальности, с представителями которых вы предпочитаете не иметь дело?

Представленные в вопросе национальности не могут быть перечислены через запятую, потому что некоторые национальности входят в РФ, а некоторые — иностранные. Однако, если студенты ответили на таким образом сформулированный вопрос

и оставили свои высказывания и рефлексии, тогда это может говорить об их неосознанности, и о том, что студенты сконструировали определенное видение посредством вербализации в опроснике, репрезентирующем доминирующее умонастроение.

Студенты следуют за логикой опросника. Именно эту ситуацию имели в виду Пьер Бурдьё и Патрик Шампань, когда утверждали, что содержание опросников влияет на ответы и результаты опросов общественного мнения. Некорректные исследования, которые повторялись в течение многих лет на нашем веку, сконструировали определенное видение ситуации, исходя из которого действует население.

Представляется, что даже если сохранять такие вопросы, необходимо добавлять ремарки и отсылки к медиатекстам и концепциям, которые уточняют смысл вопросов посредством релевантного контекста.

Существует ли независимое влияние на студентов со стороны родителей или друзей?

Опросы, которые проводились в нулевые годы, сформировали мировоззрение как родителей тогда, так и студентов сейчас. Студенты готовы отвечать определенным образом. Существует дисперсная культуральная среда, которая предполагает, что даже если человек не сталкивается напрямую с информацией, на него она все равно имеет влияние, потому что все вокруг об этом говорят на протяжении длительного времени. Согласно концепции социального конструирования реальности Бергера и Лукмана, существует культуральная среда, которая оказывает опосредованное, но сильное влияние и является источником информации [3].

«Насколько значима для вас национальная принадлежность? Если да, то почему?»

Национальные черты, которые были названы и перечислены — позитивные и негативные — необходимо подавать и интерпретировать как стереотипы.

Очевидно, что нет никаких отличительных черт и нет никакого менталитета, а есть определенные воззрения на менталитет, которые можно изучать.

Зачем выдвигается концепция «национальная принадлежность»?

Это делает ситуацию предсказуемой и описываемой, снижает тревожность и дает оправдание социальной успешности и неуспешности. Такое мнение о важности национального менталитета, о его влиянии более всего нужно молодым людям, как стало понятно в результате обсуждения. И опросник предоставляет этот костыль. Очевидно, что молодым людям, которые не имеют четкого интеллектуального ориентира, понятие менталитета может казаться удобным и плодотворным.

Задача нашей статьи — в том числе указание и разоблачение этого стереотипа, господства понятия менталитета в определенной среде и дискурсе. Критически мыслящий человек, особенно журналист и социолог, не может опираться на этот костыль, потому что концепция «менталитет» не представляет собой научную реальность, опираясь на которую можно судить о качествах тех или иных людей, — на основе принадлежности к народу или культуре.

Нам представляется, что опросник подталкивал к извлечению этого наслаждения (по И. Жеребкиной): студенты следовали по указанному пути и дали стереотипные ответы, утвердившись в правильности действий и сформировав стереотипную картину ситуации, получили интерпретационный костыль и способ говорить на эту тему — таким образом, представляется. Что дальше можно не размышлять и не развивать тему, потому что «национальная принадлежность все объясняет и ничего больше не поделает».

Согласно результатам опроса, с одной стороны, студенты негативно относятся к представителям некоторых культур и народностей, и в то же время они хотели узнать больше об их традициях.

С кем не хотят иметь дело на первом месте опрошенные — это цыгане, а на втором месте — таджики. Как говорят эксперты, представители диаспор, невозможно определить национальность, если ты не представитель диаспоры, сложно

отличить таджика от узбека и других народов Средней Азии. «Таджик» — это навязанный стереотип СМИ и медиаполя.

Цыган можно узнать по определенной манере поведения, как оппозиции той, которая не является цыганскими — это такие отличительные маркеры как цветастая одежда, выпрашивание денег, большое количество беспризорных детей.

Отличить таджика с первого взгляда на улице от представителя национальностей Средней Азии не представляется возможным. Такого рода указания в ответах некорректны и некомпетентны. Тот факт, что так ответили все респонденты — это либо чистая случайность, либо подсказано исследованием, либо внушено медиадискурсом.

Может быть, в медийном дискурсе чаще употребляется слово «таджик», чем «узбек», поэтому требуется изучение медиаконтента с использованием контент анализа. Имеются некоторые исследования новостных источников, которые подтверждают такую гипотезу [12].

Как часто встречается это означающее в медиатекстах, в заголовках?

Безусловно, отношение к цыганам и мигрантам имеет значение для социума. В дальнейшем в опросах необходимо четко ограничить нации, которые могут быть поставщиками мигрантов и соотечественников.

Таджиков в медиа всегда представляют стереотипно — необразованными, побиваемыми, мазохистическими персонами. Этот человек работает на низкоквалифицированной работе и не способен с ней справиться. Русский представлен в виде хозяина, который управляет таджиком, учит его уму-разуму на уровне ежедневной рутины. Как, например, герои телепередачи «Наша Russia». Образы Равшана и Джемшута стали неофициальными символами гастарбайтеров. Они считаются одними из самых известных вымышленных персонажей родом из Таджикистана. В 2018 г. установлен памятник (коммерческий проект) этим симулякрам в Красноярске.

Все фильмы последних лет также изображают мигранта из Средней Азии с типичной стороны, он предстает лицом угнетенным, но, с другой стороны, он высвечивается и как лицо, обладающее субъектностью.

Формирование субъектности мигранта можно положить в основу нашего дальнейшего исследования. Считаем, что исследование миграции и межнациональных отношений невозможно без исследования субъектности. Субъектность — это объемность личности, ее способность жить полноценной сложной душевной жизнью. О творчестве мигрантов сложно говорить в тех условиях, в которые они поставлены. Мигранты совершают не меньше духовных и душевных действий, чем обычное лицо. Его психическая жизнь не менее разнообразна и сложна.

Фильмы «Другое небо» Дмитрия Мамулия, «Айка» Сергея Дворцового очень глубоко проникают в душу мигранта, выявляя субъектность, цельное человеческое достоинство, которое не умалить ни преследованиями, ни унижением, ни убогостью гастарбайтерского быта.

Представляется, что воспитание толерантности невозможно через навязывание стереотипов. Результатов интеграции и толерантности не будет, пока люди не поймут сложной субъектности и инаковости мигрантов.

Тезис «Мигрант представляет собой точно такого же человека, как ты сам» — это тоже шаблон и стереотип, другое дело, что он прогрессивистский, а не наоборот.

Толерантность — явление крайне ограниченное и хрупкое, существующее на определенных условиях участия.

Кто научит студентов критическому мышлению и выходу в метапозицию по отношению к медиасреде, в которой они развивались?

Вклад родителей сводится к критике либо власти, либо «понаехавших».

Необходимо критическое мышление, которое чувствительно к зашифрованной идеологии и является способом подозрения, пониманию того, что нечто навязыв-

вается. Это также заведомо презумпция виновности любого публичного текста, материала, разоблачение его ангажированности. Это также и дискурсивный разбор, выявление языка вражды, например.

Понятие «гендер» и «раса» употребляются в постколониальном дискурсе наряду друг с другом.

Направление постколониализма рассматривает формы угнетения, которое может носить как гендерный, так и национальный характер.

Интересно, что женщины чувствуют себя менее угнетенными, если они угнетают мужчин другой расы.

Постколониализм рассматривает европейскую историю как историю виновности перед малыми этносами, народностями, — тех, кто был на посылках и под сильным влиянием метрополии. Философы данного направления внушают вину такого рода, исследуемый нами опросник занимается тем же самым.

Как чувствуют себя угнетенные? Неоднократно критикуемая, противоречивая, но не разоблаченная посылка Гаятри Спивак звучит следующим образом: мы не можем навязать угнетенным даже наши воззрения на их угнетение [13]. Возможно, мигранты рассматривают свое угнетение немного иначе, чем мы.

Выводы

1. Существующая медиасреда оказывает влияние на аудиторию, создает у исследуемой возрастной группы националистический уклон, который выявил стандартный и одновременно не совсем корректный опросник.

Важно подчеркнуть, что результаты опроса как бы позитивно они не были проинтерпретированы исследователями, являются неоднозначными и требуют пересмотра и обсуждения с использованием не только количественных, но и качественных методов социологии. Также требуется филологическая экспертиза формулировок вопросов.

Анализ опросника, посвященного вопросам толерантности и интолерантности, показал амбивалентность и ангажированность вопросов. Опросник имплицитно предлагает определенную картину мира, лимитированную концепцией «национализм», что не ведет к новым размышлениям и экспликациям, а реконструирует существующий дискурс и усиливает стереотипы.

2. Толерантность возможна как следствие понимания субъектности и инаковости мигранта, что потенциально снизит количество преступлений на почве нетерпимости. Представляется, что если бы в медиапространстве был дан более обширный медиаконтент с историями про мигрантов, то терпимость возросла бы.

3. Критическое мышление и медиаобразование необходимы современной дезориентированной молодежи. Эти компетенции будут способствовать снижению нетерпимости в обществе, будут содействовать интеграции культур — все это то, о чем рadeет проанализированный нами опросник.

4. Мы замечаем противоречия в заявленной мультикультурности опрошенных студентов. С одной стороны, она как будто бы присутствует, с другой — выдвигает определенные условия. Желание, чтобы мигранты не говорили на своих языках в общественных местах, например, или ограничение миграции как таковой. Во всем мире ассимиляция произошла через пережидание поколения. Лучшая инклюзия, адаптированность в сообщество происходит тогда, когда предрассудки устранены. Чем больше об инклюзии беспокоятся, чем больше выдвигаются требований, которые, казалось бы, должны были ее облегчить, — чем больше требуют изучать русский язык, соблюдать верования, участвовать в социальных практиках, — тем хуже инклюзия происходит. Терпимость способствует тому, что инклюзия происходит незаметно и не травматично. На базе продуманного терпимого инклюзивно-

го образования социальные связи между принимающими и прибывающими (инаковыми) могут быть трансформированы.

5. В связи с вышесказанным мы могли бы порекомендовать авторам опросника изменить формулировки вопросов, настроить иную систему оценки, проверить валидность результатов и их релевантность социальной политике, учитывая не только вертикальные, но и горизонтальные связи между социальными акторами.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004.
4. Бурдьё П. Общественное мнение не существует. Париж, 1973.
5. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
6. Васютенкова В. Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной и молодежной среде. СПб. : ГАОУ ДПО «ЛОИРО», 2019.
7. Жеребкина И. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие. Харьков, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19188605> (дата обращения: 12.12.2019).
8. Жирар Р. Критика из подполья. М. : Новое литературное обозрение, 2012.
9. Лотман Ю. М. Семиотика и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.
10. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: Методология анализа и практика исследований. М., 2003.
11. Сосновская А. М. Семиотика и семантика рекламы и связей с общественностью. СПб., 2013.
12. Сосновская А. М. Репрезентация миграции в СМИ и бытовом дискурсе Санкт-Петербурга // Век информации. 2019. Т. 7. № 1. С. 187–195.
13. Спивак Г. Ч. Могут ли угнетенные говорить? Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. СПб., 2019. С. 649–670.
14. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. Париж, 1990.
15. Beck U. World at risk. Cambridge : Polity, 2009.
16. Hall S. (ed.). Culture, media and identities. Representation: Cultural representations and signifying practices. Thousand Oaks, CA, US, 1997.

Об авторе:

Сосновская Анна Михайловна, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук, доцент; sosnovskaia-am@ranepa.ru

References

1. Bauman Z. Individualized Society. M., 2005. (In rus)
2. Berger P., Lukman T. Social Construction of Reality. Tract on the Sociology of Knowledge. M, 1995. (In rus)
3. Bryant J., Thompson S. Basics of Media Impact. M., 2004. (In rus)
4. Burdier P. Public opinion does not exist. Paris, 1973. (In rus)
5. Van Deik T. Discourse and Power: A Representation of Language Dominance and Communication. M., 2013. (In rus)
6. Vasyutenkova V. Harmonization of inter-ethnic relations and prevention of extremist manifestations in education and youth. SPb. : "LOIRO," 2019. (In rus)
7. Zherebkina I. Introduction to Gender Research: Tutorial [Electronic Resource]. Kharkiv, 2001. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19188605/> (In rus)
8. Girard R. Criticism from underground. M. : New literary review, 2012. (In rus)
9. Lotman Yu. M. Semiotics and Film Esthetic Problems. Tallinn, 1973. (In rus)

10. Nazarov M. M. Mass Communication in the Modern World: Methodology of Analysis and Practice of Research. M., 2003. (In rus)
11. Sosnovskaya A. M. Semiotics and semantics of advertising and public relations. SPb., 2013. (In rus)
12. Sosnovskaya A. M. Representation of Migration in Mass Media and Domestic Discourse of St. Petersburg // Century of Information [Vek informatsii]. 2019. V. 7. N 1. P. 187–195. (In rus)
13. Spivak G. Tch. Can the oppressed speak? Introduction to gender studies. Part II. Anthology. SPb., 2019. P. 649–670. (In rus)
14. Champagne P. Make an opinion: a new political game. Paris, 1990. (In rus)
15. Beck U. World at risk. Cambridge : Polity, 2009.
16. Hall S. (ed.). Culture, media and identities. Representation: Cultural representations and signifying practices. Thousand Oaks, CA, US, 1997.

About the author:

Anna M. Sosnovskaya, Associate Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology, Associate Professor; sosnovskaia-am@ranepa.ru

Мао Цзэдун и стратегия народной войны: уроки истории

Ковалев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kovalev-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — выявить и рассмотреть основные черты стратегии народной войны, разработанные Мао Цзэдуном с использованием наследия традиционной китайской философской и политической культуры для победы над японскими регулярными войсками и взятия Коммунистической партией Китая власти в стране.

Методы исследования включают компоненты военно-исторического, историко-логического, политологического и социологического анализа.

Результаты. Выявлены основные стратегические принципы Мао, которые помогли китайским коммунистам не только одержать победу в гражданской войне, но и изгнать войска японской регулярной армии. Мао разработал гибридную стратегию, включавшую элементы партизанской войны. Основным принципом партизанских операций была внезапность, благодаря которой можно было увеличить незначительное силовое преимущество партизан над японцами.

Движущей силой китайской революции Мао считал многомиллионное крестьянство, особенностям менталитета которого он хорошо знал и использовал. Лишь уважение к крестьянству и забота о нем могло, по мнению Мао, принести пользу будущей революции. Мао подробно и убедительно писал о сути, составных элементах и достоинствах своей стратегии, опиравшейся на труды полководцев и мастеров войны прошлых лет, в том числе на положения конфуцианства и трактат «Тридцать шесть стратагем», и имевшую ясную политическую цель. Главным принципом стратегии Мао полагал максимально возможное сохранение своих сил и уничтожение сил противника.

Выводы. История китайской революции подтвердила правоту основных стратегических принципов, разработанных Мао. Мао не только разработал блестящую гибридную стратегию, объединяющую три стратегии подрывной деятельности, истощения врага и его уничтожения, в единую стратегию затяжной народной войны, но также продемонстрировал, как эти стратегии могут быть использованы в совокупности с действиями регулярной армии. Совокупность усилий коммунистов по идеологической обработке далеких от политики народных масс привела к военно-гражданскому сотрудничеству. Народ не только поддерживал освободительную войну под руководством КПК, но и был подготовлен к дальнейшему восприятию идей коммунистической идеологии и правил политической игры.

История революционного движения в 20-м столетии показала правоту многих стратегических идей Мао Цзэдуна, которые были использованы в теории и практике национально-освободительной войны в различных частях света.

Ключевые слова: Мао Цзэдун, партизанская война, стратегия уничтожения, стратегия истощения, коммунистическая идеология, политика

Для цитирования: Ковалев А. А. Мао Цзэдун и стратегия народной войны: уроки истории // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 121–133.

Mao Zedong and the Strategy of the People's War: History Lessons

Andrey A. Kovalev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; kovalev-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

The goal is to identify and review the main features of the people's war strategy developed by Mao Zedong using the legacy of traditional Chinese philosophical and political culture to defeat the Japanese regular troops and take power in the country by the Communist Party of China.

Research methods include components of military-historical, historical-logical, political science and sociological analysis.

Results. The main strategic principles of Mao, which helped the Chinese Communists not only to win the civil war, but also to expel the troops of the Japanese regular army, are revealed. Mao developed a hybrid strategy that included elements of guerrilla warfare. The basic principle of guerrilla operations was the suddenness with which it is possible to increase a slight power advantage over the guerrillas by the Japanese.

Mao considered the driving force of the Chinese revolution to be the multi-million-strong peasantry, whose mentality he knew and used well. Only respect for and concern for the peasantry could, in Mao's opinion, benefit the future revolution. Mao wrote in detail and convincingly about the essence, components and merits of his strategy, which was based on the works of military leaders and masters of war of the past years, including the provisions of Confucianism and the treatise "Thirty-six stratagems", and had a clear political goal. The main principle of the strategy Mao believed the maximum possible preservation of their forces and the destruction of enemy forces.

Conclusions. The history of the Chinese revolution confirmed the correctness of the main strategic principles developed by Mao. Mao not only developed a brilliant hybrid strategy that combines the three strategies of Subversion, enemy depletion, and destruction into a single strategy of protracted people's war, but also demonstrated how these strategies can be used in conjunction with the actions of the regular army. The combined efforts of the Communists to indoctrinate the masses far from politics led to civil-military cooperation. The people not only supported the liberation war under the leadership of the CCP, but were also prepared to further accept the ideas of the Communist ideology and the rules of the political game.

The history of the revolutionary movement in the twentieth century showed the correctness of many of Mao Zedong's strategic ideas, which were used in the theory and practice of the national liberation war in various parts of the world.

Keywords: Mao Zedong, guerrilla warfare, the strategy of annihilation and strategy of exhaustion, Communist ideology, politics

For citing: Kovalev A. A. Mao Zedong and the Strategy of the People's War: History Lessons // Administrative consulting. 2020. N 2. P. 121–133.

Введение

В 2019 г. исполнилось 70 лет провозглашения Китайской Народной Республики, выбравшей после победы левых сил под руководством Мао Цзэдуна в затяжной гражданской войне и успехов в борьбе с японскими захватчиками путь построения азиатского варианта социализма.

Интерес к восточной культуре у нас в России, находящейся на стыке восточных и западных культурных магистралей, был традиционно велик. Китай — наш сосед, а в нашу эпоху глобализации, насильственно проводимой по американским рецептам, Китай и китайская культура воспринимаются как возможный действенный антипод Западу, некая духовная альтернатива, могущая противостоять американской экспансии.

Во второй половине 40-х гг. Китай находился в состоянии перманентного брожения с момента свержения цинской династии в 1912 г. Особых территориальных потерь Китай не понес, но политической стабильности и социального прогресса в стране не наблюдалось. Пребывание у власти партии Гоминьдан никогда не представлялось политической константой для китайского народа. Все результаты экономического прогресса, которого добилась страна на протяжении республиканской эпохи в 1941–1949 гг., оказались сведенными к нулю вследствие долгой и жесто-

ченной войны с Японией. Народ пребывал в состоянии вечной нищеты. Голод и болезни стали постоянным явлением в многомиллионной стране.

Теоретическую базу для экспериментов с земельной реформой и «вхождения» крестьян в социализм коммунисты готовили с 20-х гг. Под влиянием коммунистов находились густонаселенные области, которые поддерживали аграрные идеи Коммунистической партии Китая. Коммунисты допустили немало ошибок в аграрной политике до прихода к власти, когда они казнили землевладельцев и жгли храмы, но в 40-е гг. их политика стала более умеренной, в том числе и в глазах крестьянства.

Режим Чан Кайши все более утрачивал свою популярность, приобретая все больше врагов и теряя сторонников. Коммунисты смогли пережить репрессии, инспирированные гоминдановцами, в то время обладавшими превосходящими силами. Китайские коммунисты постепенно наращивали военную мощь, в чем не последнюю роль играла четко выверенная стратегия партии под руководством Мао — энергичного и харизматического лидера, которого в крестьянской среде воспринимали как небожителя.

Цель

В статье будут рассмотрены основные черты разработанной Мао Цзэдуном стратегии народной войны, базировавшейся на традиционной китайской философской и политической культуре, и которая в значительной степени помогла китайским коммунистам победить японских интервентов, захватить власть и провозгласить 1 октября 1949 г. Китайскую Народную Республику.

Методы

При написании этой работы применяются методы историко-логического, военно-исторического, политологического и социологического анализа.

Результаты и обсуждение

Философские и социокультурные основания стратегии Мао

Мао Цзэдун родился в крестьянской семье в сельской местности провинции Хунань в 1893 г. Несмотря на это Мао получил хорошее образование по стандартам того времени. У него была поистине неутолимая страсть к чтению, которую он сохранил на протяжении всей своей жизни, изучая, в том числе, самостоятельно труды специалистов по военной стратегии, включая «Искусство войны» Сунь Цзы, трактат «Тридцать шесть стратагем» и работы Клаузевица, которых он часто цитировал. Например, Мао часто цитировал Сунь Цзы, Клаузевица и Ленина.

Он также изучал военную историю, анализируя военные операции в прошлых войнах, для того чтобы понять, что сделало их успешными, а что привело к неудачам. В 1937 г. Мао писал о партизанской войне (также известной как *Юй Чи Чан*), а затем о проблемах стратегии в партизанской войне против Японии и о затяжной войне в 1938 г., в которой он сформулировал стратегию, которую китайцы должны использовать против японцев во второй китайско-японской войне [5]. Трехэтапная стратегия, которую он разработал, в равной степени применима к его войне против буржуазной партии Гоминьдан, которая велась Коммунистической партией Китая позднее, и других революционных сражений коммунистов со схожими условиями во всем мире.

В самом начале своей политической деятельности, еще до войны с Японией, Мао понял, что коммунистическая революционная стратегия, изложенная деятеля-

ми Интернационала в Москве, не сработает в Китае. Промышленные рабочие в этой гигантской стране не были угнетенным классом. Впрочем, и в России В. И. Ленин взял на вооружение чисто западноевропейскую теорию о грядущей диктатуре пролетариата, применив ее в крестьянской стране, где промышленного пролетариата было очень мало (статистика варьирует от 3 до 10% от общего населения страны), а экономика которой была по преимуществу аграрно-индустриальной.

И в Китае Мао обращался скорее к 400 млн крестьян, многие из которых были безземельными и едва могли выжить. В своем Докладе 1927 г. «О расследовании крестьянского движения в Хунани»¹ Мао защищал крестьянина, а не рабочего, именно как двигатель коммунистической революции в Китае. Ни для России, ни тем более для полуфеодального Китая не подходили слова Маркса и Энгельса из первой части «Манифеста Коммунистической партии»: «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» [13].

В. И. Ленин всю сознательную жизнь революционера и политика, как и Маркс, не знал и в какой-то мере презирал крестьянство вследствие его собственнических инстинктов. Не так было у Мао — выходца из крестьянской среды. Поэтому он пресекал все разговоры, направленные против крестьянского движения и его эффективности. Все ошибочные меры, принятые революционной властью в отношении крестьянского движения, должны быть, по мнению Мао, быстро и решительно исправлены.

Мао верил, что лишь уважение к крестьянству и забота о нем могут принести пользу будущей революции. Революция была немыслима без подлинного подъема крестьянского движения. В очень короткое время в центральных, южных и северных провинциях Китая несколько сотен миллионов крестьян поднимутся, как могучая буря, как ураган — сила настолько быстрая и яростная, что никакая сила, какой бы великой она ни была, не сможет ее удержать. Мао писал, что они разобьют все связывающие их оковы и устремятся вперед по пути к свободе. Именно крестьянство выроет могилы для всех империалистов, полевых командиров, коррумпированных чиновников, местных тиранов и озлобленных дворян. Каждая революционная партия и каждый революционный товарищ будут подвергнуты испытаниям, которые покажут, подходят ли они для дела революции или нет [4].

Для революционера есть три варианта поведения с народом. Во-первых, можно идти впереди и вести массы за собой. Во-вторых, можно отстать от народа, лишь жестикулируя и беспочвенно его критикуя. В-третьих, можно даже встать на пути народных масс и противостоять им. Каждый китаец свободен в выборе, но сами события заставят революционера сделать выбор быстро.

Будучи вначале намеренно гипертрофированной по сиюминутным политическим причинам, вера Мао в крестьянство в конечном итоге окажется обоснованной. Мао понял, что эта огромная, лишенная всех прав людская масса созрела для использования в политических интересах. Однако после некоторых первоначальных спорадических успехов и неудач в партизанской войне коммунистическая революция в Китае была приостановлена, когда японцы в страну вторглись в июле 1937 г.

Прогнозы Мао по поводу военного потенциала Китая в войне против японцев были довольно взвешенными и осмотрительными. Его общая оценка была столь же нелестной, сколь одновременно и точной. В то время как крестьяне снова должны были сыграть важную роль в его стратегии, он хорошо знал об асимметричном невыгодном положении Китая в борьбе с более развитыми в военном

¹ Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань [Электронный ресурс]. URL: http://library.maoism.ru/report_on_Hunan.htm (дата обращения: 12.12.2019).

и политическом отношении японцами. Он оценил перспективы Китая в возможном столкновении с японским агрессором таким образом: «Китай — страна полуколониальная и полуфеодалная. Это страна, которая является отсталой в политическом, военном и экономическом отношении. Это неизбежный вывод. Это — огромная страна с огромными ресурсами и огромным населением, страна, в которой рельеф местности сложный, а средства связи плохие. Все эти факторы благоприятствуют затяжной войне. Все они благоприятствуют ведению мобильной войны и партизанских операций» [12].

Мнения китайских лидеров о том, как бороться с японскими захватчиками, разделились. Многие политики предпочли регулярную войну профессиональной армии против армии врага. Основываясь на своей оценке ситуации, Мао, однако, выступал за гибридную стратегию, которая включала партизанскую войну. Стремясь убедить других принять эту стратегию, Мао подробно и убедительно писал о сути, составных элементах и достоинствах своей стратегии. Хорошо знакомый с трудами полководцев и мастеров войны прошлых лет, Мао начал с политической цели, которую он описал как «основной политический принцип войны сопротивления Китая против Японии, т. е. его политическая цель — изгнать японский империализм и построить независимый, свободный и счастливый новый Китай» [1]. Для достижения этой цели он отметил, что существует только один основной руководящий принцип, из которого вытекают все остальные, и который имеет первостепенное значение в войне против японцев — «стремиться к максимальному сохранению своих сил и уничтожению сил противника» [12].

Шесть дополнительных принципов стали поддержкой его основного принципа: (1) использование инициативы, гибкости и планирования при проведении наступательных операций в обороне и сражениях в условиях затяжной войны и операций на внешней линии в рамках военных действий во внутренней линии; (2) координация с действиями регулярных войск; (3) создание базовых зон сопротивления; (4) стратегическое оборонительное и стратегическое наступление; (5) превращение партизанской войны в мобильную войну; (6) грамотное и профессиональное командование [9]. Эти принципы свидетельствуют о той новизне, которую внес Мао в стратегию военных действий.

Мао не только объяснил свои шесть принципов, но и сделал это в терминах традиционной китайской философии «Инь и Ян», что, возможно, оценил бы даже Сунь Цзы. Описывая «взаимосвязь между защитой и наступлением, между неторопливостью и быстротой принятия решений, а также между внутренними и внешними линиями», Мао так объяснил достоинства своей гибридной стратегии: «Силы противника, хотя и значительные (в оружии, в определенных качествах своих людей и некоторых других факторах), численно все же малы, тогда как наши силы, хотя и слабые ..., численно очень велики. В дополнение к тому факту, что враг — это инопланетная нация, вторгающаяся в нашу страну, в то время как мы противостоям его вторжению на нашу собственную землю, это определяет следующую стратегию. Возможно и необходимо использовать тактические наступательные действия в рамках стратегической обороны, вести кампании и сражения с быстрым решением в рамках стратегически затяжной войны и вести кампании и сражения на внешних линиях внутри стратегически внутренних линий. Такова стратегия, которая будет принята в войне Сопротивления в целом. Это справедливо как для обычной, так и для партизанской войны. Партизанская война отличается только по степени и форме. Наступления в партизанской войне обычно принимают форму внезапных атак. Хотя внезапные атаки могут и должны использоваться в обычной войне, степень неожиданности меньше. В партизанской войне необходимость оперативного решения операций очень велика, а наше внешнее кольцо окружения противника в кампаниях и сражениях очень мало. Все это отличает данную стратегию от обычной войны» [16].

В своей стратегии гибридной войны Мао использовал знаменитые 36 китайских стратагем, являющихся важной частью военной, философской и политической культуры Поднебесной. Само слово «стратегема» происходит от древнегреческого *strategema*, что означает военное дело в целом и военную хитрость в частности. Первое упоминание «Тридцати шести стратагем» можно найти в труде «История династии Южная Ци». Сама династия правила в 479–502 гг.

Китайские стратагемы во многом схожи с той мудростью, которую традиционно причисляют к прафилософии. Житейские советы стратагем напоминают как изречения семи легендарных греческих мудрецов, так и сокровища народной мудрости, выраженные в разнообразных пословицах и поговорках народов мира: «Притворяться глупцом, не теряя головы», «Заманить на крышу и убрать лестницу», «Выкрасть балки и подменить колонны, не передвигая дома», «Дружить с дальним и воевать с ближним», «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею», «Мутить воду, чтобы поймать рыбу», «Чтобы поймать разбойников, надо прежде поймать главаря» [18]. В своей реальной политической деятельности Мао неоднократно следовал духу 36 стратагем.

Разумеется, в Европе чаще всего воевали и конфликтовали с «открытым забралом». В Китае все происходило по-другому. Разумеется, можно привести многочисленные примеры европейской хитрости и подлости, не забывая о Макиавелли, политиках XX в. и деятельности христианской церкви за все века ее существования. И все же внимательное изучение стратагем оставляет несколько неприятное чувство, а некоторые из них воспринимаются как советы в настольной книге подлеца.

Но некоторые культуры сложно понять представителю другой культурной традиции. При всем многообразии примеров сходства мышления европейцев и китайцев, определенные вещи в стратагемах принять невозможно как христианину, так и мусульманину как адептам «авраамических» религий. Порой культуры развиваются обособленно и не имеют точек сопересечения, совсем как параллельные прямые в геометрии Евклида. Разумеется, этого нельзя сказать о китайских стратагемах в полной мере. Они не полностью чужды сознанию культурного европейца, но в этическом плане оставляют все же впечатление некоей чужеродности и даже враждебности.

Используя не только восточную, но и европейскую военную мудрость, Мао разделил свою всеобъемлющую стратегию затяжной войны против японцев и Гоминьдана на три взаимосвязанных и взаимозависимых этапа: стратегический оборонительный, стратегический тупик (подготовка к контрнаступлению) и контрнаступление. Эти этапы были специально разработаны для противодействия вражеским этапам стратегического наступления, консолидации и стратегического отступления соответственно [8].

Первый этап военной стратегии Мао состоял из политической и военной мобилизации народа посредством подрывной деятельности и ограниченных боевых действий в форме мобильной войны, дополненной партизанской и позиционной войной. Мао считал мобилизацию ключевой особенностью первого этапа затяжной войны: «Этот шаг имеет решающее значение. Он действительно имеет первостепенное значение, в то время как наша неполноценность в области оружия и других вещей является лишь второстепенной. Мобилизация простого народа по всей стране создаст огромное море, в котором утонет враг, создаст условия, которые восполнят нашу неполноценность оружием и другими вещами, создаст предпосылки для преодоления всех трудностей войны. Чтобы одержать победу, мы должны продолжать войну Сопротивления — на едином фронте и в затяжной войне. Но все это неотделимо от мобилизации простого народа. Желать победы и в то же время пренебрегать политической мобилизацией — все равно что желать «ехать на юг, ведя колесницу на север», и результатом неизбежно будет потеря победы» [3].

По мнению Мао, политическая мобилизация должна быть тотальной не только с точки зрения охвата всего населения, но и с точки зрения масштабов политической пропаганды и средств ее распространения.

Мао задавался вопросом, что означает политическая мобилизация. Во-первых, это значит честно и доходчиво рассказать армии и народу о политической цели войны. Каждому солдату и гражданскому населению необходимо понять, почему нужно вести войну и как это касается его как мыслящую личность. Политическая цель войны — «вытеснить японский империализм и построить новый Китай свободы и равенства». Мы должны объявить эту цель всем, всем солдатам и гражданскому населению, прежде чем мы сможем создать антияпонский подъем и объединить сотни миллионов людей, чтобы внести свой вклад в войну. Во-вторых, недостаточно просто объяснить им цель; конкретные шаги и политика для достижения этой цели также должны быть даны, то есть должна быть политическая программа. У нас уже есть Программа противостояния Японии и спасения нации, состоящая из десяти пунктов, а также Программа вооруженного сопротивления и национального восстановления. Мы должны популяризировать две программы в армии и среди народа и мобилизовать всех на их выполнение. Без четкой, конкретной политической программы невозможно мобилизовать все вооруженные силы и весь народ, чтобы довести войну против Японии до конца. В-третьих, как мы должны их мобилизовать? Из уст в уста, через листовки и бюллетени, из газет, книг и брошюр, через пьесы и фильмы, через школы, через массовые организации и через наши кадры. То, что было сделано до сих пор в районах Гоминьдана — это всего лишь капля в море, и, кроме того, это было сделано таким образом, что оно не соответствует стремлениям и чаяниям людей и в духе, совершенно неуместном для них. Это должно быть радикально изменено. В-четвертых, одной мобилизации недостаточно. Политическая мобилизация для войны Сопротивления должна быть непрерывной. Наша работа не состоит в том, чтобы рассказывать людям нашу политическую программу, потому что никто не будет слушать такие декламации. Мы должны связать политическую мобилизацию для войны с событиями в самой войне и с жизнью солдат и людей и сделать ее непрерывным движением. Это вопрос огромной важности, от которого в первую очередь зависит наша победа в войне [3].

Как заметил американский политолог и синолог Бенджамин Шварц (1916–1999), стратегия Мао включала «навязывание политической партией, организованной в соответствии с ленинскими принципами и воодушевленной верой в основные принципы марксизма-ленинизма, своих принципов чисто крестьянской массе» [19].

Мао смог объединить коммунистическую идеологию с реальными потребностями людей, используя пропаганду, тщательно объединяя обиды, выраженные в эзотерических призывах интеллигенции и масс, с идеологическими дополнениями, обещанными в эзотерических призывах коммунистов. Как позже сказал Мао: «Во всей практической работе нашей партии все правильное руководство обязательно движется «от масс к массам». Это означает: взять чаяния и идеи масс (чаще всего рассеянные и бессистемные) и сконцентрировать их (посредством изучения превратить их в концентрированные и систематические концепции), затем идти в массы и пропагандировать и объяснять эти идеи, пока массы не примут их как свои собственные. Придерживайтесь их и воплощайте в действия, проверяйте правильность этих идей в таких действиях. Затем снова сконцентрируйте идеи в массах и снова отправляйтесь в массы, чтобы идеи были сохранены и реализованы. И так далее, снова и снова по бесконечной спирали, с каждым разом идеи становятся все правильнее, жизненнее и богаче. Такова марксистская теория познания» [17].

Посредством политической идеологической обработки и получения народной поддержки вследствие более гуманного обращения с некомбатантами, Мао расширил

политическую мобилизацию, чтобы превратить свою всеобъемлющую стратегию «затяжной войны» в «затяжную народную войну». Чтобы установить и поддерживать это «единство духа» между войсками и местными жителями, Мао установил «Три правила и восемь замечаний» для общения регулярной армии с гражданским населением [15].

Правила

1. Все действия подчиняются команде.
2. Не воруй у людей.
3. Не быть ни эгоистом, ни несправедливым.

Замечания

1. Закрывайте дверь, когда вы выходите из дома.
2. Сверните постель, на которой вы спали.
3. Будьте вежливы.
4. Будьте честны в своих сделках.
5. Возвращайте то, что вы занимаете.
6. Возмещайте то, что вы ломаете.
7. Не купайтесь в присутствии женщин.
8. Не обыскивайте карманы тех, кого намереваетесь арестовать.

Здесь видно влияние этики традиционного конфуцианства, которое не сошло с государственно-политической и культурной сцены современного Китая, став основой не только для многих идей Мао, но и трех народных принципов Сунь Ят-сена (национализм, народовластие, народное благосостояние). Комплексность усилий по политической и идеологической обработке и военно-гражданскому сотрудничеству, предпринятых Мао, была такова, что она не только подтолкнула народ к поддержке войны, но и к дальнейшему восприятию идей коммунистической идеологии и правил политической игры.

Политическая мобилизация была также основой, на которой строилась партизанская война. В то время как Мао объединял мобильную и позиционную войну с партизанской войной на первом этапе, его основной целью было создание потенциала партизанской войны. Мао описал партизанскую войну как «оружие, которое страна, уступающая в вооружении и военной технике, может использовать против более сильной страны-агрессора». В партизанской войне «местность, климат и общество в целом» использовались в качестве препятствий для сопротивления и победы над врагом. Мао описал это, используя традиционные принципы «Инь и Ян»: «В партизанской войне выбирайте такую тактику, чтобы казалось, что вы пришли с востока и атакуете с запада. Избегайте твердого тела, атакуйте впадину. Атакуйте, отступайте. Наносите удар молнией, ищите молниеносное решение. Когда партизаны вступают в бой с более сильным противником, они отступают, когда он приближается. Преследуют его, когда он останавливается. Бьют его, когда он устал. Преследуют его, когда он отступает» [11].

Стратегия народной войны Мао

С точки зрения стратегии, Мао описал партизанскую войну как «основанную прежде всего на бдительности, мобильности и нападении». В партизанской войне тыл, фланги и другие уязвимые места противника были ключевыми военными целями, которые «преследовались, атаквались, рассеивались, истощались и уничтожались».

Внезапность была основным принципом партизанских операций, в большей степени, чем в обычной войне. Только благодаря внезапности можно было быстро принять решение о проведении операции, учитывая незначительные преимущества местных партизан над японцами.

Из-за своего рассеянного характера партизанская война может вспыхивать и расширяться повсюду, и во многих ее задачах, таких как преследование, сдерживание

и разрушение противника, а также в массовой работе, главный ведущий принцип состоит в рассеивании сил. Партизанский отряд должен сконцентрировать свои основные силы, когда он занят уничтожением противника, и особенно когда он пытается отразить вражескую атаку. «Сосредоточение больших сил для удара по небольшому отряду вражеских сил» остается принципом полевых операций в партизанской войне. Этот принцип Мао впоследствии успешно будет использоваться в национально-освободительных войнах 20-го столетия.

Мобильная война была также ключевой особенностью на первом этапе затяжной войны. Мао описал мобильную войну как «наступательную войну быстрого решения на внешних линиях в кампаниях и сражениях в рамках стратегии внутренних линий, затяжной войны и обороны». Мобильная война — это форма, в которой регулярные армии ведут наступательные кампании для максимально быстрого результата и сражаются на внешних линиях вдоль обширных фронтов и на больших площадях операций. В то же время она включает «мобильную оборону», которая проводится, когда это необходимо для содействия таким наступательным боям. Это также включает в себя позиционную атаку и позиционную защиту как дополнительное средство.

На первом этапе затяжной войны, как в партизанских, так и в мобильных операциях, в битву можно было вступать только тогда, когда китайцы имели численное превосходство при условиях, подходящих для внезапного нападения, и ожидаемый результат, по оценкам, мог быть достигнут довольно быстро. Мао писал: «[Мы] должны не только использовать большие силы против малых и действовать снаружи против внутренних линий, но и следовать политике поиска быстрых решений. В общем, чтобы добиться быстрого решения, мы должны атаковать движущегося, а не неподвижного противника. Мы должны сосредоточить большие силы под прикрытием заранее вдоль маршрута, который враг обязательно примет, и, пока он находится в движении, внезапно наступать, чтобы окружить и атаковать его, прежде чем он узнает, что происходит, и таким образом быстро завершить битву. Если мы сражаемся хорошо, мы можем уничтожить всю вражескую силу или большую ее часть, или какую-то ее часть, и даже если мы сражаемся не так хорошо, мы все равно можем нанести тяжелые потери. Это относится к любой из наших битв. Если бы каждый месяц мы могли одержать одну значительную победу, например, в Пинсингуане или Тайерхчуане, не говоря уже о большем, это сильно деморализовало бы врага, стимулировало бы мораль наших собственных сил и вызывало международную поддержку. Таким образом, наша стратегически затяжная война превращается на местах в битвы с быстрым результатом. Война стратегически быстрых действий противника должна превратиться в затяжную войну после того, как он потерпел поражение во многих кампаниях и сражениях» [10].

Мао также считал позиционную войну необходимой на первом этапе, но стратегически вспомогательной и вторичной по отношению к партизанской и мобильной войне. Мао описал позиционную войну с точки зрения нападения и защиты фиксированных позиций и стратегических пунктов, чтобы включить «оборонительные работы с глубокими траншеями, высокими крепостями и последовательными рядами оборонительных позиций». Позиционная война была работой армии, требующей применения более сложных боеприпасов, чем могли бы предоставить относительно необученные партизанские силы до более позднего периода войны, когда большая подготовка и опыт, большее количество личного состава, более иерархическая организация и лучшее оружие, обеспеченное внешней поддержкой, увеличили их боеспособность.

Рост политически мобилизованного населения на первом этапе затяжной войны привел к тому, что партизанская война превратилась в очень действенный вид боевых действий на втором этапе стратегического тупика, дополненного мобильной и позиционной войной. Мао описал свое видение того, как партизанская война

развернется на втором этапе затяжной войны следующим образом: «За исключением войск, занятых фронтальной обороной против врага, наши силы будут переброшены в большом количестве в тыл врага в сравнительно рассредоточенных диспозициях, и, опираясь на все районы, фактически не занятые врагом, и координируясь с местными народными вооруженными силами, они начнут обширную, ожесточенную партизанскую войну против оккупированных врагом районов, удерживая врага в движении как можно дальше, чтобы уничтожить его в мобильной войне... Боевые действия на втором этапе будут беспощадными, и страна понесет серьезные разрушения. Но партизанская война будет успешной, и если она будет хорошо вестись, то противник сможет удержать только около трети своей оккупированной территории, а оставшиеся две трети — в наших руках, и это будет большим поражением для врага... На втором этапе нам придется решительно призвать всю страну к сохранению единого правительства, нам придется противостоять расколам и систематически совершенствовать боевые приемы, реформировать вооруженные силы, мобилизовать весь народ и подготовиться к контрнаступлению...» [11].

На третьем и последнем этапе стратегического наступления Мао увидел, как Китай переходит от преимущественно партизанской войны к мобильной войне, чтобы вернуть утраченные территории. Тем не менее, Мао осознал, что Китай слишком слаб, чтобы сражаться с Японией в одиночку, и для его преодоления потребуются союзники. Он предвидел, что потребуются переход от оборонительной борьбы вдоль стратегически внутренних линий к наступательной борьбе по стратегически внешней линии. Чисто партизанская война должна отойти в прошлое, чтобы обеспечить стратегическую функцию поддержки, лишь дополняя мобильную и позиционную войну.

Что касается используемой стратегии, Мао разработал смешанную стратегию, которая на третьем этапе одновременно включала стратегии подрывной деятельности, истощения и уничтожения. При описании политической мобилизации Мао эффективно изложил механику стратегии подрывной деятельности, хотя он никогда не использовал этот термин. Мао был совершенно ясен в своем объяснении стратегий истощения и уничтожения, объясняя их связь следующим образом: «Начнем с того что мы можем сказать, что антияпонская война — это война истощения и уничтожения. Зачем? Поскольку враг все еще использует свою силу и сохраняет стратегическое превосходство и стратегическую инициативу, и поэтому, если мы не будем вести кампании и битвы, направленные на уничтожение, мы не сможем эффективно и быстро сократить его силу и сломить его превосходство и инициативу. У нас все еще есть свои слабости, и мы еще не избавились от стратегической неполноценности и пассивности. Поэтому, если мы не будем бороться с кампаниями и битвами уничтожения, мы не сможем выиграть время, чтобы улучшить наше внутреннее и международное положение и изменить нашу неблагоприятную позицию. Следовательно, кампании уничтожения являются средством достижения цели стратегического [истощения]. В этом смысле война уничтожения — это война истощения. Главным образом, используя метод [истощения] путем уничтожения, Китай может вести затяжную войну» [2].

Общая оценка Мао как стратега

Затянувшаяся стратегия народной войны Мао оказалась эффективной не только для того, чтобы помочь китайским коммунистам победить японцев, но и в конечном итоге захватить власть в Китае, победив президента Чан Кайши (1887–1975) и возглавляемую им партию Гоминьдан. Это была стратегия, которую также можно было экспортировать во многие другие коммунистические революционные движения. История революционного движения в 20-м столетии показала правоту многих

стратегических идей Мао, популярность которого была высока даже среди сытого европейского студенчества в 60-е годы [6].

Мао не только разработал блестящую гибридную стратегию, объединяющую три стратегии подрывной деятельности, истощения и уничтожения, в единую и затяжную народную войну, но также продемонстрировал, как эти стратегии могут быть использованы в совокупности с действиями регулярной армии.

Мао находился у власти до самой смерти, последовавшей 9 сентября 1976 г. Несмотря на недостатки как политического лидера, Мао был выдающимся стратегом, возможно, даже лучшим в истории XX в. В 1947 г. американцы покинули Китай, избавив страну от чужеземного присутствия. К началу декабря 1948 г. произошел распад всех крупных группировок войск Гоминьдана на материковой части страны, а генералиссимус Чан Кайши занял остров Тайвань, тем самым внося свой вклад в одну из характерных политических тенденций 20-го столетия — разделение единой нации и создание государственных образований с разным общественно-политическим укладом (Северный и Южный Вьетнам, Северная и Южная Корея, Восточная и Западная Германия). Церемония провозглашения КНР ознаменовала появление в мире коммунистического государства с самым многочисленным населением [14].

Политическая история Китайской Народной Республики знала много успехов и поражений, страшных преступлений и выдающихся достижений. «Культурная революция» 60-х годов стала одной из позорных страниц в истории мирового социализма, как и репрессии конца 30-х годов в СССР. Но в то время как наша страна испытывала колоссальные проблемы в годы «перестройки», которая с годами все в большей степени воспринимается как акт национального предательства, приведший к гибели великой исторической России в форме Советского Союза, Китай в процессе реформ Дэна Сяопина начал превращаться в мощную державу. Цивилизационный потенциал КНР ныне чрезвычайно велик, ибо руководители этой страны смогли диалектически совместить лучшее из плановой экономики социализма и его социальные достижения и элементы рыночной экономики.

Жизнь и теоретическое наследие Мао продемонстрировали, что социализм — не только красивая утопия, это — объективная реальность, которую можно достигнуть разнообразными путями и воплотить в самых различных формах. В социализме как более передовой по сравнению с капитализмом общественно-экономической формации сокрыт мощный созидательный потенциал. Мечты о справедливом общественном устройстве не только имеют право на существование, но и могут быть реализованы. В этом главный урок истории социалистического Китая, вдохновленного идеями Мао.

И сама личность Мао Цзэдуна как вождя китайской революции и руководителя КНР не только не подвергается ожесточенным нападкам в современном Китае, как это происходит в нашей стране с грандиозной фигурой И. В. Сталина, но наследие его, базирующееся на синтезе традиционной китайской культуры и классического марксизма, тщательно изучается и пропагандируется, в том числе и его работы по военной стратегии, которые до наших дней сохранили свой революционный потенциал и социокультурное значение [7].

Литература

1. Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун и его наследники. М. : Международные отношения, 1979.
2. Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэна. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002.
3. Бутенко А. П. Как изменялась социально-классовая природа коммунистической власти в странах Европы и Азии : науч. докл. М. : Эпикон, 2002.
4. Владимиров О. Е., Рязанцев В. И. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М. : Политиздат, 1980.

5. *Вяземский Ю. П.* От Кира Великого до Мао Цзэдуна. Юг и Восток в вопросах и ответах. М. : АСТ, 2015.
6. *Галенович Ю. М.* Призрак Мао. М. : Время, 2002.
7. *Галенович Ю. М.* Сталин и Мао. Два вождя. М. : Восточная книга, 2009.
8. *Дельнов А. А.* Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна. М. : Алгоритм, 2013.
9. *Мао Цзэдун.* Автобиография; Стихи. М. : Рубежи XXI века, 2008.
10. *Мао Цзэдун.* Вожди народов. XX век. Китай: Революция и строительство в Китае: Ст. и выступления. М. : Общество дружбы и сотрудничества с зарубеж. странами, 2002.
11. *Мао Цзэдун.* Красная книжца: [ненасытно учиться самому, неутомимо учить других]. М. : Эксмо-Пресс, 2017.
12. *Мао Цзэдун.* Сборник высказываний. М. : ОЛМА-Пресс, 2000.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Т. 4. М. : Издательство политической литературы, 1955.
14. *Поликарпов В. С., Поликарпова Е. В.* Красный дракон. Китай между Америкой и Россией. От Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина. М. : Алгоритм, 2016.
15. *Смирнов Д. А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М. : ИДВ РАН, 2005.
16. *Сухарчук Г. Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в.: сравнительный анализ. М. : Наука, 1983.
17. *Федоров И. Ф., Зубаков В. Г.* Членство в КПК. Как строилась партия «идей Мао Цзэдуна». М. : Издательство политической литературы, 1980.
18. *Зенгер Х. фон.* «Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать». М. : Эксмо, 2004.
19. *Schwartz Benjamin I.* Chinese Communism and the Rise of Mao. Harvard University Press, 2013.

Об авторе:

Ковалев Андрей Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, kovalev-aa@ranepa.ru

Reference

1. Burlatskiy F.M. Mao Zedong and his heirs. Moscow: International Relations, 1979. 400 p. (In rus)
2. Burlatskiy F.M. Mao Zedong, Jiang Qing and Councillor Deng. Moscow: EKSMO-Press, 2002. 378 p. (In rus)
3. Butenko A. P. How the social and class nature of communist power in the countries of Europe and Asia changed: scientific report. Moscow: Epicon, 2002. 72 p. (In rus)
4. Vladimirov O. E., Ryazantsev V. I. Pages of the political biography of Mao Zedong. Moscow: Politicizdat, 1980. 127 p. (In rus)
5. Vyazemsky Yu. P. From Cyrus the Great to Mao Zedong. South and East in questions and answers. Moscow: AST, 2015 352 p. (In rus)
6. Galenovich Yu. M. Ghost Mao. Moscow: Time, 2002. 202 p. (In rus)
7. Galenovich Yu. M. Stalin and Mao. Two leaders. Moscow: Eastern Book, 2009. 574 p. (In rus)
8. Delnov A. A. Chinese Empire. From Son of Heaven to Mao Zedong. Moscow: Algorithm, 2013. 560 p. (In rus)
9. Mao Zedong. Autobiography; Verses. Moscow: Borders of the XXI century, 2008. 222 p. (In rus)
10. Mao Zedong. Leaders of the people. The 20th century. China: Revolution and construction in China: Articles and speeches. Moscow: Society of Friendship and Cooperation with Foreign Countries, 2002. 527 p. (In rus)
11. Mao Zedong. Red book: [it is insatiable to learn yourself, tireless to teach others]. Moscow: Eksmo-Press, 2017. 152 p. (In rus)
12. Mao Zedong. Collection of statements. Moscow: OLMA-Press, 2000. 190 p. (In rus)
13. Marx K., Engels F. Collection of Writings. V. 4. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1955. 638 p. (In rus)
14. Polycarpov V. S., Polycarpova E. V. Red Dragon. China between America and Russia. From Mao Zedong to Xi Jinping. Moscow: Algorithm, 2016. 432 p. (In rus)

15. Smirnov D. A. Ideological-political aspects of China 's modernization: from Mao Zedong to Deng Xiaoping. MOSCOW: IFE RAS, 2005. 323 p. (In rus)
16. Sukharchuk G. D. Socio-economic views of China 's political leaders of the first half of XXth century: comparative analysis. Moscow: Science, 1983. 227 p (In rus)
17. Fedorov I. F., Zubakov V. G. Membership in CPC. How the «Mao Zedong ideas» party was built. Moscow: Political Literary Publishing House. 144 p. (In rus)
18. Zenger H. von. "Stratagems. About Chinese art to live and survive". Moscow: Eksmo, 2004. 512 p. (In rus)

About the author:

Andrey A. Kovalev, Associate Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in political science; kovalev-aa@ranepa.ru

Geopolitical Analysis of the Crimean Peninsula and the Black Sea in the Context of Turkish-Russian Energy Policy

Fatih Gide

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; gidefatih@gmail.com

ABSTRACT

The introductory paragraphs of the article consider the historical approach to how important the black sea and Crimea are in geopolitical terms, which became more important after the eighteenth century. In addition, the main issue that was studied in the article; the Maritime geopolitics of the black sea and Crimean peninsulas in accordance with the new situation that arose as a result of the annexation of Crimea to Russia after the referendum, as well as the state of Turkey's energy needs and how the issue of energy security will be resolved in the future. Although Turkey has two important waterways, such as the Straits of Istanbul and the Dardanelles, it has been appreciated why it cannot turn this superiority into some kind of advantage. The data used in the article is usually based on official reports published by government agencies. The point from which mutual trade relations between Turkey and Russia originate, through gas pipelines, and the benefits and harms of the situation are discussed. Both in the Black sea and partly in the Eastern Mediterranean, gas exploration operations are underway; their reflection in Turkish foreign policy has been deconstructed. Questions such as how much natural gas Turkey needs per year and which countries import gas that needs it were discussed with the data.

Keywords: geopolitics, Turkey, Russia, energy, security, Black Sea, Crimea

For citing: *Gide F.* Geopolitical Analysis of the Crimean Peninsula and the Black Sea in the Context of Turkish-Russian Energy Policy // Administrative consulting. 2020. No. 2. P. 134–147.

Геополитический анализ Крымского полуострова и Черного моря в контексте турецко-российской энергетической политики

Гиде Ф.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; gidefatih@gmail.com

РЕФЕРАТ

Во вводных параграфах статьи рассматривается исторический подход к тому, насколько важным в геополитическом плане является Черное море и Крым, которые стали более важными после восемнадцатого века. Кроме того, основной вопрос, который был изучен в статье, морская геополитика Черноморского и Крымского полуостровов в соответствии с новой ситуацией, которая возникла в результате присоединения Крыма к России после проведенного референдума, а также состояние энергетических потребностей Турции и как будет решаться вопрос энергетической безопасности в будущем. Несмотря на то, что Турция имеет два важных водных пути, таких как проливы Стамбул и Дарданеллы, было оценено, почему она не может превратить это превосходство в какое-то преимущество. Данные, используемые в статье, обычно основаны на официальных отчетах, опубликованных государственными учреждениями. Точка, из которой исходят взаимные торговые отношения Турции и России, через газопроводы, а также обсуждается польза и вред ситуации. Как в Черном море, так и частично в Восточном Средиземноморье, проводимые операции по разведке газа, их отражение в турецкой внешней политике было деконструировано. Такие вопросы, как, сколько природного газа требуется Турции в год и какие страны импортируют газ, который нуждается в этом, были обсуждены с данными.

Ключевые слова: геополитика, Турция, Россия, энергия, безопасность, Черное море, Крым

From the fifteenth century, when the Ottoman emperor Mehmet II dominated the Black Sea and its surroundings, until the Ottoman Empire was forced to leave the region to the Russian Empire as a result of the struggle for dominance in the Black Sea, the Ottoman Empire continued to exist as the only undisputed power on Sea and land. It has dominated all of the commercial activities in the region on both land and sea and has been able to direct these activities according to their own interests and strategic needs of the state. In the early periods of the Ottoman Empire, the Crimean Khanate, one of the most powerful states in the Black Sea region, was brought under control, leaving the Crimea Khanates under the control of the Ukrainian steppes and the Caucasus. Here is a result of this situation; It would be wrong to say that the Ottoman Sultans were very concerned about the security of the Russian Empire and the Black Sea until the 20th century. However, as a requirement of Russia's strategy to expand from the north and south to the warm seas, Russia had to fight with the Ottoman Empire in order to establish dominance in the seas, to access and control the trade routes. The first field of application of this strategy developed by Tsar Petro I can be mentioned as the war between the Ottoman Empire and Russia, which was built around the Prut River in 1711. Although Russia lost the war against the Ottoman Empire in this war, Tsar Petro I continued to develop strategies on this ideal axis. As a result of the war; The Azov fortress was returned to the Ottoman Empire and the fortresses built around the Dnieper River were destroyed. After these dates, Russia preferred the way of achieving its strategic goals on Iran and Caucasus side and carried out geographical and military preliminary investigations in order to establish superiority in Caspian Sea [1, pp. 116–117]. Until the collapse of the state after the victory of the Ottoman Empire, it was seldom able to triumph over Russia (except for the Crimean War of 1735–1739 and 1853–1856), and in the aftermath of the Ottoman-Russian wars, it can be easily observed that it is mostly Crimean-Caucasian axis. After Russia managed to control the Crimea and the Caucasus, it succeeded in reaching the borders of Istanbul over the Balkans during the Ottoman-Russian War of 1877–1878 [8, pp. 677–678]. There is no doubt that the 19th and 20th centuries were the most difficult periods in terms of the political and social history of the Ottoman Empire. Under the influence of democratization and freedom struggles, the Ottoman Empire had to go through a period of political depression and turmoil under the influence of political and philosophical thought currents that started to spread from the west to the world. The Ottoman Empire could not produce an antithesis against all these political and economic ideas movements or could not reach the sufficient intellectual maturity in the political, economic and social studies that would analyze the point in this new world order that started to form. Especially the political movements based on the “Nationalism” principle that started to spread from Europe turned the Ottoman citizenship system upside down. While the concept of citizenship within the state is more religion-based, race-based ideas began to emerge after these dates. This was particularly effective on the Muslim population.

Crimea has been one of the most troubled regions in the last few centuries of the Ottoman Empire. This historical peninsula to where the north of the Black Sea is a very important and strategic region for Turkey, Russia and other countries in the region. The Sea of Azov, which is connected to the Black Sea via a sea crossing called the Kerch Strait, is another inland sea of geopolitical importance. However, it should be noted that the geopolitical analysis of the Black Sea only from the point of view of Turkey and Russia will not be sufficient for the determination of the region's political sphere of influence. By analyzing the political conjuncture shaped by the inclusion of the interests of

the other states surrounding the Black Sea in the region, it will be possible to explain with solid data what an international geopolitical position it has. It should not be forgotten that when the Black Sea's geopolitical domain is examined in detail, it will be understood that it covers the Baltic Sea, Balkans and Caucasus geography directly. When analyzing Risk and strategy, the indirect effects of Black Sea geopolitics can be seen even in the struggles for security and power in the Mediterranean and even in the Indian Ocean.

It is possible to explain on the basis of data how strategic Crimea is from both the Russian and Turkish perspective and to analyze this issue in more detail. Because geopolitics provides us with a systematic analysis of information that we can reveal what effects geography can have on human nature, life and international relations [5, p. 23]. The term "*geopolitic*" was first used by the Swedish political geographer Johan Rudolf Kjellén (1863–1922). Some other scientists and thinkers who have led to the emergence and development of geopolitics within the social sciences include the German Friedrich Ratzel (1844–1904), the British Sir Halford Mackinder (1861–1947), the French Paul Vidal de La Blache (1845–1918), USA. Alfred Thayer Mahan (1840–1914) and Nicholas J. Spykman (1893–1943). Geopolitic is considered to be an important field of political science that studies the relationship between power and purpose today and the future on the basis of physical and political geography. It determines the direction that all elements of power draw on policy through geographical platform and data. In this context, Geopolitics; it enables us to better understand and analyze the possible consequences when all the underground and aboveground natural resources of a country are used as political and military trumps in power struggles. It analyzes the human and geographical capacity of the geopolitical state or a region that directly affects its economic and commercial activities, its social and scientific progress, and continues this process according to the principle of putting forward a perspective for the future. However, it should be emphasized that the geopolitical field of study focuses on security in general. The main subject of all possibility calculations made through geopolitical analysis is, in all circumstances, geography, politics and state. Through these concepts, disclosure of a region or interstate policy, and especially security issues, can take place on more solid ground [6, pp. 318–319].

Black Sea is an inland sea between Europe and Asia in terms of geographical position in the northern hemisphere in terms of mathematical position. To summarize which water crossings are connected to the Black Sea; It connects to the Azov Sea through the Strait of Kerch, the Sea of Marmara through the Strait of Istanbul and the Aegean Sea via the Dardanelles Strait. Considering all these waterway connections, the geographical position and hinterland of the Black Sea proves its rare geopolitical position. The status of the Kerch Strait at the time of the USSR was under the provisions of an inland sea, just like the Sea of Azov. However, the dissolution of the USSR, the emergence of two separate states such as Russia and Ukraine created the need for a change in the status of the Kerch Strait. For this reason, the Kerch Strait has been accepted as part of the Ukrainian borders. As a result of this new situation formed by the inclusion of Crimea in Russia's borders in 2014, Russia is considered that the Kerch Strait an inland sea and therefore the old situation will not be recognized [7, p. 984]. When the Turkish Straits are examined in terms of International Maritime and waterways law, the straits that connect the two seas and/or two separate economic regions are considered in the category. When the status of the Straits being national or international is examined, it is evaluated in the category of "*National Straits*" because it is only within the borders of Turkey. Istanbul and the Dardanelles have been in this status for about 6 centuries [4, pp. 11–12]. Although the Straits are, arguably, an element of the national borders that should be under Turkish control, Turkey's sovereignty over the Straits has been limited by some international agreements. With

the conclusion of the World War I, the control of the Straits was taken out of the hands of the Ottoman Empire in accordance with the treaty signed with the Ottoman Empire and the “*Convention on the regime of the Straits*” and completely disarmed from the military point of view. Although the sea crossing of military and commercial ships through the Strait was established within the framework of some principles, the Ottoman Empire had no say. On July 20, 1936, The Straits issue was reconsidered and the “*Montreux Straits Convention*” was signed and the status of the Straits and the terms and conditions under which the crossing of the Straits would be determined again. The treaty was signed between Bulgaria, USSR, France, United Kingdom, Greece, Japan, Romania, Yugoslavia and Turkey. Later in 1938 Italy signed up this agreement. When the provisions of the treaty are examined in detail, it will be understood that the most challenging items in terms of Turkey’s Black Sea geopolitic are the following. Recognition of freedom of sea crossing through the straits to all countries (Article 1), if Turkey is involved in any war and the ship wishing to cross the Strait is a merchant vessel not belonging to one of the states parties to the war, it may normally carry out its sea crossing through the Strait (Article 5), in times of peace where there is no war, merchant ships may proceed on their way without paying any tax or toll — if they do not stop at any port in the Straits — regardless of the cargo they carry by day or night through the Straits (Article 2) there are articles of agreement such as. The provisions of this agreement, which we have mentioned, are related to merchant ships, and the limitation of Control and control of warships over the crossing of the Strait has been imposed on Turkey. Supply ships connected to the Naval Forces of any country and intended to carry fuel shall be able to pass through the straits without any tonnage limitation (Article 9). Warships under a designated tonnage will be able to continue on their way during daytime crossings without paying any tax or transit fees —states with or without coast to the Black Sea — (Article 10). States that coast to the Black Sea, on the other hand, will be able to carry warships heavier than the designated tonnage through the Straits (Article 11) and during all these sea crossing, the Turkish government was required to notify the Turkish government that only the crossing of the strait would be made within a specified period of time (Article 12–13)¹. As can be seen, the control of the Straits within Turkey’s own borders has been almost completely taken away. It is clear that Russia has been able to produce more independent policies in shaping the Black Sea geopolitics. Russia, like Turkey, has adopted the strategic goal of having control of the Black Sea in its own hands or of having other states unable to intervene in order to realize their own military and political policies in the region. If Russia’s “*Naval Doctrine*” is to be examined in this context; The mention of the Black Sea and Caspian Sea naval fleets among the Naval organizations tasked with solving the problems arising in the oceans and the seas surrounding Russia and protecting its strategic and political interests refers to the importance Russia has given to the Black Sea militarily (Article 44). The level at which these naval forces placed in the region will be maintained in terms of quality and size is determined and organized in response to the planned strategic policies of Russia (Article 45). Russia has designated the world’s Marine and ocean areas as Atlantic, Arctic, Indian, Caspian, Pacific and Antarctic sea and ocean areas in accordance with its national interests and needs to be evaluated together with each other or strategically (Article 50). In this connection, the Black Sea, Azov Sea, Baltic Sea and Mediterranean Sea are mentioned as seas to be evaluated within the framework of the integrated strategic policies of the “*Atlantic Ocean Region*” (Article 53). The presence of NATO is shown as the only ob-

¹ Turkey Coast Guard. Official Page. “*Montreux Strait Convention*” [Electronic Resource] // URL: <http://www.kiyemniyeti.gov.tr/userfiles/file/mevzuat/Montreux%20Bo%20C4%9Fazlar%20S%C3%B6zle%C5%9Fmesi.pdf> (Accessed: 10.10.2019).

stacle to achieving Russia's goals in the Atlantic region (Article 51). As the basis of Russia's National Maritime Policy in the Black Sea and Azov Sea, it is stated that Russia's strategic position in the region should be strengthened rapidly and comprehensively and that peace and stability in the region should be maintained (Article 56)¹. Generally, Turkey's main policy in the Black Sea region is to create a regional cooperation environment based on a regional identity and belonging to this region and to minimize the possibility of possible foreign intervention that could destabilize the region. The realization of all these objectives is supported by various military collaborations for the activities to be carried out on the sea, which the Turkish Naval Forces lead or are a party to. Speaking of foreign interventions in the Black Sea, it is notable that the US, EU and NATO have increased their effectiveness especially in neighboring countries to Russia, which has led to political crises in Georgia in 2008 and in Ukraine in 2014². The basis of Turkey's Black Sea policy, maintain political and military stability in the Black Sea and to increase the mutual trust and cooperation among the countries bordering the Black Sea. This is why Turkey and by countries with the coast of the Black Sea (Bulgaria, Georgia, Romania, Russian Federation, Ukraine) in 2001, "*The Black Sea Naval Co-Operation Task Group*" (BLACKSEAFOR) established and in particular not only to engage in joint military activities on marine aiming to establish an international organization. Actually, in this context it said that Turkey and Russia do not see each other as a threat in the region. This naval organization that was created, states parties reiterated their commitment to the purposes and principles of the United Nations specified in the agreement, as further development of cooperation between the Black Sea coast and believed in the necessity of dialogue states, have committed to strengthen regional security and stability and contribute to good neighbourly relations³. Turkey's participation in peaceful military and civilian initiatives and organizations on the Black Sea would be wrong to consider it merely as maintaining peace and security in the region. Because at this point it should be noted that Turkey has a negative situation in terms of geopolitical and international law arising from the Montreux Straits Convention. It should not be overlooked that Turkey has and continues to compensate for its reservations in this context and its impossibility due to international law through organizations such as NATO and the BLACKSEAFOR. The most important point here is the fact that Russia is having a hard time achieving its national goals in the Black Sea during the processes in which Turkey prefers to act together with NATO. Because, on its own initiative, NATO often makes it difficult for countries in the region to realize their political interests in the Black Sea by entering the Black Sea with warships, especially because of the crises between Ukraine and Russia. In the past few years, Turkey's political affinity with Russia, and sometimes even its partnership, has been highly criticized by NATO members, and even Turkey's membership in NATO has been questioned. It is obvious that this rapprochement is not an option but a necessity for Turkey. In particular, the turmoil in the domestic politics of the country and the complex process of the coup attempt against the government and the military operations launched against terrorist organizations in the south and southeast of Turkey caused Turkey to contradict the Western states and the United States. The turbulent period in Turkey's domestic politics and the coup attempt against the government; the military actions against the terrorist organizations in

¹ President of Russian Federation. Official Page. "*Naval Doctrine of the Russian Federation*" [Electronic Resource] // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf> (Accessed: 12.10.2019).

² Turkish Naval Forces Command. Official Page. "*Turkish Navy Strategy*" [Electronic Resource] // URL: https://www.dzkk.tsk.tr/data/icerik/392/DZKK_STRATEJI.pdf pp.9 (Accessed: 12.11.2019).

³ Ministry of Foreign Affairs of Turkey. Official Page. "*BLACKSEAFOR*" [Electronic Resource] // URL: <http://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa> (Accessed: 25.11.2019).

southeastern Turkey and northern Syria, Turkey has confronted America and Western states in international politics. In Syria, American supports to the PKK and the YPG more than ever before, nearly 4 million Syrian refugees have fled the civil war in their countries and sought refuge in Turkey and their needs are being met by the state, rising unemployment rates and economic difficulties in Turkey have made it difficult for Turkey to conduct a comprehensive foreign policy analysis for the future. The argument for dividing Syria and establishing a Western-backed Kurdish state there has a crucial impact on the security of Turkey's internal and external borders. Although Russia's position on the existence of the PKK and the YPG is not the same as Turkey's, Syria's position on the indivisibility of its territory gives it more opportunity to develop common policies with Turkey. For all these reasons, Turkey's political partnership with Russia and its expansion in many areas should be seen as an inevitable result.

The question of "Continental Shelf" is one of the main factors affecting that will change the political and military interests in the Black Sea or the possibility of realization of these interests. Continental shelf refers to the right of a state to own up to 200 nautical miles from the seabed, starting from the coastline, and to search for underwater and offshore natural resources in this area and to engage in processing/operating activities when any natural resources are identified. In fact, it could mention that there is a situation in the region that states have agreed to until 2014 and that does not cause any controversy. It is clear that a debate on the sovereignty of maritime areas over the Black Sea will begin following this political option of the people of Crimea, that agreed to secede from Ukraine and join Russia as a result of the referendum held in Crimea on March 16, 2014. The European bloc and NATO, including Turkey, claimed that this election was unlawful and invalid and took it to the United Nations Security Council. However, The European bloc and NATO, including Turkey, claimed that this election was unlawful and invalid and submitted it to the United Nations Security Council. However, as a result of Russia's "*refusal*" to discuss the issue on Crimea and China's "*abstention*" vote in the 15-member UNSC, no decision has been taken in the UNSC¹. Turkey, on the other hand, issued a statement immediately after the referendum, stressing the rights and security of Tatars living in Crimea and calling for security and calm in Ukraine and especially in Crimea. He reiterated that he would not recognise any status in the region as a result of the referendum². The main problem that needs to be addressed geopolitically is that while the continental shelf issue has changed in favour of Russia, Turkey has evolved into a situation that turns against the countries bordering the Black Sea and especially against NATO. As can be understood from the mutual agreements signed between the two countries after the recognition of Abkhazia's independence by Russia, the control of Abkhazia's maritime defence and security of these seas was left to the Russian side. (Article 3) Within the maritime areas covered by the sovereignty of the Republic of Abkhazia, it was decided that Russian warships would be conducted unhindered in accordance with the rules agreed with Abkhazia in order to carry out military exercises planned for support purposes and to carry out normal activities at sea (Article 10)³. As a result of this proximity Russia has established with Abkhazia, it is clear that it has a sphere of influence in

¹ "Yes" to Russia in Crimean referendum. March 16, 2014 [Electronic Resource] // URL: https://www.bbc.com/turkce/haberler/2014/03/140316_kirim_sonuc (Accessed: 02.12.2019).

² Ministry of Foreign Affairs of Turkey. Official Page. "No: 86, 17 March 2014, Press Release Regarding the Referendum held in Crimea" [Electronic Resource] // URL: http://www.mfa.gov.tr/no_86_17-march-2014_press-release-regarding-the-referendum-held-in-crimea.en.mfa (Accessed: 01.12.2019).

³ President of Abkhazia. Official Page. Law of the Republic of Abkhazia "On Ratification of the Agreement between the Republic of Abkhazia and the Russian Federation on Joint Efforts in the Protection of the State Border of the Republic of Abkhazia" . [Electronic Resource] // URL: <http://presidentofabkhazia.org/upload/iblock/8fa/z16.pdf> (Accessed: 22.11.2019).

the maritime areas of the Black Sea — apart from its previous coastline — starting from Crimea and continuing to the border with Georgia as a result of its political and military moves. What is wrong with Turkey is that by not recognizing the Declaration of independence of Abkhazia, which does not belong to Georgia under any circumstances, Russia will be the only international power to have a say in Abkhazia. After almost 100 years in which no state has managed to become a military and political determinant in the Black Sea, these developments in the region prove that Russia is now in a position to dominate the region more. Today, with the acquisition of Crimea, Russia seems to have completely taken control of the entrances and exits in the Azov Sea¹. Although the Crimean Peninsula and Russia did not have any land access by land, a bridge was built over the Kerch Strait very quickly and Road Transport was established. But as of today, Russia's only connection to the Crimean Peninsula is this bridge. Geographically Crimea in the hands of Russia foreign policy statements flatly rejected by Turkey because it is this new conjuncture, although this situation is partially, though not completely ignored, it would not be wrong to state that accepted or ignored².

The importance of the Black Sea in energy geopolitics is undeniable for both Europe and Turkey. As it is known, Turkey, which is on the transit route of natural gas marketed both to Turkey and to the world by Azerbaijan, Iran and Russia, is a strategic country. Therefore, it would be wrong to assume that Turkey is merely a bridge country in the transit of natural gas pipelines because it is among the most important customers of natural gas transferred via these pipelines. Only Russia exports natural gas to Turkey through 3 main pipelines. These are the two pipeline routes that need to be emphasized; The first one is the so-called Akım Blue Stream ve pipeline and construction works started on December 15, 1997 within the framework of an agreement signed between Turkish company BOTAŞ and Russian company Gazexport. It was officially opened on November 17, 2005 and put into service. Blue Stream pipeline starts from Samsun province in the territory of Turkey continues thence westerly direction until Istanbul and Thrace. Another is called "Turkish Stream" and it was decided to build on October 10, 2016. According to the agreement signed between Turkey and Russia; It was designed as a submarine gas pipeline in the Black Sea and was announced on January 8, 2020³. Although these natural gas pipelines do not pass through the Crimea, the position of Crimea is very important especially for the security and supervision of the second line called "*Turkish Stream*". Turkey has become a transit point for most of the natural gas delivered to Europe through planned and still active natural gas pipelines, both by land and by regional sea areas. Thanks to this transmission network of gas being transferred from Iran, Azerbaijan and Russia not only meets Turkey's needs but also creates a conjuncture in which Turkey can use its geographical position in terms of energy geopolitics. The fact that Turkey has such an important political and economic surplus in terms of energy geopolitic may turn into political arguments that it can use, especially in some problems between Europe and Turkey. Actually, the main issue that bothers European states is Russia's dominance over gas in the energy market. The fact that gas will be delivered to Europe via Turkey -as it is a more secure and stable

¹ Sophia Petriashvili. "*The shift of dominance in the Black Sea*" August 26, 2019. [Electronic Resource] // URL: https://neweasterneurope.eu/2019/08/26/the-shift-of-dominance-in-the-black-sea/?fbclid=IwAR3ZJ0OHK1e7ACR9y0wGI5GKrwjuuWUy0TIG6a6mOuFjmEP-xbCWHuf_88A (Accessed: 28.11.2019).

² Elif Sudagezer. "*Crimea-Turkey ferry service resumes in December*" November 22, 2019. [Electronic Resource] // URL: <https://tr.sputniknews.com/columnists/201911221040678693-kirim-turkiye-feribot-seferleri-aralik-ayinda-yeniden-basliyor/> (Accessed: 02.12.2019).

³ "*Opening date of Turkish Stream announced*" December 6, 2019. [Electronic Resource] // URL: <https://www.sozcu.com.tr/2019/gundem/turkakimin-acilis-tarihi-aciklandi-5494367/> (Accessed: 07.12.2019).

country compared to other countries in the region — although it inspires confidence in the gas suppliers and suppliers, the fact that the imported gas will come from Russia is pushing Europe to urgently seek other sources. If we make an assessment about gas supply security and stability for Turkey; Due to the natural-gas dispute between the Russian Federation and Ukraine imported gas from the “West Pipeline” to Turkey can be cut from time to time, especially in the winter months. This situation is very risky for Turkey’s energy supply security problems and gives rise to sudden changes in the economic parameters. Especially when the pipeline to be built to supply gas to Turkey via the Turkish Stream gas pipeline is put into operation, this risky environment, which is available at any time due to the route of the Western Line, will be largely neutralized¹. The new gas and oil deposits concentrated around the island of Cyprus are important for Europe’s response to the energy problem and for the world oil and gas market. Turkey is the country with the longest coastline in the Eastern Mediterranean. By virtue of the 1959 Zurich and 1960 London treaties, the island of Cyprus has a guarantor right under international law. Turkey participated in the conference on maritime uses in 1958 in Geneva and signed the UN Convention on the law of the Sea. However, he did not sign the UN Convention on the law of the Sea, which was drafted in 1982. Turkey, like all landlocked countries, has completed its work on the maritime continental shelf, the adjacent region and the “*Exclusive Economic Zone*”. There is no need for Turkey to give any notice to the world regarding the continental shelf issue. However, the “*Exclusive Economic Zone*” is a different matter and Turkey needs to take a decision on this issue and declare it to the world. For this reason, Turkey has declared the distance of the continental shelf in the Mediterranean and Black Sea as 12 nautical miles and the distance of the continental shelf in the Aegean Sea as 6 nautical miles. In 1986, the Exclusive Economic Zone for the Black Sea was declared as 200 miles. However, an Exclusive Economic Zone has not been declared for the Mediterranean. The most important point to know here; As stated explicitly in the 1982 UN Maritime Law Convention, “The relevant countries negotiate and agree on an equitable basis” and if the declaration of the Exclusive Economic Zone conflicts due to the presence of reciprocal or contiguous countries, the countries concerned may discuss and decide between themselves. As a result of the final agreement between two or more Contracting States, the Economic Area can be determined. Turkey is the Turkish Republic of Northern Cyprus went to the mutual agreement of the two states and activities have accelerated the search for hydrocarbon deposits in their marine areas. In accordance with the final agreement between two or more states parties, it may designate an Exclusive Economic Zone. Turkey, on the other hand, has reached a mutual agreement with the Turkish Republic of Northern Cyprus and the two sides have accelerated the exploration of hydrocarbon deposits in their regions. On the other hand, the distance between countries less than 400 nautical miles of marine areas in the eastern Mediterranean, sharing it will lead to problems in Israel, Greek Cypriot Administration, Egypt and other states which are included in this group by establishing a consortium among themselves through negotiations within the framework of their try to shape their own interests in the maritime field. The energy ministers of Egypt, Greece, Israel, Italy, Jordan, Palestine, and the Greek Cypriot administration met and held a meeting in Cairo on January 14, 2018, with the European Union Commission and the World Bank also attending the meeting. At the meeting, they decided to create an Eastern Mediterranean Gas Forum (EMGF) in order to provide close cooperation on the operation of hydrocarbon deposits. Turkey, the Turkish Republic of Northern Cyprus, Libya, Syria and Lebanon appear to have formed

¹ Ministry of Energy and Natural Resources of Turkey. Official Page “*Natural Gas Pipelines and Projects*” [Electronic Resource] // URL: <https://www.enerji.gov.tr/tr-TR/Sayfalar/Dogal-Gaz-Boru-Hatlari-ve-Projeleri> (Accessed: 07.12.2019).

another group. Turkey and the Turkish Republic of Northern Cyprus continue to cooperate in this area, in addition to the recently signed agreement between Turkey and Libya on the determination of maritime borders, and political balances in the Eastern Mediterranean have begun to gradually form¹. However, not only the Mediterranean coastal states but also the European Union have accelerated the exploration of gas and oil, which it believes can be sufficient for it through bilateral agreements. US companies Noble and ExxonMobil, as well as Italian company ENI and French company TOTAL, are already operating in the region under their agreements with the government of Southern Cyprus. With all these agreements, they try to exclude Turkey and declare it an Exclusive Economic Zone and license the hydrocarbon deposits that have been identified in the region. [2, pp. 222–223] The “Eastmed” pipeline project aims to deliver gas from the Eastern Mediterranean region to Europe via Southern Cyprus, Crete, Greece and then Italy. If the route of the pipeline is to be considered, it is not to pass through Turkey or within the Turkish maritime borders in any way. The line will be approximately 2000 km long and 3.3 km deep, although it is considered as an alternative to Russian gas in terms of cost and safety, it does not appear to be an efficient project for today. Western states try to ignore Turkey’s interests in Cyprus and try to discourage Turkey from seeking gas and oil in the Eastern Mediterranean with threats of economic and political sanctions over this issue. Turkey, on the other hand, is continuing its underwater hydrocarbon exploration activities with two drilling ships in spite of all these threats. At this point, the European Union has started to discuss some of the sanctions clauses it intends to dictate to Turkey. Travel bans and asset freezes for Turkish army and drillship captains, those who participate in drilling and provide financial, technical or logistical support to the work, other than those responsible, and other persons and entities connected with them will be included in the sanctions. Moreover, it is understood that issues such as a ban on funding to all persons and entities covered by sanctions and a halt to the “*Comprehensive Air Transport Agreement*” negotiations between Turkey and the EU and suspending high-level contacts with Turkey are on the agenda². As can be understood from these attitudes of Europe and the world, the fact that Turkey will have its own energy resources will have a great strategic impact. The fact that the gas that will be transported to Europe through this project will be an alternative to the gas supplied by Russia is one of the most important factors that motivates Europe in this regard. With LNG supplied from states in the Western Mediterranean, Europe’s gas needs are met by close to 25%. If an agreement is reached with Turkey and it can ensure energy security, it will be able to transport liquefied gas (LNG) through pipelines to Europe at rates that are cheaper and more efficient. In the event of such a situation, Russia’s gas hegemony over Europe and Turkey would be broken [3, p. 85].

The energy-policy equation will become more challenging every day when the demand for energy increases year by year and the dependence of Turkey and the European Union countries on this resource is considered. As we mentioned at the beginning of the article, Turkey has become a state that has started to need a lot of oil and even more gas, especially after the 2000s. Turkey has become an increasingly important and powerful regional player in the past 10 years, with the goal of becoming one of the top ten major economies in the world. With an annual growth rate of 5.5% in the period 2002–2018, Turkey is 13th in the world as of the end of 2018. It has become the country with the largest economy. Turkey in order to achieve these goals, the

¹ “*Eastern Mediterranean: How Does the Turkey-Libya Agreement Affect Balances in the Region?*” December 10, 2019 [Electronic Resource] // URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-50682215> (Accessed: 10.12.2019).

² “*EU: Turkey in the Framework of the Eastern Mediterranean Sanctions Because of Drilling Have Been Set*” November 11, 2019. [Electronic Resource] // URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-50378376> (Accessed: 07.12.2019).

United Nations International Energy Agency, International Energy Forum, International Renewable Energy Agency, International Atomic Energy Agency, G20, Shanghai Cooperation Organization, Asia Cooperation Dialogue, ASEAN, the African Union, the Organisation of the Black Sea Economic Cooperation, the Organization of Islamic Cooperation, the Gulf Cooperation Council, NATO, OSCE, OECD, the Developing Eight Countries (D-8), World Trade Organization, the World Energy Council, World Petroleum Council, The European Centre for Global Energy and Nuclear Research such as policy-oriented organizations in the work/by active participation in meetings and to follow the studies evaluated and strives to take part in decision making of these organizations¹. Even if it differs according to the years, especially after the 2000s, both the economic growth of Turkey and the intensity of natural gas demand in all sectors within the country due to this trend gained speed and the increase in gas imports was observed to a large extent. Today, although Turkey imports gas at different rates, Russia, Azerbaijan and Iran maintain their place among the most important gas-supplying countries. Turkey generally supplies the gas it receives from Russia through pipelines (Table 1).

Table 1

Turkey's imported gas supply routes classified by type of gas [9, p. 10]

Years	By Pipeline Gas		By LNG		TOTAL
	Quantity	Rate, %	Quantity	Rate, %	Quantity
2013	39.419,44	87,08	5.849,54	12,92	45.268,98
2014	41.981,41	85,22	7.280,87	14,78	49.262,28
2015	40.778,11	84,21	7.648,96	15,79	48.427,08
2016	38.724,48	83,54	7.627,68	16,46	46.352,17
2017	44.484,67	80,52	10.765,28	19,48	55.249,95
2018	39.032,13	77,51	11.328,45	22,49	50.360,58

Looking at 2018 data (Table 2), about 46.95% of the gas imported was purchased from Russia. Especially after 2007, thanks to Azerbaijan's gas supply to Turkey and then the gas purchased from Iran, Russia's share of the total imports could be drawn to the rate indicated in the latest chart.

Turkey has in terms of being able to minimize the risky situation by expanding the range of their energy supplier countries in order to enhance the flexibility of supply and security of supply, from Algeria since 1994 under a signed purchase agreement in 1988, under the terms of a purchase agreement signed in 1995, started to buy LNG from Nigeria since 1999. In general, the rates of gas imported by Turkey vary according to months during the year. These gas usage rates, which are on a rising trend in the fall and winter months, are declining in the spring and at irregular and lowest levels in the summer months (Fig. 1). Excluding the exchange rate shock and economic contraction experienced by Turkey in 2018 and 2019, the main factor in the fact that the gas consumed by Turkey varies greatly over the months is due to the increase in the rate of use of gas in homes during the cold seasons.

¹ Ministry of Energy and Natural Resources of Turkey. Official Page "We direct our energy policy with an effective diplomacy, which is a prerequisite for the achievement of the 2023 targets set for the 100th anniversary of our Republic" [Electronic Resource] // URL: <https://www.enerji.gov.tr/tr-TR/Sayfalar/Enerji-Diplomasisi> (Accessed: 07.12.2019).

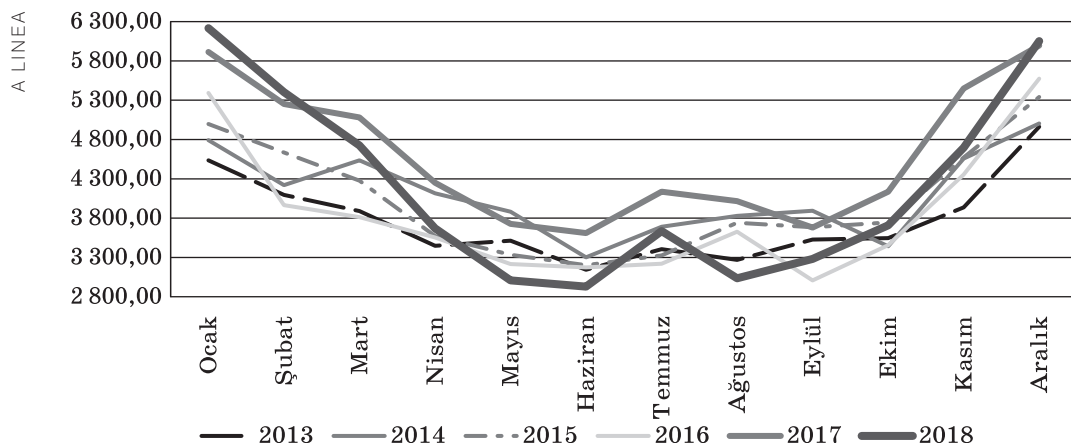

Fig. 1. Comparison of Monthly Import Quantities for 2013–2018 (Million Sm³) [9, p. 13]

Turkey is a country that imports gas completely and must have regular and safe energy. The political turmoil in international relations directly affects Turkey due to its sensitivity to energy. In this context, in particular, the natural gas pipelines that Russia continues to build and have been finished have a very important place. As can be seen from the data, Turkey still needs energy despite all the energy diversification. Therefore, the security of gas pipelines constructed in the Black Sea; Political-economic relations with Russia; Black Sea security and military issues Turkey-Russia relations are the most important highlights in terms of the work area. Especially in 2015, Turkey's agenda to reduce air attack that took place between Turkey and Russia occupy the most basic questions; What was the attitude of Russia in natural gas shipment. Contrary to popular belief, the main factor determining relations with Russia rather than military issues is energy geopolitics for Turkey. When we approach the issue for Russia, the importance of these gas pipelines in the Black Sea; The fact that after the Crimean issue, the US and the EU have overcome anti-Russian sanctions with minimal damage is almost the only instrument. Both regular and emergency needs, which leads to both the European Union and Turkey's natural gas to the debate on the implementation or the weight of sanctions against Russia will be performed and differences of opinion on this issue.

When the volume of trade between Turkey and Russia is analyzed, it will be seen that between 2007 and 2015, Russia was among the 10 countries with which Turkey exports the most (Table 3), and this situation changed after the aircraft downing crisis that occurred in 2015. In the period from 2015 to 2018, although the political-economic relations between Turkey and Russia are stable and rapidly trend of improvement in, there is no major increase in the export rates to Russia. In 2017, Turkey's exports to Russia amounted to \$ 2.74 billion, while Russia's exports to Turkey amounted to \$ 19.51 billion. Although Turkey exports more kinds of products to Russia, the most important export product of Russia is gas. In Turkey, the proportion of oil and natural gas in the annual import rate is very high due to very little production of this natural resource¹. Therefore, Turkey's urgent need for gas and oil is the main reason for the imbalance in Russian-Turkish trade rates.

¹ Turkey Exporters Council. Official Page. *Country Information Note "Russia"* [Electronic Resource] / URL: https://www.tim.org.tr/files/downloads/ihracat/Ulke_Masalari/ulke_bilgi_notu/Rusya%20C3%9C%20Bilgi%20Notu.pdf (Accessed: 07.12.2019).

Table 3

Imports of Natural Gas for the Years 2008–2018 (Million Sm3) [9, p. 8]

Countries	Russia		Iran		Azerbaijan		Algeria		Nigeria		Others*		Total	Change from the previous year, %
Years	Quantity	Rate, %	Quantity	Rate, %	Quantity	Rate, %	Quantity	Rate, %	Quantity	Rate(%)	Quantity	Rate, %	Quantity	
2008	23.159	62,01	4.113	11,01	4.580	12,26	4.148	11,11	1.017	2,72	333	0,89	37.350	4,21
2009	19.473	54,31	5.252	14,65	4.960	13,83	4.487	12,51	903	2,52	781	2,18	35.856	–4
2010	17.576	46,21	7.765	20,41	4.521	11,89	3.906	10,27	1.189	3,13	3.079	8,09	38.036	6,08
2011	25.406	57,91	8.190	18,67	3.806	8,67	4.156	9,47	1.248	2,84	1.069	2,44	43.874	15,35
2012	26.491	57,69	8.215	17,89	3.354	7,3	4.076	8,88	1.322	2,88	2.464	5,37	45.922	4,67
2013	26.212	57,9	8.730	19,28	4.245	9,38	3.917	8,65	1.274	2,81	892	1,97	45.269	–1,42
2014	26.975	54,76	8.932	18,13	6.074	12,33	4.179	8,48	1.414	2,87	1.689	3,43	49.262	8,82
2015	26.783	55,31	7.826	16,16	6.169	12,74	3.916	8,09	1.240	2,56	2.493	5,15	48.427	–1,7
2016	24.540	52,94	7.705	16,62	6.480	13,98	4.284	9,24	1.220	2,63	2.124	4,58	46.352	–4,28
2017	28.690	51,93	9.251	16,74	6.544	11,85	4.617	8,36	1.344	2,43	4.804	8,7	55.250	19,2
2018	23.642	46,95	7.863	15,61	7.527	14,95	4.521	8,98	1.668	3,31	5.140	10,21	50.361	–8,85

Table 4

Turkey's most exporting countries since 2007¹

S r a	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany	Germany
2	UK	UK	France	UK	Iraq	Iraq	Iraq	Iraq	UK	UK	UK	UK
3	Italy	UAE	UK	Italy	UK	Iran	UK	UK	Iraq	Iraq	UAE	Italy
4	France	Italy	Italy	France	Italy	UK	Russia	Italy	Italy	Italy	Iraq	Iraq
5	Russia	France	Irak	Iraq	France	UAE	Italy	France	US	US	US	US
6	Spain	Russia	Switzer-land	Russia	Russia	Russia	France	US	France	France	Italy	Spain
7	US	US	US	US	US	Italy	US	Russia	Switzer-land	UAE	France	France
8	Romania	Spain	Russia	Spain	Spain	France	UAE	Spain	Spain	Spain	Spain	Nether-lands
9	UAE	Romania	UAE	UAE	UAE	US	Spain	UAE	UAE	Iran	Nether-lands	Belgium
10	Nether-lands	Iraq	Spain	Iran	Iran	Spain	Iran	Iran	Iran	Nether-lands	Israel	Israel

¹ Turkey Exporters Assembly, Economic Research Branch, Official Page, "Analysis Of The Products And Target Markets For Which Turkey Has Competitive Advantage Among The 1000 Most Imported Products In The World" [Electronic Resource] // URL: https://tim.org.tr/files/downloads/Raporlar/RCA1000_Raporu.pdf pp. 34 (Accessed: 07.12.2019).

References

1. Chaycioglu S. O. Caucasus Policy of Russia in the Early 18th Century: Peter the Great's Campaign of Iran // *Vakanüvis- International Journal of Historical Researches. Special Issue on Caucasus*. 2017. Vol. 2. P. 115–132. (in Turkish)
2. Duman S. Imperial Attemp in the Eastern Mediterranean and Turkey // *Journal of The Black Sea Studies*. 2019. Vol. 16(62). P. 213–230 (in Turkish)
3. Ediger V.Sh., Devlen B., Mcdonald D.B. The Great Game in the Levant: Energy Geopolitics in the Eastern Mediterranean // *The Journal of International Relations*. 2012. Vol. 9 (33). P. 73–92. (in Turkish)
4. Herguner M. The President of the Turkish Straits and Straits Commission in the Early Years of the Republic Vasıf (Temel) Pasha. Istanbul: Turkish Marine Research Foundation Publication, 2004. (in Turkish)
5. Ilhan S. Geopolitical Developments and Turkish World // *Eurasian Studies*. 1995a. Vol. 2 (3). P. 23–37. (in Turkish)
6. Ilhan S. Concept and Elements of Geopolitics // *Eurasian Folder (Geopolitic Secial Issue)*. 2002b. Vol. 8(4). P. 318–322. (in Turkish)
7. Malyshev D.V. Kerch Crisis and The Status of The Azov Sea // *Post-Soviet Studies*. 2019. Vol. 2(2). P. 982–989. (in Russian)
8. Ozturk M. Evaluation of the Process between the Treaties of Ayastefanos and Berlin in Terms of Tsarist Russia // *EURASIA Journal of International Studies*. 2018. Vol. 6(15). P. 676–687. (in Turkish)
9. Energy Market Regulation Institution of Turkey. Natural Gas Market Sector Report For 2018. Ankara: 2019. (in Turkish)

About the author:

Fatih Gide, Postgraduate Student, International Relations and World Politics, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); gidefatih@gmail.com

Об авторе:

Фатих Гиде, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (международные отношения и мировая политика), Санкт-Петербург, Российская Федерация; gidefatih@gmail.com

Свобода слова в период цифровой трансформации

Рецензия на монографию «Свобода слова и медиабезопасность»

Кашкин С. Ю.

РЕФЕРАТ

Свобода слова является необходимой нормой в конституционном законодательстве всякого демократического государства. Авторы рецензируемой монографии, демонстрируя негативное воздействие проявлений пропаганды и цензуры на доверие граждан демократического государства к средствам массовой информации, подвергают обстоятельной критике политику принятия законодательных норм и административных решений политического класса, необоснованно ограничивающих свободу слова. Реализация свободы слова зависит от комплекса социально-политических обстоятельств и оказывает значительное влияние на правопорядок в информационном пространстве мирового сообщества.

Ключевые слова: журналистика, права человека, пропаганда, цензура, безопасность

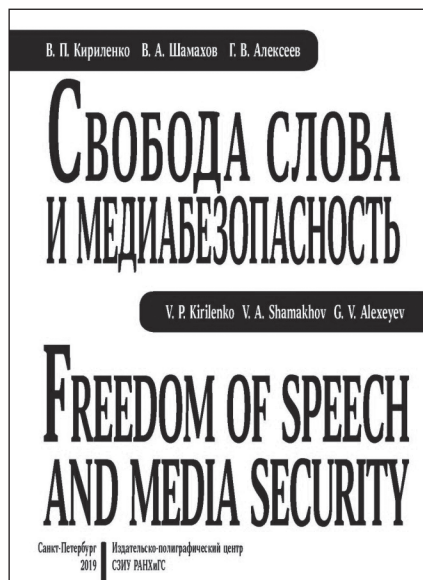
Freedom of Speech in the Times of Digital Transformation. Review of the monograph "Freedom of Speech and Media Security"

Sergey Yu. Kashkin

ABSTRACT

Freedom of speech is a necessary norm in the constitutional legislation of any democratic state. The authors of the monograph under review demonstrate the negative impact of propaganda and censorship on the trust of democratic state citizens towards the media content and consistently criticize legislative norms and administrative decisions of the political class that promote unjustified restrictions on freedom of speech. The study shows how freedom of speech implementation depends on a set of political circumstances and explain why it has a significant impact on the rule of law in the information space of the world community.

Keywords: journalism, human rights, propaganda, censorship, security

Свобода слова и медиабезопасность : монография / В. П. Кириленко, В. А. Шамахов, Г. В. Алексеев. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 440 с.

ISBN 978-5-89781-635-4

В монографии «Свобода слова и медиабезопасность» [6] коллектив авторов исследовал проблему соотношения свободы слова и национальной безопасности в оригинальном свете реалий сетевого общества. Проблема злоупотребления свободой слова рассматривается авторами в контексте основных угроз медиабезопасности государства и институтов

гражданского общества. В качестве критических угроз для медиасферы исследование характеризует такие социальные явления, как: цифровой разрыв и новые формы неравенства, пропаганда экстремизма в медиапространстве, системное распространение плагиата и недобросовестная конкуренция в информационной сфере.

В работе последовательно формируется авторское понимание медиабезопасности, которая как критический компонент системы информационной безопасности требует от государства усилий, нацеленных на защиту национальных интересов. Наряду с кибербезопасностью и секретностью медиабезопасность представлена как часть системы национальной информационной безопасности, при этом международное право, интеграционное и национальное законодательство в системе медиабезопасности не только гарантируют защиту прав и свобод человека, но и призваны создавать рациональную мотивацию для производящего нематериальные активы творческого труда журналистов, чья конкурентоспособность в рамках глобального информационного пространства постепенно становится необходимым условием сохранения национальной культуры.

Актуальность научного исследования проблемных вопросов реализации свободы слова сомнений не вызывает. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении 7 июня 2016 г. на медиафоруме «Новая эпоха журналистики: прощание с мейнстримом» справедливо обратил внимание на то, что «не может быть ситуации, когда, если каким-то властям какая-то информация нравится, ее следует защищать и говорить о свободе распространения информации, о свободе прессы, а когда что-то не нравится, тут же обзывать эту информацию пропагандой кого бы то ни было, которая обслуживает какие-то политические группы либо интересы конкретного государства»^{*}.

Вместе с тем парадокс объективности в области медиабезопасности состоит в том, что политическая журналистика по своей природе субъективна и только многообразие мнений, плюрализм и живой диалог в рамках гражданского общества способны сформировать гармонизированное универсальное информационное пространство, отвечающее современным вызовам, главным из которых является растущее недоверие к авторитету политического класса и профессиональной журналистики. Всякие усилия в области пропаганды и агитации могут оказаться тщетными, так как есть широкое понимание того, что «пока не будет объективной оценки труда, конкуренции учебных заведений, научных свобод, никакие финансовые вливания, рекламные акции, политические дискуссии делу [защиты свободы слова — С. К.] не помогут»^{**}.

Активное участие субъектов национальной и международной журналистики в политической жизни развитого государства определяется взаимоотношениями в системе институтов власти между политическим классом и капиталистическими элитами. Свобода слова — важнейшая гарантия функционирования правового государства, закрепленная в ст. 29 Конституции Российской Федерации 1993 г. и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 005 Рим, 4 ноября 1950 г.).

Исследование свободы слова с политико-правовых позиций приводит авторов монографии к парадоксальным выводам о том, что свобода и безопасность взаимосвязаны, так как ограничение свободы слова органами власти неизбежно под-

^{*} Владимир Путин: Главное в журналистике — добросовестность и объективность [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/306462-vladimir-putin-glavnoe-v-zhurnalistike--dobrosovestnost> (дата обращения: 20.12.2019).

^{**} Свобода слова в защиту россиян. Русофобы — новые враги режима // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2015. № 11. С. 412–423.

рывает доверие к этим органам внутри гражданского общества. В юридическом смысле осуществление субъективного права совершать публичные заявления может быть ограничено посредством экономических способов воздействия на общественные отношения, и при этом законность использования публичной властью таких ограничений является дискуссионным вопросом, который не может быть однозначно решен в отрыве от анализа тех опасных коммуникативных практик, которые публичная власть призвана пресекать.

Авторам очевидны угрозы распространения идеологии международного экстремизма [6], однако «баланс интересов» [9, с. 19] государства и гражданского общества по вопросам медиабезопасности — вопрос, не имеющий однозначного решения. С одной стороны, «идеальной гармонии между соблюдением прав человека и защитой интересов национальной безопасности достичь нелегко, однако система в первую очередь должна быть прозрачной и гласной» [2, с. 97], а с другой стороны, на свободу слова в современном мире значительное влияние оказывают экономические факторы, действующие как регуляторы общественных отношений в неразрывной взаимосвязи с личными интересами и моральными правами [15].

Гипотеза исследования, результаты которого представлены в рецензируемой монографии, состоит в том, что современные СМИ и тактические медиа формируют информационное поле национальной политики, что свидетельствует о приверженности авторов постмодернистским представлениям о политической жизни общества. Низкое качество массовой информации, сопряженное с проблемами некомпетентности отдельных журналистов и коррупции в системе управления современными медиа, актуализирует проблему дефицита доверия между социальными институтами и индивидами [15]. Проблема недоверия между современными медиа и их аудиторией может перерастать в опасные проявления взаимного и принципиального непонимания между институтами власти и структурами гражданского общества по таким ключевым вопросам, как национальные интересы, приоритеты культурного развития, содержание принципа справедливости и роль институтов гражданского общества в государственном управлении.

В условиях существенно различающихся правовых оценок административной деятельности расходование средств государственного бюджета на осуществление пропаганды может подрывать медиабезопасность государства, воспроизводя условия для углубления социальных разрывов, стремясь оправдать постиндустриальными мифами о демократии и мультикультурализме [13; 17] растущее неравенство между представителями политического класса и стремительно нищающими на их фоне интеллектуалами в верхней части среднего класса.

Центральное место в структуре исследования занимает анализ угроз медиабезопасности и правовые основания для секьюритизации отдельных аспектов производства и распространения массовой информации. Авторы полагают, что актуализация угроз медиабезопасности связана как с идеологическими, так и с экономическими проблемами, возникающими в процессе цифровой трансформации индустрии массовых коммуникаций. Анализ проблем западной коммуникативистики, который осуществляют авторы исследования, имеет вполне рациональную цель для правового исследования — обеспечение справедливости тех юридических норм и правил, что производит государство.

Оценивая современное состояние профессиональной журналистики, можно предположить, что роль прессы в решении политических проблем несколько снизилась в сравнении с реалиями XX в., однако авторы монографии иного мнения. Они стараются доказать, что в результате расширения форм политического дискурса возникают новые формы неправовых манипуляций с общественным сознанием, выражающиеся в пропаганде экстремизма, коррумпированности источников мас-

совой информации, низком качестве работы современных медиаструктур. Свобода слова в рамках правового дискурса приобретает характер правовой гарантии защищенности всех тех национальных интересов, в основе которых лежит научно-технический и социальный прогресс.

Авторы предлагают решать проблемы медиабезопасности путем активизации социального развития в технологическом плане, обеспечивая при этом рост культурного капитала на национальном уровне. Идеи создания общественных организаций для анализа состояния глобального медийного пространства, преставления авторов о политической несамостоятельности медиатизированных социальных групп, анализ проблемы юридического различия действий экстремистов и борцов за свободу демонстрируют приверженность авторов идеям плюрализма в рамках естественно правовой законности, свойственной демократическому обществу.

Нормативно-правовая база обеспечения информационной безопасности уделяет весьма ограниченное внимание проблеме взаимодействия органов государственной власти со средствами массовой информации. Причины пристального внимания законодателя к проблемам секретности и кибербезопасности определяются тем, что данные институты традиционно находятся в предметной области национального административного и уголовного права, в то время как отношения власти и журналистского сообщества строятся в соответствии с пониманием конституционных прав и свобод человека на национальном, региональном и универсальном уровнях.

Фактически очевидно, что публичная власть государства, осуществляя контроль за работой средств массовой информации, не имеет права вмешиваться в работу журналистского сообщества и институтов гражданского общества, призванных контролировать работу государственного аппарата, оповещая общественность о проблемах внутри и вокруг системы власти. В российской юридической науке широко признано, в частности в работах М. А. Федотова и Ю. М. Батурина, что всякое чрезмерное публичное регулирование работы медиаструктур представляет угрозу национальным интересам, так как оно неизбежно и безосновательно ограничивает права человека [2].

Во-первых, свобода слова является не только прогрессивным институтом общественного контроля, но и гарантией поиска эффективных путей модернизации общественной жизни [7]. В условиях ригидности медиаполитики и активизации цензуры всегда наблюдается застой в плане научно-технического и культурного развития общества. Стремление определенных элитарных структур к сохранению собственного доминирования приводит к подавлению оппозиции посредством несправедливых ограничений свободы слова и росту социальных протестных настроений в ответ на тоталитарную медиаполитику.

Во-вторых, сращивание институтов публичной власти и журналистского сообщества способствует развитию коррупционных схем и воспроизводству несправедливости в обществе. По этой причине медиабезопасность представлена как неотъемлемая часть антикоррупционной политики государства. Поскольку в журналистике объективность в полной мере невозможна, постольку необходимо создавать диверсифицированные каналы информирования массовой аудитории. Ввиду того что для юридической науки чрезвычайно важным аспектом является общеизвестная информация, которая оказывает влияние на представления о власти и справедливости внутри гражданского общества, влияние СМИ на правовое сознание представителей политической элиты носит перманентный характер.

В-третьих, так как эффективное противодействие идеологии экстремизма предполагает отсутствие в поле публичной политики легитимной для радикальных атак цели (такой как нацизм, апартеид или сегрегация), то принципиально важны объективность политической повестки дня и доверие основной части электората к ма-

териалам ведущих мировых информационных агентств. Субъекты международной журналистики, констатирующие отсутствие критических угроз, дающих право радикальным группам вести революционную борьбу, фактически переводят политическую борьбу в правовое поле, препятствуя формированию партизанского движения внутри гражданского общества. В этом вопросе авторы весьма последовательны в доктринальной аргументации своей принципиальной позиции в отношении легитимности демократии [4].

В-четвертых, экономический вопрос в работе журналистского сообщества, средств массовой информации и творческих коллективов также имеет принципиальное значение для медиабезопасности. Субсидии для журналистов неэффективны не только потому, что они весьма часто констатируют отсутствие широкого зрительского интереса к материалам субсидируемых медиа, но и в силу того, что конкурентоспособность национальных медиаресурсов на общемировом рынке массовой информации определяет отношение мировой общественности к российской культуре в целом.

Авторы монографии справедливо и последовательно, на основе дискурсивного анализа европейской и американской научной литературы [9; 10; 11; 13], раскрывают идею о том, что патриотизм в работе субъектов национальной журналистики должен проявляться не в абсолютном одобрении действий органов публичной власти, которые допускают неизбежные ошибки в своей работе, а в защите интересов и информационной поддержке тех критически важных социальных структур, которые обеспечивают воспроизводство культурного капитала, национального благосостояния и поддерживают авторитет государства на международной арене.

Свобода слова относится к числу традиционных европейских ценностей и потому чрезвычайно важна для функционирования правового государства. Политический характер свободы слова в условиях цифровой трансформации дополняется технологическими и экономическими компонентами, которые, отражая значимость информационных продуктов для постиндустриальной экономики, создают неразрывную взаимосвязь между свободой распространения информации и экономическими показателями в народном хозяйстве. Авторы рецензируемой монографии, увязывая свободу и безопасность, следуя логике целей устойчивого развития ООН, выступают за недопущение всех форм социальной дискриминации и искоренение нищеты в постоянно меняющихся технологических условиях.

В представленном научном исследовании сформулирована и весьма обстоятельно обоснована авторская юридико-политическая концепция медиабезопасности, которая основана на ряде принципиальных аспектов защиты национальных интересов в информационной сфере жизни общества.

Во-первых, информационная безопасность представлена как сложная система, включающая в себя относительно три автономных института: кибербезопасность, секретность и медиабезопасность.

Во-вторых, различные формы ограничения свободы слова, в том числе политико-экономической природы, такие как пропаганда и медиамонополия, представлены в работе как угрозы медиабезопасности.

В-третьих, на уровне фактических примеров и наблюдений авторов доказано, что средства секретности и ограничения доступа к информации в рамках медиабезопасности малоэффективны, а подчас имеют прямо противоположный эффект — ставят под угрозу национальные интересы. Такое видение института медиабезопасности в его неразрывной взаимосвязи со свободой слова и политическими гарантиями защиты прав человека отражает оригинальную концепцию по обеспечению национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере.

На основе комплексного анализа западной теории журналистики и исследований в области теории права авторы стремятся выявить те деонтические конструкции, которые лежат в основе правового регулирования информационных отношений. Для однозначной констатации успеха творческих усилий авторов такие исследования должны быть продолжены в направлении поиска оптимальных в экономическом и социальном плане моделей взаимоотношений органов власти и субъектов национальной и международной журналистики.

Много вопросов осталось за рамками представленного исследования. Так, в частности не совсем понятен характер влияния зарубежных медиа на российскую политическую действительность, не достаточно конкретна правовая оценка участия органов власти в работе государственных СМИ, нет однозначных выводов о взаимосвязи развлекательного медиаконтента с трансформацией политико-правовых реалий. Вместе с тем правовая логика исследования представляется весьма интересной и очевидно способствует более глубокому пониманию принципов, лежащих в основе оценки той справедливости в творческой работе журналистов, которую часто увязывают с объективностью в условиях цифровой трансформации мирового сообщества [14].

Современные методы цензуры и пропаганды существенно отличаются по форме от тех ее проявлений, что получили широкое распространение в прошлом, однако их влияние на всеобъемлющую безопасность в мировом сообществе остается неизменно негативным. Использование политических манипулятивных технологий, таких как создание образа врага и преднамеренное искажение актуальной повестки дня, создают напряженность в международной системе и препятствуют достижению международного мира и стабильности.

В то время как европейская интеграционная модель правового регулирования использования информационных технологий меняется в своем развитии от необязательных рекомендаций к гармонизирующим директивам, а от них — к унифицирующим эту сферу общественных отношений обязательным регламентам [3, с. 141]. Существуют вполне реальные угрозы чрезмерного доверия к технологиям искусственного интеллекта и дефицита доверия в международном общении. В свете активизации радикальных политических групп, черпающих свой авторитет из противоречий, существующих в мировом сообществе, достижение консенсуса по проблемам медиабезопасности между развитыми государствами представляется одной из первоочередных задач на пути гармонизации законодательства в информационной сфере.

Литература

1. Батурин Ю. М., Федотов М. А. Феноменология юридического чуда: монография. М. : РОССПЭН, 2012.
2. Исаев Р. А., Боренов А. Ю. Свобода слова в России в условиях противодействия экстремизму // Теория и практика общественного развития. 2015. № 23. С. 95–97.
3. Кашкин С. Ю. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных объединениях: постановка проблемы // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 3. С. 134–144.
4. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 561–571.
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Легитимность демократии в работах Макса Вебера и Карла Шмитта // Правоведение. 2018. Т. 62, № 3. С. 501–517.
6. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 4. С. 20–38.

7. Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Свобода слова и медиабезопасность. СПб. : Издательство СЗИУ РАНХиГС, 2019.
8. Кудрявцев В. Н. Свобода слова : монография. М. : Норма, 2019.
9. Смольяков А. А. Проблемы определения пределов свободы слова // Закон. Право. Государство. 2018. № 3 (19). С. 12–21.
10. Bagdikian B. The New Media Monopoly. Boston : Beacon Press, 2004.
11. Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. New York : Cambridge UP, 2004.
12. Heyman S. Free Speech and Human Dignity. Yale UP, 2008.
13. Keane J. Democracy and Media Decadence. Cambridge UP, 2013.
14. Kramer M. Objectivity and The Rule of Law. Cambridge UP, 2007.
15. Rosen J. A. Privacy, Property, and Free Speech: Law and the Constitution in the 21st Century. The George Washington University, 2013.
16. Schudson M. The Objectivity Norm in American Journalism // Journalism. 2001. V. 2 (2). P. 149–170.
17. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge UP, 1999.
18. Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. Duke UP, 2004.

Об авторе:

Кашкин Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; профессор кафедры Жана Монне (Европейский Союз); eul07@mail.ru

References

1. Baturin Yu. M., Fedotov M. A. Phenomenology of the legal miracle: monograph. M. : ROSSPEN, 2012. 333 p. (In rus)
2. Isaev R. A., Borenov A. Y. Freedom of speech in Russia in the context of countering extremism // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2015. N 23. P. 95–97. (In rus)
3. Kashkin S. Yu. Legal Regulation of the Application of Artificial Intelligence and Robotics Technologies as an Emerging New Complex Branch of Law in the Most Representative States and International Integration Associations: Presenting the Problem // Journal of the Russian New University. Series: Person and Society [Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo]. 2019. N 3. P. 134–144. (In rus)
4. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Topical Problems of Combating Extremist Crimes // All-Russian Criminological Journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2018. V. 12. N 4. P. 561–571. (In rus)
5. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Legitimacy of Democracy in the Works of Max Weber and Carl Schmitt // Law [Pravovedenie]. 2018. V. 62, N 3. P. 501–517. (In rus)
6. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Political technologies and international conflict in information space of the Baltic region // Baltic region [Baltiiskii region]. 2018. V. 10, N 4. P. 20–38. (In rus)
7. Kirilenko V. P., Shamakhov V. A., Alekseev G. V. Freedom of speech and media security. SPb. : Publishing House of NWIM of RANEPa, 2019. 440 p. (In rus)
8. Kudryavtsev V. N. Freedom of speech : monograph. M. : Norma, 2019. 204 p. (In rus)
9. Smolyakov A. A. Problems of defining limits of freedom of speech // Law. Right. State [Zakon. Pravo. Gosudarstvo]. 2018. N 3 (19). P. 12–21. (In rus)
10. Bagdikian B. The New Media Monopoly. Boston : Beacon Press, 2004.
11. Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. New York : Cambridge UP, 2004.
12. Heyman S. Free Speech and Human Dignity. Yale UP, 2008.
13. Keane J. Democracy and Media Decadence. Cambridge UP, 2013.
14. Kramer M. Objectivity and The Rule of Law. Cambridge UP, 2007.

15. Rosen J.A. Privacy, Property, and Free Speech: Law and the Constitution in the 21st Century. The George Washington University, 2013.
16. Schudson M. The Objectivity Norm in American Journalism // Journalism. 2001. V. 2 (2). P. 149–170.
17. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge UP, 1999.
18. Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. Duke UP, 2004.

About the author:

Sergey Yu. Kashkin, Head of the Chair of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Professor of Jean Monnet Chair (European Union); eul07@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. № 2(134)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.02.2020.

Подписано к печати 15.02.2020.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,90. Тираж 200 экз.

Заказ № 2/20.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97